Литературный Азербайджан

ИЗДАЁТСЯ с 1931 года

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
УЧРЕДИТЕЛЬ - СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ АЗЕРБАЙДЖАНА

№ 12

2022

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА

Иван ТРЕТЬЯКОВ. **Превыше всего.** *Из цикла: «Пахари XX века»* 11
ЭМИН М. **Театр на Малой Вишневой.** *Драма* 24
Марк БЕРКОЛАЙКО. **Вперед, на Азизбекова, 19**! *Повесть* 55
Елена АНДРЕЕВА. *Рассказы* 76
Малик ДУРСУНОВ. **Груша Исфандияр.** *Рассказ* 90

ПОЭЗИЯ

Ильхам ГАХРАМАН. *Стихи* 19
Тамара РАФАИЛОВА. *Стихи* 38
Борис ШИГИН. *Стихи* 67

ПУБЛИЦИСТИКА

Александр БАКУМЕНКО. **Мыслители национального возрождения в нашей жизни** 3
Аллахверди ИМАНОВ. **Творчество без фальши** 16
Гюляр АБДУЛЛАБЕКОВА. **Несколько слов о творчестве Ольги Токарчук** 45
Эльнара ГАРАГЁЗОВА. **Деконструкция архетипов и канонических текстов в постмодернистской азербайджанской прозе** 48
Марат ШАФИЕВ. **Всевременные мысли** 53
Низами ТАГИСОЙ. **Слово о Хуршидбану Натаван** 87

СОДЕРЖАНИЕ 2022 130

Главный редактор – **Солмаз ИБРАГИМОВА**

Ответственный секретарь – **Эльдар ШАРИФОВ – СЕЙШЕЛЬСКИЙ**

Отдел поэзии – **Алина ТАЛЫБОВА**

Отдел подписки и рекламы – **Джамиля ШАРИФОВА**

Литсотрудники – **Егана МУСТАФАЕВА, Натаван ХАЛИЛОВА, Ниджат МАМЕДОВ**
https://soundcloud.com/nijat-mamedov-489264474
https://www.youtube.com/channel/UCoPQ9ounuR9X3KgCh0JdFYg

Корректор – **Анна КУЗЁМКИНА**

Редакционная коллегия:

Эльмира АХУНДОВА, Асиф ГАДЖИЕВ,
Шелаля ГАСАНЛИ, Александр ГРИЧ (Лос – Анджелес, США),
Динара КАРАКМАЗЛИ, Азер МУСТАФАЗАДЕ,
Эльчин ШЫХЛЫ

Литконсультант – **Натиг РАСУЛЗАДЕ**

Журнал зарегистрирован 19.04.96 г. в Министерстве
печати и информации Азербайджанской Республики
Регистр. № 352

Адрес редакции:
AZ 1000, Баку, ул.Хагани, 53
Электронный адрес: litaz1931@gmail.com

Сдано в печать 30.11. 2022г.
Бумага офсетная. Формат 70x100 1/16
Печать офсетная, 8.25 печ. л.
Тираж 400
Отпечатано в типографии «OL»NKPT MMC
Тел.: 497 – 36 – 23
Адрес: ул. Мирзы Ибрагимова, 43

ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКАХ ССЫЛКА НА ЖУРНАЛ ОБЯЗАТЕЛЬНА

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.
В публикуемые материалы
редакция вносит необходимую правку.

Во всех случаях полиграфического брака в экземплярах журнала
обращаться в типографию «OL»NKPT MMC

© «Литературный Азербайджан», 2022 г.

АЛЕКСАНДР БАКУМЕНКО

председатель Правления ВБО «Украинский Фонд Культуры имени Бориса Олейника», Председатель Всеукраинского общественного Оргкомитета «Сковорода-300», лауреат Международной литературно-художественной премии имени Григория Сковороды, писатель, академик, г. Киев

МЫСЛИТЕЛИ НАЦИОНАЛЬНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ В НАШЕЙ ЖИЗНИ

3 декабря 2022 года под эгидой ЮНЕСКО в мире широко отмечается 300-летний юбилей выдающегося украинского философа, поэта, музыканта, педагога, композитора, народного просветителя Григория Савовича Сковороды.

К этой юбилейной дате было приурочено большое событие в жизни украинского, азербайджанского и казахского народов. 23 октября 2021 года, благодаря усилиям азербайджанской и казахской общины в Украине, а также городским властям, на проспекте «Полтавский шлях» в Харькове был открыт Сквер мыслителей, посвященный братским отношениям между Украиной, Азербайджаном и Казахстаном. Установленная в сквере скульптурная композиция состоит из трех фигур: украинского философа-просветителя Григория Сковороды, азербайджанского писателя-просветителя Мирзы Фатали Ахундова и казахского поэта Абая Кунанбаева. Памятник выполнен по проекту Народного художника Украины, известного азербайджанского скульптора Сейфаддина Гурбанова.

Мирза Фатали Ахундов (1812-1878) – выдающийся азербайджанский писатель, общественный деятель, просветитель. Материалистическое мировоззрение Ахундова формировалось под влиянием передовой общественной мысли. В теории познания М.Ф.Ахундов исходит из признания познаваемости мира и защищает позиции сенсуализма. Материализм Ахундова соединяется с атеизмом: он критикует ислам, подчеркивает несовместимость веры и знания, реакционную роль религии в истории общества. Ахундов был истинным патриотом, сторонником дружбы народов, выступал за создание братских, интернациональных отношений народов Закавказья с другими народами. Основное его философское сочинение – «Три письма индийского принца Кемал-уд-Довле к персидскому принцу Джелаль-уд-Довле и ответ на них сего последнего». Отвергая идею о боге как первопричине мира, источнике бытия Вселенной, Ахундов придерживался той точки зрения, что бытие Вселенной в своём происхождении не нуждается в каком-либо другом бытии. Частицы, из которых состоит Вселенная, есть атомы. В природе господствует строгая закономерность. Ахундов отвергал бессмертие души. Все религии, по Ахундову, – «абсурд и вымысел», главный тормоз в развитии и распространении просвещения, науки и культуры; страх, надувательство и обман – их основа. Считая ощущения результатом воздействия внешнего мира на органы чувств человека и источником познания, отводя большую роль познанию, Ахундов не смог, однако, постигнуть диалектику перехода от чувственного знания к логическому мышлению. Литературная и общественная деятельность Ахундова была направлена против феодальной отсталости, религиозного фанатизма, за просвещение, свободу, прогресс и благоденствие народа. Он видел цель искусства и литературы в служении народу, в правдивом изображении жизни, в разоблачении социальной несправедливости и других пороков феодального общества. Ахундов явился основоположником азербайджанской драматургии. В 1850-1856 годы он создал ряд реалистических комедий («Молла Ибрагим Халил, алхимик...», «Гаджи Гара» и др.), правдиво и ярко отразивших жизнь Азербайджана, а в 1857 году он написал блестящую сатирическую повесть «Обманутые звезды», в которой разоблачался деспотический шахский режим в Иране. В философских работах («Три письма индийского принца Кемал-Уд-Довле...» и др.) Ахундов пропагандировал материалистические и атеистические идеи, выступал против деспотизма и фанатизма, феодальной отсталости, боролся за реформу старого алфавита. Выступая за «прогресс и цивилизацию», против феодальных порядков и деспотизма, Мирза Фатали Ахундов уповал на народного избранника, который учредит парламент и будет заботиться о народе; вместе с тем он допускал, что подобное преобразование может быть осуществлено и путём насильственного свержения угнетателей. *«...Сам народ должен издавать законы соответственно положению и требованиям эпохи, выработать конституцию и следовать ей».* Ахундов подчеркивал положительное значение централизованной власти, в противовес феодальной раздробленности, которая подрывает силы страны и делает ее жертвой иноземных захватчиков. Призывал изучать важнейшие исторические события, правдиво излагая факты, анализируя и объясняя их. Мирза Фатали Ахундов стал основоположником азербайджанской драматургии и литературной критики. Он отстаивал принципы реализма и народности, а также выступал против натурализма и формалистического украшательства в искусстве. Работы Ахундова оказали большое влияние на развитие культуры народов Востока.

Абай (Ибрагим) Кунанбаев (1845-1904) – великий казахский поэт, писатель, общественный деятель, композитор, основоположник современной казахской письменной литературы и казахского литературного языка, просветитель и философ, реформатор, который действовал в духе сближения с европейской литературой на основе просвещенного, либерального ислама. В поэтических произведениях, созданных в 1882-1886 годы, Абай Кунанбаев обращался к социально-общественным, морально-этическим проблемам казахского общества. Абай Кунанбаев протестовал

против обычаев и устоев того времени, призывая выйти на «верный путь» цивилизационного развития. Стихи Абая Кунанбаева «О, казахи, мой бедный народ» и др. пронизаны глубоким философским смыслом. Абай Кунанбаев воспевал женщину-мать как опору семьи, отрицал калым, многоженство, боролся за равноправие женщины в казахском обществе. В стихах «Көзімнің қарасы» и др. воспевается сила любви и красота женщины. В произведениях Абая Кунанбаева взаимосвязаны элементы пейзажной, любовной лирики с философией. В 1887 году написаны поэмы «Масгуд» и «Искандер». Их сюжеты построены на переосмысленных мотивах восточной классической литературы. Значителен вклад Абая Кунанбаева в развитие художественной прозы и общественной мысли. Абай Кунанбаев автор широко известной прозаической поэмы «Слова назидания», состоящей из 45 кратких притч на темы морали, права, истории, основная идея которых – вера в торжество идеалов. Абай Кунанбаев перевел на казахский язык произведения многих зарубежных классиков. Заслугой Абая Кунанбаева стала его борьба за популяризацию европейской литературы и укрепление связей между народами. Произведения Абая Кунанбаева переведены на многие языки мира. Создан международный фонд имени Абая Кунанбаева, под эгидой которого проводятся Дни творчества просветителя во многих зарубежных государствах. Взгляды казахского просветителя на жизнь формировались под влиянием восточной и западной культуры. С юности он был знаком с творчеством философов и мыслителей Фирдоуси, Алишера Навои, Низами, Ибн Сины. Жизнь и творчество Абая Кунанбаева – неотъемлемая часть казахской истории и культуры. В современном Казахстане день его рождения с 2020 года стал праздником – Днем Абая. Сейчас во всем мире Абай известен как поэт, мыслитель, основоположник казахской литературы, народный просветитель.

В этой триаде выдающихся мыслителей национального возрождения наших братских народов особое место принадлежит украинскому философу-просветителю Григорию Савовичу Сковороде.

Духовное наследие Григория Сковороды не может не вызывать у нас, граждан Украины, чувства национальной гордости и большого уважения к нам, украинцам, среди народов мира. Далеко не каждый народ может гордиться своими гениями, выдающимися мыслителями, признанными во всём мире, такими, как Григорий Сковорода, Мирза Фатали Ахундов, Абай Кунанбаев. Нация, которая возносит своих выдающихся мыслителей до уровня национальной идеологии, становится великой. Ярким примером тому стал великий китайский народ, который в национальном духовном учении опирается на своего гениального земляка, древнего философа Конфуция (Кун-Фуцзы). Его философия спокон веков для китайцев была государственной религией. Ещё в VI столетии до н.э. философ-идеалист Конфуций создал общественно-политическое и этическое учение, в котором поддерживал справедливую государственную власть и выступал в некотором роде даже против социального неравенства.

В нынешнее сложное время творчество Григория Сковороды требует нового осознания учеными и политиками, нового прочтения нашими гражданами, глубокого и внимательного изучения современными литературоведами, популяризации, прежде всего среди молодёжи, средствами изобразительного искусства и литературного слова. По моему мнению, философия Григория Сковороды должна стать национальной идеологией и государственной религией украинского народа. Тогда Украина будет иметь долгосрочные перспективы своего развития.

Среди выдающихся украинцев его имя стало наиболее популярным в мире. Про жизнь и творчество Сковороды напечатано более пяти тысяч книг и научных монографий. Ещё больше существует легенд, но никто не может сказать, что он по-настоящему знает Григория Сковороду. Украинский мыслитель остаётся неуловимым, хотя интерес к его творчеству не теряет актуальности.

Его часто называют «украинским Сократом», Конфуцием, Диогеном, Пифагором или даже первым хиппи, «Магистром», который всю жизнь посвятил изучению Библии, или еретиком, который отошёл от христианства, «украинским перворозумом», или «человеком Сердца», который возвышает Человека до уровня Христа, первым философом эпохи Возрождения и первым поэтом-метафизиком. В воспоминаниях современников Григорий Сковорода представляется человеком уникальных возможностей, который владел глубокими сакральными знаниями рыцарей Духа – украинских *казаков-характерников* (ведун, целитель, духовный наставник в Запорожской Сечи, который занимался не только ведовством или гаданием, но и лечением раненых казаков, их психологической и физической подготовкой). О нём при жизни было сложено множество легенд, кобзари исполняли его песни по всей Украине, а во многих сельских хатах рядом с церковными иконами ставили портреты Григория Сковороды.

Изучая творческое наследие Григория Сковороды, сегодня следует рассматривать образ украинского мыслителя в другом аспекте – в образе учителя человечества, который на основе античной, восточной и европейской философии создал универсальную морально-духовную Программу совершенствования Вселенной. Сам о себе Сковорода говорил, что он один – земной, тленный, а другой – вечный, Божий, духовный. Этот другой, Дух которого проникает через тленную материю, соединяет Небо и Землю, и есть истинный Сковорода.

В 2006 году известный бразильский писатель Пауло Коэльо на вопросы журналистов о причинах своего пребывания в Украине, сказал: «*Я приехал поклониться земле, которая породила философа XXI столетия Григория Сковороду*». Сегодня философия Григория Сковороды актуальна как никогда. Каждая цитата из его произведений звучит как обращение к нашим современникам. Вот например:

«*Мы чересчур интересуемся чужими краями, бережно и проникновенно относимся к ним: измеряли моря, землю, воздух, небеса, побеспокоили, ради металлов, чрево земли, рассредоточили планеты, нашли на Луне горы и реки, нашли бесчисленное количество неопознанных миров, строим непонятные машины, засыпаем пропасти, останавливаем управляемое водное русло, ежедневно проводим новые исследования и добиваемся новых открытий. Боже мой, что мы умеем, что мы можем! Но горе в том, что при всём этом чувствуется, что вроде бы не хватает чего-то очень важного. Нет того, чего и предусмотреть не можем, одно лишь знаем, что чего-то не хватает, а что оно такое, не понимаем... И это – явная неудовлетворённость нашей души...*»

Проблемы, с которыми сегодня столкнулось человечество на Земле: военные конфликты, вирусы, экологические катаклизмы, моральная деградация, жестокость, агрессия, насилие, социальный пессимизм, – все это Сковорода предвидел ещё 300 лет назад и учил людей, как избавляться от этих бед путём духовного самосовершенствования. Но мир его не понимал. Его называли звонарём для глухих и укоряли в том, что философ носил свечу перед слепыми. Мир пробовал поймать его в заманчивые сети, соблазнял и властью, и славой, и любовью, и высоким церковным саном, но философ от всего этого отказался, оставаясь «праведным апостолом Духа». Итоги своей жизни Григорий Сковорода начертал в надгробной эпитафии: «*Мир ловил меня, но не поймал...*» Он знал дату и время своей смерти, сам себе выкопал могилу, подготовился к последним странствиям земной жизни и отошёл в вечность.

Ныне мир вступил в новую эру. Настал период новых энергий, трансформации сознания. Родилось не одно поколение новых людей. Может, они поймут «философию сердца» Григория Сковороды, учение о «трёх мирах» и «двух натурах», «формулу счастья», «сродный труд» и «неравное равенство». Может им повезёт «узнать себя».

В Киево-Могилянской академии Сковорода получил глубокое образование, он окунулся в мир античной и средневековой философии. Его кумирами были: Пифагор, Сократ, Платон, Плутарх, Цицерон, Сенека, Аристотель, Эразм Ротердамский. Их произведения *спудей* (студент, семинарист) Григорий изучал на языке оригинала, поскольку владел в совершенстве латинским, эллинским, еврейским, немецким, польским и французским языками. Учась в академии, он сам себе зарабатывал на хлеб уроками музыки, уроками вокала. Сковорода играл на скрипке, флейте, бандуре, кобзе, пел в церковном хоре, писал музыкальные произведения. Именно уникальный голос и музыкальные способности привели его в царскую капеллу в Санкт-Петербург, где юноша почти четыре года был солистом хора у царицы Елизаветы.

Пять лет путешествовал Григорий Сковорода по странам Европы, изучал новейшую философию, природоведческие науки, литературу. Особенное влияние на его мировоззрение имели произведения немецких философов-мистиков: Лейбница, Вайгеля, Бёме. Пребывание Сковороды в Европе, знакомство с «Авестой» и «Ведами» изменили его религиозные взгляды, понятие Бога и Человека. Он возвратился из Европы другим, просвещённым человеком, мыслителем «новой» формации. Центральным в человеке он уже видел не его «теоретические», «образовательные» способности, а более глубокое содержание в «*эмоционально-волевой сути человеческого духа – в сердце человека*». В сердце рождаются и мысль, и желания, и чувства. Отсюда возникает и главный тезис ***«узнай себя»***, узнай в себе свой «внутренний мир», сознание человека, которого Сковорода наградил Божественными качествами. Человека философ видел не рабом Бога, а его ребёнком, которого Господь оберегает и о котором постоянно заботится.

Учение Сковороды противоречило многим догмам христианства, которые держали человека в постоянном страхе перед Богом, сдерживали его свободу. Мыслитель был истинно верующим человеком, который не признавал церковных церемоний и обрядов. У философа постоянно возникали проблемы с церковью и властью. Сковорода последовательно отстаивал свои взгляды о человеке, как наибольшей ценности Вселенной, о человеке, свободном от всяческих социальных, национальных и религиозных запретов. За непослушание и нарушения установленных церковных канонов философа уволили из Переяславского и Харьковского коллегиумов.

Последние двадцать пять лет жизни философ путешествовал по Украине и России, занимался просветительством, учил детей наукам, музыке, иностранным языкам, а главное – учил народ, как стать счастливым в повседневной жизни.

Особенно важное значение в жизни Сковороды имела дружба с Михаилом Ковалинским, которая оставила глубокий след в жизни философа. Незадолго до смерти Сковорода передал Ковалинскому рукописи всех своих произведений: рукописи стихотворений, басен и философских трактатов. Сохранилось также огромное латиноязычное эпистолярное наследие великого украинского философа.

Действительный статский советник Михаил Ковалинский, любимый ученик философа, стал впоследствии первым биографом Григория Сковороды.

Книга «Житие Григория Сковороды» – первый и единственно достоверный источник информации о жизненном и творческом пути выдающегося украинского мыслителя.

Вот как описывает в своих воспоминаниях Григория Сковороду Михаил Ковалинский:

«*Удивительный способ мысли, его учения и жизни обращал на себя внимание всего слобожанского общества. Одевался он пристойно, но просто, употреблял обычную еду, спал не более четырёх часов в сутки, был всегда весёлый, бодрый, лёгкий, живой, сдержанный, всем довольный, благодушный, предупредительный перед всеми, разговорчивый, всегда приводил поучительные примеры, очень уважительно относился к людям всех сословий, проведывал больных, успокаивал огорчённых, делил последнее с бедными людьми, выбирал и любил друзей за их сердечность, имел набожность без фанатизма, учёность без чванства, обращался ко всем без лести...*»

Внешняя человеческая простота в гармонии сочеталась с величием гения. Именно таким хочется видеть образ Григория Сковороды нашим современникам.

В своём произведении «*Брань* (борьба – **Ред**.) *Архистратига Михаила с сатаной*» философ сказал о себе: «*Я есмь пришелец на земле*».

Он называл себя Варсавой – именем с тройным содержанием: сын Савы, христианский апостол-праведник, а также гражданин Вселенной. Он действительно принадлежал Вселенной, поскольку в его произведениях нет никакой национальной или религиозной ограниченности. Его мысли – мысли настоящего, свободного, разносторонне одарённого человека – достигают космических высот. На пути в третье тысячелетие учение Григория Сковороды несёт нам новые знания, высокую мораль и светлые надежды на будущее всего человечества.

1 декабря 2012 года в Украинском фонде культуры под руководством Бориса Олейника был создан Всеукраинский общественный оргкомитет к 300-летнему юбилею Григория Сковороды. Тогда же, в декабре 2012 года, была принята долгосрочная Всеукраинская программа Украинского фонда культуры: «Сковорода – 300».

Ныне украинский народ уже осознал понимание того, что моральное учение Сковороды может стать живительной кровеносной системой во всестороннем строительстве независимой демократической Украины. И это особенно необходимо в наше время, когда страна проводит курс на системное реформирование экономики, на прагматический профессионализм в управлении, на преодоление бедности, последовательное повышение народного благосостояния, на дальнейшее общественное развитие и стабильность.

В современных условиях – это единственно правильный курс для построения экономически сильной Украины – страны для народа, для его духовного и культурного возрождения. В нашей истории уже были времена, когда экономический фактор, направленный лишь на приумножение материальных богатств, уничтожал саму историю, трансформируя её в линейное продолжение производственной массы. Гражданское общество только тогда достигает мощи и успеха, национального единения и достаточного благосостояния, когда объединяет в себе экономические реформы и материальный рост в общем этическом контексте. Экономика и мораль должны объединяться на общечеловеческой платформе, укрепляя друг друга. Разумное соотношение между производством и потреблением, стимуляция продуктивных сил для удовлетворения материальных требований и духовных запросов человека сегодня становятся главным мерилом общественного прогресса. Потому, трактуя на современный лад философские постулаты Григория Сковороды, обращаясь к произведениям украинского философа, преодолевая их древнекнижный языковой барьер, можно сделать вывод, что нынешнее развитие общества вытекает из философии Ско-

вороды. Философское учение Сковороды учитывает и объединяет нынешние интересы общества с запросами и требованиями будущих поколений человечества. Сегодня и завтра становятся неразрывно взаимозависимыми для готовности восприятия идей Григория Сковороды, в которых были предусмотрены в контексте его идеологем азы стабильного развития и дерзновенность человеческого счастья, а также главное условие человеческого существования – свобода.

Призыв Сковороды: «Дерзни быть счастливым!» стал краеугольным камнем для многих современных последователей философа. Ведь личное счастье человека одновременно выступает и категорией общественной, общей для каждого гражданина страны, что органично вписывается в постоянный калейдоскоп нашей жизни.

Безусловно, счастье человека прямо зависит от Божьего Промысла.

Украинский народ стремится к высшей цели – развитию независимой украинской державы, которая активно борется со своими врагами, героически защищая от соседского агрессора свои священные рубежи. Поэтому с Господом Богом Украина направляется к счастью и процветанию каждого человека. Как призывал Григорий Сковорода: «*Сотворим мир получший, созиждем день веселейший...*»

Сегодня как никогда творчество Сковороды имеет национальное и общечеловеческое значение. «*Мир ловил меня, но не поймал*», – такие пророческие слова завещал написать на своей могиле выдающийся философ. Можно сказать, что мир и до сих пор ловит мудрые слова Сковороды, примеряя их к нынешнему времени. Такие деятели культуры, как Григорий Сковорода, в наше не простое время духовного возрождения, борьбы за свою независимость и суверенитет должны консолидировать нацию, работая на перспективу украинского общества. Без возрождения духовности невозможно возродить великую державу, и творчество Григория Сковороды как раз и служит этому великому делу. Хоть и тяжело было нашему народу в течение трёх столетий сберечь бытовые и прижизненные экспонаты, которые отражали эпоху Сковороды, время его просветительской деятельности, но нам, его наследникам, необходимо уберечь нашу землю, её национальные традиции и самобытные народные обычаи. Ведь в этой благословенной земле зарыта пуповина нашего выдающегося философа-просветителя, который занимает почётное место в истории украинской и мировой философии.

В последние годы всё большего размаха достигали акции по подготовке к празднованию 300-летнего юбилея со дня рождения выдающегося украинского философа-просветителя Григория Савовича Сковороды. Например, на протяжении тридцати лет земляки поэта-просветителя, жители казацкого села Чернухи, которое находится на Полтавщине, где появился на свет Григорий Сковорода, в каждое первое воскресенье октября проводят литературно-художественный праздник: «*Благословенные следы мандривныка* (странник, скиталец – **Ред**.) *Сковороды*». Этот праздник ежегодно имеет своё продолжение в Киеве в виде выставки произведений молодых художников Национальной академии живописи и архитектуры, которые вместе с известными мастерами ежегодно проводят пленэры на малой родине философа-просветителя. После каждого выездного вояжа художников на родину Сковороды производится конкурсный отбор работ для постоянной экспозиции в Чернухинском музее Григория Сковороды. Ежегодно в вузах Украины проводятся Сковородиновские чтения. Колоссальную работу по популяризации творческого наследия Григория Сковороды проводит активный участник этих чтений в Переяславе-Хмельницком профессор, доктор философских наук, директор Центра «Сковородоведения» Переяслав-Хмельницкого государственного педагогического университета имени Г.С. Сковороды Николай Павлович Корпанюк. Он предложил в венок памяти выдающегося просветителя создание «Живых памятников» Григорию Сковороде – посадку дубовых рощ, калиновых кустов и верб возле колодцев в местах пребывания Сковороды. Стараниями Чернухинской сельской громады уже была высажена большая дубовая

роща в отчем крае Сковороды. Жители Переяслава-Хмельницкого также посадили дубовую рощу саженцев красных дубков из легендарных Чернух. У казацкого села Ковали, что возле Сковородиновских Чернух, с гребня высокого склона сбегает вниз маленькими красными дубочками будущая роща, которую в октябре 2010 года в честь выдающегося философа-просветителя посадили его почитатели. В 2022 году этим дубочкам пойдёт тринадцатый год, время, когда деревья поднимутся вверх и станут в рост человека, возраст, в котором Гриша Сковорода выехал из Чернух на учёбу в Киево-Могилянскую академию. Мистика и символика всегда находятся рядом, жизнь бесконечна... Как мне кажется, эти 300 дубков вместе с книгами Ивана Драча и Веры Мельник «Варсава» (2019), Владимира Стадниченко «Иду за Сковородой. Исповедь в любви к учителю» (2002), «Садовник счастья. Сковорода как зеркало Украины» (2012), «Учитель жизни. Сковорода как лозунг времени» (2016), Александра Бакуменко «Философ счастья» (2022) станут живым памятником не только Григорию Сковороде, но и всем инициаторам и участникам большого проекта «Сковорода – 300». И это естественно, ведь главных организаторов того интересного и очень важного всеукраинского проекта уже нет среди нас, они совсем недавно тихо ушли в лучший мир... А сегодня напоминают нам, будущим поколениям, мудрую Сковородинскую заповедь: *«Не думай о времени, думай о вечном...»* И этим вечным в жизни украинского народа должны оставаться незыблемые ценности нашего национального и духовного наследия.

К сожалению, наши духовные ценности не дают покоя врагам Украины, русским оккупантам, которые называют Григория Сковороду своим «первым русским» философом. В ночь на 7 мая 2022 года на Харьковщине в селе Сковородынивка в месте захоронения украинского философа ракета русских оккупантов уничтожила Национальный мемориальный музей Григория Сковороды. Пожар в музее Сковороды погасили только около восьми часов утра. Площадь возгорания составила 280 квадратных метров. Русские войска во время обстрелов Харьковской области разрушили музей Григория Сковороды в Сковородынивке, помещение музея было практически уничтожено, но коллекция не пострадала, её предусмотрительно переместили в безопасное место. Для всей Украины неимоверной болью стало уничтожение нашей национальной святыни, Национального музея Григория Сковороды, который активно готовился к 300-летнему юбилею философа-просветителя. В связи с юбилеем в Национальном литературно-мемориальном музее Григория Сковороды в складском помещении, построенном в XIX столетии, во время реставрации планировалось сделать ещё один выставочный зал и оборудовать конференц-залы. Бесспорно, нужно отметить многолетнюю кропотливую работу директора музея Наталии Мицай, которая жила и живёт и ныне вечными делами Григория Сковороды. Думаю, что вся литературно-художественная общественность Украины не останется в стороне от нашего священного дела по восстановлению Национального литературно-мемориального музея Григория Сковороды на Харьковщине, музейный комплекс которого размещался в одном из лучших дворцовых поместий, где центром был дом, построенный в стиле классицизма во второй половине XVIII века. Вокруг дома более 300 лет благоухает английский парк, на территории которого размещается деревянный склад, контора управляющего делами поместья и памятник Сковороде работы скульптора Ивана Кавалеридзе. Две аллеи парка ведут к любимым местам Григория Савовича: колодцу и 700-летнему дубу. А философская аллея, на которой размещено восемь скульптур, снова приведёт вас к могиле мыслителя. Музейное собрание до сих пор насчитывало несколько тысяч экспонатов, часть из которых была уникальной. Верим, что экспозиция музея снова будет восстановлена и размещена в трёх обновленных залах музея и мемориальной комнате. Помочь в этом нелёгком деле по возрождению музейного комплекса Григория Сковороды – дело чести каждого украинца.

ИВАН ТРЕТЬЯКОВ

ПРЕВЫШЕ ВСЕГО

Сказание о гвардии полковнике, крестьянском сыне

Из цикла «Пахари двадцатого века»

…Нынешние поколения привыкли к благам цивилизации, многие настоящего крестьянского труда не представляют, а иные думают, что жизнь – это кривлянье на танцульках, что все вопросы бытия решаются под знаком секса, что все, что надо человеку, растет в кафе, ресторанах и отелях, иные даже догадываются, что жизненные блага творятся не на балах и приемах, но где-то там, за кадром, какими-то существами неведомой породы, без дворянских и княжеских корней, которых раньше, кажется, называли то ли крестьянами, то ли колхозниками, а ныне кличут какими-то совками… И если кого-то из таких, от рождения иждивенцев, и даже тех, кто трудится на разных производствах – ответвлениях от главного стержня жизни, провести по тогдашнему хозяйству Бурковых – рядовому, кстати, хозяйству начала XX века, доколхозного периода, то пришлось бы, как в музее, объяснять, что к чему, как и зачем делается. И они подумали бы, что их опустили в забытую древность. Но пойдемте, читатель, с отлученными от истории, и поясним, где что, чтобы они знали, в какой обстановке жили наши вечные кормильцы, выдвигавшие из своей среды героев и гениев, защитников Отечества, от каких корней растет народное древо и каким трудом оно взращено, чем располагали труженики земли… Зайдем в бревенчатое строение, в котором зимой – тепло, а летом прохладно. Вот у стены поблескивает лемехом и радует красной краской плуг «путиловец» и железная борона «зигзаг». А рядом, для памяти, как говорил дед, деревянная соха с наконечником вместо лемеха, кованным местным умельцем, и деревянная борона с деревянными же зубьями. На стене – широкое, раструбом, берестяное лукошко, из которого сеятель могучей мозолистой рукой брал семена и широким аккуратным веером разбрасывал по вспаханной полосе – как разбрасывал, так они и взойдут – ровными тесными рядами, или клочками с проплешинами. А внизу стоит, сверкая лаком, сеялка, под стрехой висят косы, цепы, а внизу – косилка красуется, рядом – веялка и молотилка, предвестники комбайнов… В другом конце помещения – сельский транспорт, средства передвижения – все в этом хозяйстве было, как говорится, «на мази», соответствовало крестьянской пословице: готовь сани летом, а телегу – зимой… Да, крестьянин начала прошлого века знал, а когда бывал в городах, своими глазами видел, что аристократы, буржуи давно ездят на «моторах», хотя, ради шику, не прочь прокатиться и на тройке с бубенцами и в расписных санях, и в коляске с вензелями, но чаще уже на «моторах» – закрытых, открытых, с откидным верхом, как в кибитках, во всяких там кабриолетах, ландо, роллс-ройсах, ленд-роверах, но, правда, не мог представить себе, что в недалеком будущем эти средства передвижения будут стоять рядом с тракторами и грузовиками во дворах и гаражах

крестьян, которым повезет выжить после революций, коллективизаций, войн и, особенно – приватизаций, и что дворы эти «переплюнут», двужирные двухэтажные сельские дома, и станут называться коттеджами, фазендами и черт знает как еще! В начале XX века и даже в начале XXI века еще в ходу были и сани, и дровни, и санки-саночки, и телеги, и тарантасы, и щегольские коляски, но главным «мотором», живым, другом и товарищем по тяжкому труду остается конь – оба они, хозяин и лошадь, были в одном хомуте и пахали на все Отечество. Доброго коня холили и лелеяли, кормили и поили, чистили и купали, всячески обхаживали, не побоюсь сказать, как самого любимого и надежного члена семьи. Конь и под плуг, и под воз, и под седло, и под праздничный выезд. И конь отвечал рачительному хозяину такой молчаливой любовью и преданностью, какой и в людях не встретишь. И вот мы идем по конюшне, и кони – один для себя, другой – для сына, который вот-вот должен жениться и жить своим домом, довольные, тянутся, чтобы их приласкали… На противоположной от яслей стене висит их амуниция: хомуты, сиделки, шлеи, седла – все точно пригнанное, – чтобы сидело, как влитое, не жало, не натирало, не беспокоило… Даже плеть висит – не для того, чтобы ею любимца охаживать, а для порядка, для комплекта – конь, как и человек, охотнее подчиняется ласковому слову, чем кнуту, и понимает это слово. Обойдя все службы, где все и всегда в полном порядке, на своем месте, везде строгость, целесообразность, все под рукой на все времена и на все случаи жизни, заглянем в жилые помещения. Для поколения людей, выросших под открытым небом, в окопах и землянках, времянках и общежитиях, в коммуналках, летняя изба Бурковых, впрочем, как почти каждая крестьянская изба, показалась бы неоглядной. Просторные комнаты, солнечный свет в которых греет человека почти от зари до зари, с востока, юга и запада… Крашеные полы, устеленные ткаными дорожками, двери, рамы, светло-небесный цвет потолка, оклеенные обоями стены, которые и без оклейки ласкали бы взор золотисто-коричневым колером тесаных бревен, но – дань моды… Широкие подоконники, на которых цветут розы, герань, горошек, перец, одинаково поражающий и желтоватыми крупными цветами и ярко-красными стручками, легкие тюлевые занавески собственного изготовления, мебель темного цвета – изделия местных мастеров, не уступающие фабричным и, справа от входа – русская печь, аккуратная, подбористая белая красавица с нишами по бокам, в которых стояли самовар, расписные кувшины. Печь эта сложена мастерами из деревни, которая так и называется Печниково, это чудо из чудес: дрова в ней, даже сыроватые, моделые, враз занимаются, горят ровно и устойчиво; она долго держит тепло, и сущее блаженство полежать на ней, или на прилипшей к ней доверчиво лежанке, на полатях, особенно после долгого пребывания на морозе. Все в этой печке отменно уваривается, жарится и печется – все воздушное, румяное, аппетитное. Сверкают посудой шкафы и приблюдники – все в шкафах есть, чтобы украсить любой стол, и легко и естественно чувствуют себя в этом светлом, уютном дому и хозяева, и гости, и соседи. Поражаются порядком и чистотой, и иные хозяйки, в утешение себе, говорят: «Да что в дому – у Бурковых в хлевах и коровнике чище, чем у иных в горнице».

Что до зимней избы и примыкавших к ней помещений, то они с осени до весны превращались в комбинат, где дубили кожи, выделывали овчины, чистили, мыли и сушили шерсть, валяли сукно, обрабатывали лен, пряли, ткали, шили, толкли и мололи, имелся ручной жернов, и для всего этого имелись необходимые приспособления. Там стоял ткацкий станок-кросна, и когда его заправляли пряжей и садилась за него Анна Федоровна, мастерица на все руки, или ее дочь, с него стекали на чистый пол полотно, разноцветная пестрядь, тюль, ткань на рубахи, брюки и гимнастерки – яркая, выкрашенная естественной краской в ровный серо-голубой цвет, в носкости не уступающая знаменитой в будущем заморской джинсовой.

А в углах ждал своего часа столярный, плотницкий, сапожный припас. Потом наступал час пищевых продуктов – запаривали молотое льняное семя и конопляное зерно, заворачивали в полотно и помещали в тиски между двух плах, которые затем снизу и

сверху, с обеих сторон, подбивали клиньями – и текла золотисто-коричневая струя конопляного масла, или светло-золотистая льняного… А жмых не выбрасывали – понемножку, когда захочется, ели, и в голодные годы он вовсю пошел в ход.

Я далек от мысли идеализировать тогдашнюю жизнь, да и крестьянин отлично понимал, что многое отживает свой век, заменяется современным, менее трудоемким, что фабричное сукно и цветистые ситцы, «скороходовские» сапоги, штиблеты и ботинки и удобнее, и легче, и красивее кустарных, что от всего старого, испытанного выживает только то, что стоит на грани искусства или заявляет о себе как подлинное народное искусство – так подробно я останавливаюсь на реалиях прошлого, чтобы показать, что русский человек мог все, и умел все, во всем находил и выявлял целесообразность и неповторимую красоту, всегда любил и глубоко чувствовал природу, и животных любил именно как младших братьев, которым нужна опека, забота и ласка, что зря у природы он не брал ничего, а если брал – старался возвратить ей с лихвой, вместо спиленного дерева посадить и вырастить два. В семье Бурковых было трепетное отношение к коню, и к корове-кормилице, к любому существу из разряда «домашний скот», к верной собаке и ласковой кошке… Никто в этой семье не обижал беззащитного существа – на любви ко всему живому воспитывались дети, усваивали доброе отношение к природе и к людям. Не промышляли охотой, не стреляли в доверчивых птиц – ни в голубей, ни в рябчиков и глухарей и даже в зайцев, безжалостной судьбой как бы от рождения предназначенных в жертву человеку, ни намеренно, ни нечаянно не растоптал даже муравья – это насекомое так похоже на человека, а трудолюбием его превосходит, и часто дед, качая головой, удивлялся, как это крохотное существо тащит соломину или сухую ветку раз в десять больше, чем он сам… Безграничная любовь к труду, без которого он не видит смысла жизни, и восприимчивость к красоте, ко всей прелести бытия – главная черта истинно русского человека, чужого он не желал, не брал, к соседу дикой зависти не испытывал, и потому в нужный час преисполнялся презрением и гневом к тем, кто как раз стремился кому-то сесть на шею, захапать чьи-то богатства, захватить, отнять, украсть. Веря в добро и справедливость, умел за них постоять, а если речь шла о независимости Родины, мог бестрепетно за нее умереть.

Человек растет как дерево и достигает расцвета, если у него крепкие, глубоко ушедшие в родную землю корни. И экскурс в прошлое, не такое уж далекое – всего в один век, я делаю для того, чтобы показать, на какой почве, от каких корней вырос и прошел по жизни герой моего сказания Прокопий Михайлович Бурков, родившийся 6 июля 1896 года.

Да, это была дружная, работящая семья. Так бы и жить, внося в бытие коррективы в согласии со временем. Подрастали один за другим сыновья, старших надо женить, единственную дочь выдать за достойного человека. Приближался естественный, освященный веками раздел семьи, и Михаил Егорович и Анна Федоровна озаботились тем, чтобы поставить старшему сыну дом, выделить землю, обеспечить живностью. А там подойдет очередь второго сына, третьего, и кто-то из младших останется на отцовом подворье… Пойдут внуки, а с ними – свет и радость на склоне лет.

Но двадцатый век никому не обещал спокойной размеренной жизни. Грянула русско-японская война, унизительные поражения сухопутных войск и потрясшая сердце каждого русского гибель российского флота – Цусимская катастрофа, показавшие экономическую и военную слабость царской России. Море напрасно пролитой крови всколыхнуло народ. Рабочий, гнувший спину на молодого, жадного капиталиста, раньше крестьянина понял, ради кого и для чего он вытягивает жилы при ненормированном рабочем дне, без отпусков, при грошовой оплате, живет в конурах. Но крестьянин, всем своим существом привязанный к земле, прирученный и привыкший к послушанию, несущий в своих генах память о том, чем закончились попытки Болотникова, Разина и Пугачева дать людям волю и землю, проснулся чуть позже. Он, содержавший государство,

плативший ему налоги и подати за то, что живет на земле, основной поставщик рабочей силы на фабрики и заводы, в промышленность и пушечного мяса – в армию, все же проснулся и подумал: на кого же он, в итоге, трудится, кого кормит-поит, ради кого и за что умирает на полях сражений? Но наивная вера в царя, «помазанника Божия», еще раз сработала, и рабочие, и крестьяне поверили, что только царь и может исправить положение, дать им возможность нормальной, человеческой жизни, снимет с них навьюченные помещиками и работодателями невыносимые узы, и пошли к царю-батюшке безоружные подданные – с мирной петицией. Милостивый царь ответил расстрелом мирного шествия. И пришло отрезвление: народ понял, что никто не избавит его от непомерных налогов и поборов, воровства и казнокрадства чиновников, от рекрутских наборов, полицейского разгула, от издевательств, от нищеты. А тут еще столыпинские реформы, отруба, крушение общинного землевладения, появление сельской буржуазии, кулаков-живодеров и, конечно, безземельных, безлошадных бедняков, сельских пролетариев, которым ничего не оставалось, как идти в рабы к новым мироедам. Началась революция. Царизм подавил ее жесточайшим образом. Снова расстрелы – на Черноморском флоте, в Выборге – всюду, где обнаруживалось «неповиновение». И через несколько лет – Ленский расстрел… Нынешние переписчики истории все это «забывают», царя возносят как образец доброты, а Столыпина – как образец государственной мудрости, и вспоминают только о том, что этот мудрец – потомок Лермонтовых, а не изобретатель «столыпинских галстуков» – петель и виселиц…

Уцелев во время народного возмущения, царь, как пелось в частушке, – «испугался, издал «Манифест»: мертвым – свободу, живых – под арест». Да, он все-таки пошел на некоторые уступки обществу, была учреждена Государственная Дума – как громоотвод народного гнева, отлично управляемая из Зимнего дворца и не решившая ни одного кардинального вопроса жизни общества. Короткое затишье царь использовал, ввязавшись в Балканскую войну, под предлогом освобождения славянских братьев от османского ига… Но, конечно, руками русских вытеснить и «заместить» Турцию на Балканах хотели и Австро-Венгрия, и Германия, и вездесущая Британия. Русскими войсками были одержаны блестящие победы в ряде сражений. Но противоречия великих держав нарастали по взаимоисключающим интересам. Сколачивались блоки и союзы, т.н. «согласия», и достаточно было искры, чтобы вспыхнул пожар новой войны, и такой искрой стал выстрел Гаврилы Принципа в австрийского эрцгерцога Фердинанда. Первая мировая война, втянувшая в огонь сражений десятки миллионов солдат, и в первую очередь российских, немецких и австрийских, для России была гибельной. Отдельные успешные операции, такие, как Брусиловский прорыв, способные изменить ход войны, дальнейшего развития не получили, другими фронтами и резервами поддержаны не были… Да и кто об этом думал и ломал голову? В той войне против немцев и австрийцев русские фронты возглавляли… немцы – Ренненкампфы, Маннергеймы… Во главе дивизий и полков тоже стояли прибалтийские немецкие бароны и чистокровные немцы – у них был, как теперь выражаются, свой, отличный от русского, менталитет, втайне, а то и явно, они восхищались всем немецким, преклонялись перед немецкими генералами, ненависти к ним не чувствовали, и русский народ ненавидели и нещадно гнали на смерть русских солдат. Помню, в моей роте служил старшина Ковалев, ростовчанин, участник Первой мировой и Гражданской войн – он вспоминал, что их полком командовал немец Тайхерт. Он разговаривал с русскими солдатами исключительно кулаком – даже отрапортовать о выполнении приказа нельзя было, не получив удара в лицо, не говоря уж о том, чтобы о чем-то спросить или пожаловаться – убьет, не моргнув глазом… По командам таких людей русские солдаты шли в бой, тонули в Мазурских болотах, оставались навечно лежать на полях Галиции, в Карпатских горах, задыхались от газовых атак, а царь гнал в огонь новые армии, корпуса и дивизии – мало того, он послал Русский экспедиционный корпус на помощь французам, и французские генералы, эти потомки «непобедимого» Наполеона, бросали

русских солдат в самые гиблые места сражений наряду с марроканцами и прочим «пушечным мясом» из колоний. Множилось количество невосполнимых утрат, калек, больных, ежедневно Россия обретала осиротевших стариков, тысячи вдов и бессчетное число сирот. А война – это не только атаки и кровь, разгул смерти, но и без конца растущие потребности в хлебе, одежде, снаряжении и оружии, боеприпасах, это труд на обезлюдевших полях тех, кто не подошел в строй, – малолеток, женщин, стариков, это работа у станков, в шахтах и рудниках, это бесконечно растущие налоги и всевозможные поборы.

Экономические и людские ресурсы страны истощались, союзники всячески волынили с выполнением российских военных заказов, российские деньги оседали в европейских банках (потом на эти деньги будут содержать, учить и готовить к нападению на Советскую Россию белогвардейские воинские соединения!)… Народ устал от ненужной ему войны за чуждые России интересы, измученные непосильным трудом, недоеданием, нищетой рабочие и крестьяне склонялись к мысли, что с этой войной надо кончать, и все больше обретала сторонников идея большевиков о выходе из войны и заключении мира без аннексий и контрибуций… Но идея идеей, а война продолжалась, победа в ней не маячила даже перед самыми, что называется, ура-патриотами, а сражения следовали одно за другим. Росло брожение и возмущение в солдатской и матросской среде, в народных массах. И правящая верхушка России решила отвести угрозу всенародного взрыва и свалить все беды на царя, вовсе не безгрешного. Узкий заговор думских воротил и генералов, Родзянок и компании привел к отречению царя, а затем и его брата – совершилась Февральская революция, рухнула трехсотлетняя династия Романовых, возникло буржуазное Временное правительство, много чего обещавшее народу, но с войной не было покончено, как надеялись люди, – наоборот, война продолжалась, и Керенский со своим кабинетом министров призывал довести ее до победного конца.

От семьи Бурковых война потребовала старшего сына Прокопия Михайловича – остальные были еще мал мала меньше. К моменту призыва он работал печатником в уездной типографии. Был в те времена веками освященный обычай: по окончании полевых и уборочных работ в многодетных семьях кто-либо, обычно старший сын, шел на отходные промыслы… Дом ему и хозяйство собирали не в один год, и надо было еще подзаработать. Бывало, что на заработки уходил младший сын, которому дольше всех предстояло ждать выделения на самостоятельное хозяйство… Мой дед по отцу, который умер до моего рождения, Кузьма Васильевич, был младшим из братьев – каким образом, с чьей помощью или благодаря чьему совету пошел он в монастырь и несколько лет был послушником на Соловках – неведомо, но вернулся грамотным, возможно, и денег какую-то толику принес и поставил дом, но и обзавестись всем, о чем мечтал, ему не довелось – на жену, сыновей и трех дочек оставил он недоделанные дела…

Прокопию Михайловичу было проще: дом держался на родителях, на подрастающих братьях и сестре. Не исключено, что, если бы не война, он мог и не вернуться в деревню, и одним пролетарием было бы в России больше – крестьянство не только кормило страну и выставляло сыновей на ее защиту, но и пополняло рабочий класс, и нередко ушедшие на заработки в лапотках и домотканых кафтанах через энное время становились мастеровыми людьми, пробивались в инженеры, а то и шли по дороге, протоптанной Михайлом Ломоносовым… И никто никогда не скажет, сколько и каких потенциальных талантов было погублено в войнах – добро бы только за Отечество, а гибли Бог весть за что, хватали по приказу царя каштаны из огня для разжиревших на человеческих бедах мусье, мистеров-твистеров за морями и океанами.

С военной службы, с участия в первой мировой войне начался для героя этого сказания путь служения Отечеству. Эта служба определила характер всей его жизни…

АЛЛАХВЕРДИ ЭМИНОВ

ТВОРЧЕСТВО БЕЗ ФАЛЬШИ

Поэт и драматург, прозаик Юсиф Гасанбек как личность со своей творческой позицией в нашей литературе всегда находился в центре социальных процессов общества. Я не просто так высказал эту мысль: я знаком с его творчеством с 60-х годов прошлого века, зная его как непримиримого в отношении несправедливых конфликтов и споров человека, не стесняющегося высказывать свое мнение о литературных процессах. Естественно, годы берут свое и не проходят бесследно, время делает свое дело, но бессильно в отношении творца, хранящего в душе бессмертную любовь к народу и Родине. Так же, как и в молодые годы, в его творчестве нет фальши. Поэтическое «либидо» поэта существует благодаря негаснущему, живому феномену любви.

Написанное несколько лет назад стихотворение Юсифа Гасанбека «Я не вернусь, не жди меня» произвело среди читателей эффект «разорвавшейся бомбы», оно зажгло души молодых читателей, а у старшего поколения пробудило ностальгические воспоминания далекого прошлого. Я уверен, что наряду с «гравитацией» в физике, и в поэзии есть своя сила притяжения! Не буду скрывать, я был так впечатлен этим стихотворением, что посвятил ему целую статью, позже напечатанную в ряде печатных изданий.

Я вспоминаю этот факт с целью подчеркнуть, что поэт Юсиф Гасанбек продолжает писать в том же темпе, с тем же эмоциональным накалом, с которым он когда-то пришел в поэзию.

Это хорошо подтверждает известная поэма Юсифа Гасанбека «Восстание Сизифов», высоко оцененная читателями и критиками.

Очень сложно давать прогнозы по поводу творчества, особенно в поэзии, так как в реальности творческий успех, удача порой не зависит даже от самого писателя и поэта, а является одним из закодированных чудес Всевышнего, и феномен этот может и не произойти. Конечно, для рожденных поэтами, писателями, учеными – эта дверь всегда открыта!

Ярким примером тому можно назвать книгу Юсифа Гасанбека «Небесная радуга – мост в рай» (Баку, «Ширваннешр», 2019).

Представленные в книге Юсифа Гасанбека стихи, поэмы и повесть являются художественными примерами, иллюстрирующими общественно-политические и социально-смысловые процессы и реалии нашего времени, при этом ни в коей мере не являясь «политизированной» поэзией. В отличие от обычной подачи информации стихи и поэмы, посвященные национальному лидеру Гейдару Алиеву, представлены в форме реальной действительности.

Несмотря на свою компактность и небольшой объем, поэма-притча «Караван» по своему идейно-смысловому содержанию посвящена важному политическому событию девяностых годов: приходу к власти общенационального лидера Гейдара Алиева.

Этот период времени показан в поэме в разрезе: возникновение хаоса в республике, формирование и рост недоверия к руководству страны. В такой ситуации наша родина не могла продолжать свое существование, была необходимость в приходе к власти опытного политического и государственного руководителя. Не было сомнений, что это станет историческим событием.

Поэтическая энергия мастера своего дела Юсифа Гасанбека в этот момент могла быть использована им лишь в общественно-политическом направлении и в результате он создал поэму «Караван». Название поэмы несет в себе символическое значение. Караван проходит по безжизненной пустыне, впереди идет погонщик. Это тяжелое, изматывающее путешествие, но вера в лучшее не сломлена!

Земля вся в трещинах кругом
Лишь пыль летит над руслом
Реки безводной и сухой
В пустыне, зноем опаленной.
И зарево сжигающих зарниц
Штыками пепелит пустыню,
И хоть лениво и бессильно
Все ж тащится в песках кочевье.

Под словом «кочевье» поэт имеет в виду судьбу переселенцев, изгнанных с земель их отцов и дедов. Это начало череды печальных событий. Поэт, глубоко чувствующий трагедию беженцев, раскрывает перед читателями всю горечь и боль, переполняющие их души.

Естественно, все это может быть выражено и в прозе, но поэтический слог особенный и намного быстрее находит отклик в сердцах читателей. Караван движется вперед, и в людях все так же светится луч надежды.

Этот караван и тот, кто его ведет, преодолевают столь трудный путь ради спасения и защиты народа от угроз и опасностей пустыни!

Лирическая поэма начинается оптимистическими строками, создающими романтическое настроение:

Цветами горные ветра
Шуши дороги осыпают.
Ведь в Карабах с благою вестью
Народа лидер прибывает…

Этот оптимизм – качество свойственное творчеству поэта, естественное состояние эмоционального характера. Рано или поздно Карабах освободится от вражеских оков – это национально-историческая аксиома. Но до этой победы народ должен пройти долгий путь. И эта неизбежность реализуется в момент, когда народ поверит в руководителя своего государства.

Клич «Вождь, мы с тобой!» звучит в поэме как девиз, народ сплачивается вокруг лидера, и стар, и млад, все молят Всевышнего о милости.

Поэт Юсиф Гасанбек ощущал, видел ясно эту действительность, вследствие чего и выразил мнение всего народа: «Верили, верим!», добавив: «*в поддержку мудрую народа мы верили, мы верим!*»

Искренность поэта, выраженная в поэме, создает тесную взаимосвязь между ним и читателем.

Юсиф Гасанбек в своем творчестве не раз обращался к историческим моментам из жизни и деятельности национального лидера Гейдара Алиева.

На Каспии плавает много кораблей, носящих имена известных представителей нашего народа, волны с любовью качают их, словно колыбель. В числе этих кораблей есть и корабль, носящий имя «Президент Гейдар Алиев». Прибытие этого корабля всколыхнуло, внутренне пробудило и глубоко воодушевило Юсифа Гасанбека. Он так и назвал свою поэму «Плывет корабль в Баку» («Bakıya gəmi gəlir»). Произведение звучит в гармонии с ритмами Каспия.

Поэма «Плывет корабль в Баку» поэтически описывают основные вехи политической жизни Гейдара Алиева. Эти исторические даты проходят перед глазами как кадры киноленты. Это был сложный период нашей истории, в 1994 году различные политические силы пытались устроить смуту, республика находилась в шаге от гражданской войны… Именно тогда, 4 октября 1994 года, президент Гейдар Алиев выступил с телевизионным обращением к народу с призывом защитить демократию.

Это обращение было сделано на том этапе истории, когда казалось, что люди потеряли голову, возникла угроза уничтожения общественно-политических и моральных ценностей, включая самую сущность поэзии и творческих возможностей, выражающих саму природу/натуру поэта.

Гейдар Алиев должен был найти выход из политического кризиса 90-х годов прошлого века и он, опираясь на доверие народа, предпринял решительные шаги, которые заложили основу будущего процветания республики.

Поэт Юсиф Гасанбек один из тех творческих людей, кто в своих стихах и поэмах всегда приветствовал политическую линию общенационального лидера Гейдара Алиева и выражал свои чувства и ощущения языком поэзии.

Поэма является импульсивным проявлением чувства радости и гордости, читатель проникается духом произведения, его внимание концентрируется на созданном ярком поэтическом образе национального лидера (в интерпретации и богатстве языка поэта) так как у поэзии свои законы!

Поэма «Плывет корабль в Баку» хоть и написана под влиянием поэтического впечатления, однако не имеет информативно-новостного характера и является субъектом исторического события. Не опираясь на поэтический опыт (не будем путать это понятие с талантом и вдохновением), автор создает образность, идущую изнутри описания, в поэме нет лабиринта слов, исходящего из абстракции, в глазах читателя образ «корабля» единится с образом «моря».

В своем творчестве Юсиф Гасанбек часто обращается и к прозе, пишет рассказы, повести и романы, это подтверждает эпическое богатство прозаического мышления поэта.

На его стихи написано немало песен.

Ю.Гасанбек известен также и как драматург. Его пьесы «Медвежья шуба», «Свет в горах», «Волшебный родник», «Поднимите упавшего» ставились на сценах театров. Велики заслуги Юсифа Гасанбека и в развитии детской литературы.

Редакция журнала «Литературный Азербайджан»

искренне поздравляет нашего постоянного автора,

замечательного поэта,

прозаика, драматурга Юсифа Гасанбека

со славным юбилеем!

ИЛЬХАМ ГАХРАМАН

Природа

В чаше, наполненной водой,
Нет места воздуху.
И ты подобна той воде –
Собой заполнив сердце без остатка,
Не оставляешь места ничему другому.

Такси

Я словно то такси,
Что ждет клиента на углу.
Так терпеливо ждут тебя
На улице моей души.

Одиночество

После тебя лишь трещина осталась
Глубокая на сердце.
Подобно выпавшему зубу,
Ушла, после себя оставив
Зияющую пустоту.

После

Вслед за весенним ливнем
Выглянет солнце,
А зимний ветер
Обещает стужу...
Ну а любовь после разлуки –
Избави боже! –
Приносит муки.

Поэтам заповедана свобода

Народ мой,
Пусть будет у тебя всегда
И виселица, и петля
Готова для поэтов.

Народ мой,
Пусть будет заповедана поэтам
Свобода,
Как Адаму заповедный плод.

Привычка

1

Я привык к нужде,
Как привыкает к мачехе сиротка,
И к скудости,
Как привыкают птицы
Неурожайных лет.

Я поститься привык
И в скоромные дни,
За весь день только крепкого чаю
За завтраком выпив.

Я привык, обуваясь,
Давать обещания детям,
А разуваясь, искать оправдания.
Знать, верно говорят,
Что жадность гонит дэва
По воду с решетом.
Знать, и нужду можно таить как грех,
И денег занимать,
Чтобы пойти на свадьбу.

2

Я понял отчего
Те обращают взоры к небу,
Кто потерял надежду на земле,
И почему в ответ им – тишина.
И те, кто кончил жизнь в петле,
Вешали горе,
Что душило их ...
Я понял –
Тяжелей всего на свете
И легче – клетка.
И хорошо, что есть убежище –
Можно уйти в себя,
И быть свободным.
Я понял: жить –
Что выводить рисунок на песке,
А после обретенья и утраты
Переносить на камни.

И ремесло у нас у всех одно –
Как переписчик
Переносить судьбою предначертанное
В жизнь.

Автопортрет

**Слегка хромает –
Застарелая мозоль
На правой пятке,
Доверчив, как дитя,
Скажут: «ты умер» –
Поверит без оглядки.
На позвоночнике –
От скальпеля
Заметный шрам.
А возраст
Приближается уж
К сорока пяти годам.
В глазах – отчаяние воробья,
К гнезду которого
Подбирается змея.
А в руинах
Дворца души –
Гнездовья сов и воронья.
Имя его
Не числится
В списке любимцев судьбы,
У цветочного ларька,
Вспомнив кого-то,
Задержит шаги.
Не болтлив,
Днем ходит глядя под ноги,
Чтоб не задеть и муравья,
А ночью
Смотрит в небо
Грусти не тая.
Невезуч,
За что ни возьмется
Нет ему удачи ни в чем,
Исхудал,
В чем душа только держится,
Истаял совсем.
Помнят только родные
Скупые строки
Его робких стихов,
А имя его значится
Лишь в тетрадях лавочников,
В списках должников.**

Руки

**Грудь моя – юрта,
Где ютится сердце,
А руки –
пастуший пес,
Что дремлет у порога...**

За счастливой порой

Деточка моя,
Прерван дней счастливых ход,
Словно шерсть закончилась
В прялке жизни – вот исход.

Что за время –
Мы, взрослые, как от чумы,
Прячем взоры от детей,
Время ведь не скудное, а мы
Как всегда – как кол голы.

Деточка моя,
Твои гостинцы
Очень далеко от нас.
Яблоки твои в Губе,
Игрушки – в магазине.

Деточка моя,
Как мне больно за тебя,
Ты держись за жизнь, крепчай,
Не упасть пообещай.

К тебе

К солнцу тянутся цветы,
Я к тебе.
Птицы устремляются к зерну,
Я к тебе.

Села жмутся к городу,
Я к тебе.
Воды движутся в низину,
Я к тебе.

Листья к ветру тяготеют,
Я к тебе.
Всяк спешит к своей химере,
Я к тебе.

Муравей с цветком

На муравьиной тропе
Увидел муравья несущего цветок,
И удивленно палец прикусил…
Вот, господи, всех тайн разгадка –
И всяк на этих тропах – твой слуга…
Бездельник этот стало быть – самец,
А уж дальнейшее – известно…

Эстетика одиночества

Одиночество – это закат:
Скрыться с глаз,
Как солнце, что за гору заходит.
Одиночество – редкие звонки,
Чтобы напомнить
Родным далеким о себе.

Одиночество – ключи
С той стороны двери,
И страх «вдруг не проснусь…»
И перед сном закрыть,
Не запирая, дверь,
И вынуть ключ.

Одиночество – такая боль,
Что на бессилие
И на никчемность обрекает.
И только тем и хорошо оно,
Что о твоей кончине весть
Приходит позже.

Рисуя словом

Поэт – художник,
Что рисует словом,
Метафорой расцветив слог.
Поэт – художник, что увидит
В арбузной дольке на столе
Огнем охваченный челнок.

Перевод Пюсте АХУНДОВОЙ

ЭМИН М.

Посвящается маме

ТЕАТР НА МАЛОЙ ВИШНЕВОЙ

Драма

1

Уютная комната с большим окном, шкафом, диваном и двумя креслами, с дверью в спальную часть. Утро. Входит Новинская. Ее небольшой чемодан уже стоит в комнате.

СТАНИСЛАВИН (*здесь и далее только голос*). Как и просили, Елена Леонардовна. Надеюсь, и в этот раз пребывание у нас будет вам приятно. Чуть позже вам подадут кофе. Хотя мы...

НОВИНСКАЯ. Да-да, я знаю, милый мой. Благодарна вам безмерно.

СТАНИСЛАВИН. Ну, отдыхайте.

Новинская подходит к окну и недолго смотрит в него. Затем поворачивается к окну спиной и проходит взглядом по комнате.

НОВИНСКАЯ. Ничего не изменилось: минимализм и чистота. Точно, минимализм и чистота. *(Подходит к невысокому шкафу, проводит пальцем по верхней кромке, смотрит на палец.)* Ну вот, ни пылинки! Все на уровне! А за Наташей моей надо по пятам ходить – вечно оставит пыль где-нибудь... Ну что ж, мой милый шкаф, хранитель моих секретов, будем общаться с тобой. Ну а с кем еще?! *(Плюхается в кресло напротив шкафа. Потягивается.)* Боже, как будто не было этих пяти лет! Кто бы мог представить, что вновь окажусь здесь?! Спрашиваешь, что я делала все это время? Сыграла две премьеры, пробовала преподавать... И вроде бы студенты меня любили, но учитель из меня тот еще! И потом, я, конечно, привыкла к несвободе – такова доля наша актерская, но что бы тАААк?! У них там, видишь ли, программа, шаг влево, шаг вправо – расстрел! Да-а, а ты как думал?! Как ответственный человек я проработала аж два семестра и сделала деткам ручкой... *(Возвращается к окну.)* Театр! Бедный мой театр! Что же с тобой будет?! *(Смотрит на шкаф. Обращаясь к шкафу.)* Тебе не понять, стоишь тут и стоишь. И если сколочен на славу, простоишь еще кучу лет, и ничегошеньки в жизни твоей не поменяется. Ты и при коммунистах шкаф, и при нынешних тоже. А я, видишь ли, не молодею... *(Опять смотрит в окно.)* Надо же, театр ровехонько напротив. А в этом есть что-то символическое...

В палату тихо входит Рубахин. В одной руке у него букетик цветов, в другой чашечка кофе.

НОВИНСКАЯ *(продолжая смотреть в окно)*. В сущности хороший артист всегда немного...

РУБАХИН *(улыбаясь)*. Докатились, разговариваете сами с собой?!

НОВИНСКАЯ. Если бы с собой?! Все гораздо хуже. *(Смеется.)* Володя, вы ли?! Как вы меня нашли?!

РУБАХИН *(ставя чашку на журнальный столик)*. Я. Мир не без добрых людей. (*Вручает цветы. Обнимает Новинскую.)* Думал, не узнаете. Шутка ли, столько лет прошло?!

НОВИНСКАЯ. Какой вы стали!

РУБАХИН *(игриво)*. Какой?

НОВИНСКАЯ. Импозантный.

РУБАХИН. Так говорят мужчине, когда он слегка располнел?

НОВИНСКАЯ. Нет-нет, вам идет. Все дело в том, что я привыкла видеть вас здесь одетым иначе. Так значит вы не...?

РУБАХИН *(смеется)*. Нет, конечно, я с этим отЭлем завязал. *(Смотрит на висящую на стене репродукцию «Черного квадрата» Малевича.)* Никогда не понимал этого.

НОВИНСКАЯ. Не понимали Малевича?

РУБАХИН. К чему картина здесь.

Новинская бросает взгляд на цветы.

НОВИНСКАЯ. Значит, вы ко мне.

РУБАХИН. Ну, разумеется к вам, прекрасная Елена, ну не к Станиславину же?! Пейте кофе – остынет. Вам повезло, мне тут подавали исключительно чай, да и тот травяной. Ну-с, рассказывайте, что у вас нового. Опять не занимают?

НОВИНСКАЯ. Отчего же?! Вот репетируем Чехова.

РУБАХИН. Что именно?

НОВИНСКАЯ. «Сад».

РУБАХИН. Представляю себе заголовок рецензии: «Вишневый сад на Вишневой улице»?! *(Смеется.)* Пошлость какая!

НОВИНСКАЯ. Ничего смешного. Я давно мечтала играть Раневскую...

РУБАХИН. Знаю, но... Не поздновато ли?

НОВИНСКАЯ. Вы нисколько не изменились, Володя, такой же бестактный циник. Впрочем, я и сама частенько попадаю впросак.

РУБАХИН. Простите... Я ведь, Елена Леонардовна последние пять лет в столице: бизнес завел. Вначале мелкий: куртки возили из Султаната, потом мебелью мягкой занимался. Вот наскучила коммерция, хочу совместить ее с чем-то более интересным. Вам, кстати, диван не нужен? Могу подарить.

НОВИНСКАЯ. Я бы приняла у вас этот подарок с удовольствием, только вот поставить его некуда, квартирка у меня тесная.

РУБАХИН *(смеется)*. Как же вы живете без дивана?!

НОВИНСКАЯ. А домой вернулись, стало быть, отдохнуть от дел?

РУБАХИН. И отдохнуть тоже. Хочу вот вернуться насовсем – дома и стены, как известно, помогают. Да и таких покорителей в столице тьма тьмущая. Оттуда ведь в наше время выбраться живым – уже удача. А я еще и денег заработал. Вы ведь тоже могли давно уже в Москве играть или на Обетованную податься...

НОВИНСКАЯ. Володенька, голубчик, кому я там нужна?!

РУБАХИН. Ну а я тем паче. Как я вам в роли будущего местного ресторатора? Хочу кухню нашу русскую народу вернуть, а то попривыкали к этим американским штучкам...

НОВИНСКАЯ *(отрешенно)*. Так вот почему вы тогда не пришли на премьеру?! Значит, теперь вы не журналист, пишущий о культуре, а этот, как его, новый русский...

РУБАХИН. Да все завертелось очень неожиданно... Но не смущайте меня, какой я новый русский?!... А кто «Сад»-то ставит? Сафин?

НОВИНСКАЯ. Да, после «Бульвара» мы сделали еще пару работ. Вы ведь помните «Бульвар»?

РУБАХИН. Еще бы! Я неумело зачитывал реплики Джо, а вы гениально играли свою партию. А как вы стреляли в меня из игрушечного пистолета своего внука! Всякий раз я умирал, но больше от смеха. Не мог просечь трагичность момента. Мне образ Нормы казался комичным до пошлости. А закончилось все тем, что я написал вам пьесу.

НОВИНСКАЯ. Да... Я прочла... И очень хотела бы в ней сыграть, но... Было как-то... И я не совсем почувствовала свой образ... Я даже пыталась вам звонить, но вы так неразборчиво написали свой номер... *(Роется в сумочке.)* Да где же это?!... А, вот, ну посмотрите, как курица лапой, ей-богу... *(Смущена, не смотрит на Рубахина.)*

РУБАХИН *(пытаясь сгладить неловкость).* Бросьте, куда мне с моим рылом да в драматурги *(смеется)*.

НОВИНСКАЯ. Ну, отчего же, вы даровиты... Помнится, ваша рецензия на «Клеопатру» наделала в свое время много шума.

РУБАХИН. Кому нужны нынче критики? Мастера панегириков в наше время в большой цене.

НОВИНСКАЯ. Нет-нет, не соглашусь с вами, друг мой. И вообще, вы же напишете мне что-нибудь... попроще?!...

РУБАХИН. Попроще?!

НОВИНСКАЯ. Я хотела сказать... *(Резко встает.)* Помогите мне!

РУБАХИН. Я готов! Но чем?

НОВИНСКАЯ. Порепетируйте со мной «Сад». Вы ведь знаете пьесу?! Я никак не могу нащупать свою героиню. Помогите мне, Володя.

РУБАХИН. Я?

НОВИНСКАЯ. Ну да, вы же разбираетесь в этом. Помнится, вы называли себя «дитя театра» и даже пытались мне об этом что-то рассказать…

РУБАХИН. Пытался, но вы, Елена Леонардовна, как бы это выразиться, не из тех, кто умеет слышать, – водится за вами такой грешок.

НОВИНСКАЯ *(недоуменно)*. Правда?!

РУБАХИН. Я сын Антонины.

НОВИНСКАЯ. Антонины, Антонины...

РУБАХИН. Антонины Москвиной.

НОВИНСКАЯ. Да, была у нас такая актриса Тоня Москвина. Рано ушла, царствие ей небесное.

РУБАХИН. Карьеры не сделала, званий не получила.

НОВИНСКАЯ. Ну почему же, она была очень даже... Не успела просто. Как же назывался этот спектакль?!...

РУБАХИН. Я очень любил ее. Отец постарался сделать для меня все, но отец – это отец...

НОВИНСКАЯ. Бедный мой мальчик.

РУБАХИН. Ревновал маму к сцене, к ее работе... Мне ее жутко не хватало, даже тогда, когда она была еще жива: вечно репетиции, зубрежка текста.... А помните меня маленьким? *(Новинская делает удивленное лицо.)* Я ведь выходил ребенком в «Электре». И всякий раз за кулисами вы угощали меня большой шоколадной конфетой со словами: «Держи, маленький артист!»... Артист...

НОВИНСКАЯ *(удивленно)*. Очень смутно... Да, припоминаю, мальчишка был чем-то похож на моего сына, только светлее – поэтому и приметила. Так это были вы!

РУБАХИН *(берет руку Новинской в свои ладони, нежно целует ее.)* Я воображал, что у меня две мамы. *(Подходит к окну.)* Смешно. Наивно и смешно.

НОВИНСКАЯ. Бедный мальчик, я даже и подумать не могла…

РУБАХИН. А знаете, «Вишневый сад» был первой пьесой, которую я читал. Ну, как читал? Не очень бегло второклассник осилил первое действие, ни черта не понял и долго еще к этой книге не возвращался. Кстати, она у меня сохранилась где-то...

НОВИНСКАЯ. А я прочла «Сад» впервые в поезде, который вез нас в Ташкент, в эвакуацию. Я была, конечно, значительно старше вас – второклассника, и казалось, что я все поняла. Но только казалось. Мне ведь, Володенька, повезло безмерно: войну встретила в Москве: дед справлял юбилей. А могла бы у себя на родине, под Минском, да. И вот в поезде этом, в этой трясучке, духоте и тревожности я решила, что когда-нибудь непременно сыграю в этой пьесе. Нет-нет, я не примеряла на себя Раневскую, тогда я видела себя только Аней. Помните, «... мы насадим новый сад, роскошнее этого...». Книжка та, правда, не сохранилась, лет-то сколько прошло – жизнь целая?!

РУБАХИН. А потом?

НОВИНСКАЯ. Потом... Актеры ведь, друг мой, люди подневольные... Потом начинающей актрисе условия ставили режиссеры, потом была оттепель… и Антонов… А-аа… *(Отмахивается.)*

РУБАХИН. Значит, мечты сбываются – будете играть Раневскую!

НОВИНСКАЯ. Если театр не заколотят.

РУБАХИН. В смысле?!

НОВИНСКАЯ. Управление культуры решило нас закрыть с нового сезона. Но я в это не верю! Решительно не верю!

РУБАХИН. Надо навести справки.

НОВИНСКАЯ. Конечно, мы давно забыли, что такое аншлаг. Ползала соберется – мы и рады. Но ведь нельзя вот так перечеркнуть полувековую историю! Вы же знаете, КАКИЕ актеры выходили на эту сцену?!

РУБАХИН. Все так серьезно?

НОВИНСКАЯ. Поговаривают, что здание пойдет с молотка. Ничего святого не осталось в людях!

РУБАХИН *(задумчиво)*. Вот как?! Интересно, очень интересно. *(Возвращается к дивану и присаживается.)* И где в таком случае вы будете играть Раневскую, Елена Леонардовна?

НОВИНСКАЯ. В Театре на Малой Вишневой, где же еще?! Или вы всерьез думаете, что с ним все кончено?!

РУБАХИН *(улыбаясь)*. Будем верить в лучшее. Так чем же я могу помочь вам?

НОВИНСКАЯ. Порепетируйте со мной. Вы же знаете, что я не могу делать это одна перед зеркалом. Коллеги в разъездах, Сафин снимает что-то в полях...

РУБАХИН. Ну, у вас не самый сложный случай. Представьте себе, что Ростропович, как оказалось, уже много лет не смотрится в зеркало вообще!

НОВИНСКАЯ. Голубчик, а как же он ухаживает за лицом?

РУБАХИН. Вот! Был недавно на творческой встрече с ним и задал ему тот же вопрос.

НОВИНСКАЯ *(заинтересованно)*. Ну, ну, и?

РУБАХИН. По памяти, говорит. Порылся в книгах: действительно, есть-таки у нас такая память, мышечная.

НОВИНСКАЯ. Мне это не поможет.

РУБАХИН. Вам нет... Ну что же, насколько я помню пьесу, слов у Раневской не много. Может, вам нужно передохнуть с дороги?...

НОВИНСКАЯ. Какая тут дорога, Володенька?! К черту отдых, успеется! *(Передает Рубахину текст.)* Вот отсюда давайте попробуем. Я там все отметила, вы поймете.

Пауза. Новинская сосредотачивается.
Затем движением головы призывает Рубахина начинать.

РУБАХИН *(словами Лопахина)*. Какие у вас грехи...

НОВИНСКАЯ *(словами Раневской)*. О, мои грехи... Я всегда сорила деньгами без удержу, как сумасшедшая, и вышла замуж за человека, который делал одни только долги. Муж мой умер от шампанского, – он страшно пил, – и, на несчастье, я полюбила другого, сошлась, и как раз в это время, – это было первое наказание, удар прямо в голову, – вот тут на реке... утонул мой мальчик, и я уехала за границу, совсем уехала, чтобы никогда не возвращаться, не видеть этой реки... Я закрыла глаза, бежала, себя не помня, а он за мной... безжалостно, грубо. Купила я дачу возле Ментоны, так как он заболел там, и три года я не знала отдыха ни днем, ни ночью; больной измучил меня, душа моя высохла. А в прошлом году, когда дачу продали за долги, я уехала в Париж, и там он обобрал меня, бросил, сошелся с другой, я пробовала отравиться... Так глупо, так стыдно... И потянуло вдруг в Россию, на родину, к девочке моей... *(Утирает слезы.)* Господи, господи, будь милостив, прости мне грехи мои! Не наказывай меня больше! *(Достает из кармана телеграмму.)* Получила сегодня из Парижа... Просит прощения, умоляет вернуться... *(Рвет телеграмму.)* Словно где-то музыка *(прислушивается).*

РУБАХИН *(словами Лопахина)*. Не слыхать... *(Тихо напевает.)* «И за деньги русака немцы офранцузят». *(Смеется.)* Какую я вчера пьесу смотрел в театре, очень смешно.

НОВИНСКАЯ *(словами Раневской)*. И, наверное, ничего нет смешного. Вам не пьесы смотреть, а смотреть бы почаще на самих себя. Как вы все серо живете, как много говорите ненужного.

РУБАХИН *(посматривая в текст, словами Лопахина)*. Это правда. Надо прямо говорить, жизнь у нас дурацкая... Мой папаша был мужик, идиот, ничего не понимал, меня не учил, а только бил спьяна, и все палкой. В сущности, и я такой же болван и идиот. Ничему не обучался, почерк у меня скверный, пишу я так, что от людей совестно, как свинья.

НОВИНСКАЯ *(словами Раневской)*. Жениться вам нужно, мой друг.

РУБАХИН *(словами Лопахина)*. Да... Это правда.

НОВИНСКАЯ *(словами Раневской)*. На нашей бы Варе. Она хорошая девушка.

РУБАХИН *(словами Лопахина)*. Да.

НОВИНСКАЯ *(словами Раневской)*. Она у меня из простых, работает целый день, а главное, вас любит. Да и вам-то давно нравится.

РУБАХИН *(словами Лопахина)*. Что же? Я не прочь... Она хорошая девушка.

Пауза. Рубахин кладет текст на столик.

НОВИНСКАЯ. Ну?

РУБАХИН. По-моему, очень даже здорово! Быть может, чуть приглушенно... Нет?

НОВИНСКАЯ *(задумывается)*. Пожалуй... Спасибо, Володенька. Вы ведь не спешите? *(Рубахин улыбается.)* Он любит ее?

РУБАХИН. Лопахин Варю?

НОВИНСКАЯ. Раневскую.

РУБАХИН. Без сомнений.

НОВИНСКАЯ. А мне, как мне относиться к нему?... *(Рубахин задумывается.)* И потом, этот вечный спор: как играть «Сад»? Что это, драма ли, комедия?

РУБАХИН. Автор четко указал. Вот тут...

НОВИНСКАЯ. Да-да, но все же...

РУБАХИН. По мне, гениальная пьеса не может иметь жанрового определения. Ее читает режиссер, он же ставит задачу актерам, а что попадается на стол ко зрителю – дело третье.

НОВИНСКАЯ. Слушайте, да вы лучше меня знаете с десяток гениальных пьес, жанр которых вполне себе определен. Побойтесь бога, голубчик, как же быть с Сенекой, Шекспиром, Гоголем, наконец?!

РУБАХИН. Хорошо-хорошо, сформулирую точнее: современная пьеса не может...

НОВИНСКАЯ. О, да!... Тут и я, пожалуй, встану с вами в один строй. Надо полагать, вы считаете Чехова нашим современником?

РУБАХИН. В сравнении в Софоклом, дорогая Елена Леонардовна...

НОВИНСКАЯ *(смеется)*. Ой, хитрец.

РУБАХИН. А что наш вновь испеченный «гений режиссуры» думает об этом?

НОВИНСКАЯ. Сафин? Кстати, как он вам?

РУБАХИН. Все, что я видел, было весьма недурно. Говорят, и «Бульвар» имел большой успех?!

НОВИНСКАЯ. И все же? Вы ведь не в восторге от того, что «Сад» ставит именно он?

РУБАХИН. Не то что бы не в восторге... Понимаете, Елена Леонардовна, я делю режиссеров на два больших лагеря. Одни мастерски работают с формой – вспомните, как невозможно было попасть к Любимову на Таганку... Кстати, ваш Сафин из их числа.

НОВИНСКАЯ. Другие?

РУБАХИН. Другие работают с образом, с актером, и тоже мастерски. Вы же играли у Эфроса... Но есть еще и гениальные режиссеры, которым удается делать и то, и другое.

НОВИНСКАЯ. Пример.

РУБАХИН. Марк Захаров.

НОВИНСКАЯ. То есть «МОЙ» Сафин...

РУБАХИН. Мастер. А для Чехова нужен гений! Понимаете, гений!

НОВИНСКАЯ *(улыбаясь)*. Голубчик, если бы Чехова ставили только гении, мир бы его, как драматурга, так бы и не узнал!... Главное, Сафин сформулировал свое видение: минимализм и чистота. Он имеет в виду, что образы должны быть зеркальны, идентичны чеховскому замыслу... Знать бы наверняка этот самый замысел.

РУБАХИН. А Антонов смог бы поставить?

НОВИНСКАЯ *(задумчиво).* Антонов?... Нет, конечно. Какой он режиссер? Драматург? Да! Сценарист? Да! Звезда столичная... Поговаривают, что его последняя работа в кино выдвинута на «Оскар». Признаться, он никогда не видел во мне актрису. Любовницу видел... *(Рубахин улыбается.)* Да, я была очень даже...

РУБАХИН. Вы и сейчас хороши!

НОВИНСКАЯ. Сейчас. Сейчас, Володенька, вы говорите это приличия ради... Не возражайте!... У нас был бурный роман... Плотский... и творческий. Он многое мне дал в профессии. Семью не оставил, нет, и правильно сделал! Когда я поняла, что беременна, он повел себя как настоящий мужчина. Для него я мать его сына, бабушка его внуков, но не актриса... Так что, дружище, я ведь и стала примой, так сказать, вопреки... *(Встает, подходит к окну, какое-то время смотрит в него.)* Нет, Антонов нам не помощник! Шут с ними, с режиссерами. Мне бы свою Раневскую нащупать. Что вы о ней думаете, Владимир, что она такое?

РУБАХИН. Тетка... без возраста, не чувствующая, не понимающая времени, в котором живет... Порочная и святая одновременно. Течение выбрасывает ее на берег жизни.

НОВИНСКАЯ. Все-таки без возраста. А кто-то утверждал?!...

РУБАХИН *(смеется)*. Ну не настолько же?!

НОВИНСКАЯ. Вы страшный наглец, и я вас поколочу.

РУБАХИН. Не получилось выстрелом, пойдете врукопашную?...

НОВИНСКАЯ *(смеется)*. Нет, я предпочитаю классические формы – дуэль так дуэль!

РУБАХИН. Тогда на этот раз выстрел за мной!

Затемнение.

2

Та же комната. Те же действующие лица. Несколькими днями позже.

РУБАХИН. Да не расстраивайтесь вы так! Это было неизбежно.

НОВИНСКАЯ. Когда аукцион?

РУБАХИН. Через два дня.

НОВИНСКАЯ. Что говорят, много ли желающих?

РУБАХИН. Не много. Серьезных, по мне, и вовсе нет.

НОВИНСКАЯ. Значит, быть театру!

РУБАХИН. Вы меня не слышите или не хотите слышать?! Управление культуры уже приняло решение. Даже если торги не состоятся, театра больше нет, его деятельность прекращена. Велюрова уже переводят в мэрию. Вы бы лучше выяснили, что они придумали на ваш счет.

НОВИНСКАЯ. Я?! Сама буду звонить?! Им?! Вы в своем уме, Владимир?!

РУБАХИН. Что вы собираетесь делать?

НОВИНСКАЯ. Репетировать, что еще должна делать настоящая актриса!

РУБАХИН *(берет трубку в руки)*. Мне узнать, куда вас перевели? Могу похлопотать за вас. У меня там есть...

НОВИНСКАЯ. Да бог с вами, голубчик! Этого еще не хватало! «Никогда и ничего не просите! Никогда и ничего, и в особенности у тех, кто сильнее вас. Сами предложат, и сами всё дадут». Помните?

РУБАХИН. Вы то ли оптимистка, то ли, уж извините, реально умом тронулись.

Новинская встает и несколько нервно перемещается по комнате.

НОВИНСКАЯ. В сущности, все это началось давно. Арбенин уехал в столицу. Удачно уехал. Эпельбаум на юг, как и положено. Но даже не в этом дело... Зритель... Те, что половчее, поняли, что на периферии им делать нечего. Вот даже вы пять лет отсутствовали.

РУБАХИН. Я вернулся.

НОВИНСКАЯ. Вы да, а сколько народу взяли билет в один конец?! Не сосчитать! Зрителя нет... А что театр без зрителя – стены! Декорированные стены. Начал было Балаганов наш делать удобоваримые спектакли, пошел в народ, так сказать. Пару спектаклей были на уровне. Зритель повалил, аншлаги... Но кассу это не спасало, как ни странно, – то густо, то пусто. Государство... Оно что есть, что нет.

РУБАХИН. А хозяина нет...

НОВИНСКАЯ. Велюров, как стал директором, давай раздавать пристройки направо-налево! Остались без мастерских – отдал под чьи-то склады, потом без малого зала, потом помещение кассы в аренду ушло. Так если бы это спасло!

РУБАХИН. Что вы ждали от Велюрова?! Он же дачник. Обыкновенный дачник.

НОВИНСКАЯ. Дачник?! Не поняла.

РУБАХИН. Ну вот, а еще Чехова играть собрались! Ну-ка... *(берет текст пьесы с журнального столика, листает)* ну вот же в четвертом действии: «... не размахивай руками! Отвыкни от этой привычки. И то же вот строить дачи, рассчитывать, что из дачников со временем выйдут отдельные хозяева, рассчитывать так – это тоже значит размахивать...». Это Петя говорит Лопахину. По-моему, гениальное место!

НОВИНСКАЯ *(отрешенно)*. Гениальное...

РУБАХИН. Так что Велюров – функционер, и функционер слабый. Ну хорошо, а вы, артисты, что вы-то пытались сделать?

НОВИНСКАЯ. А разве что-то было в наших силах?! Мне всегда были смешны эти перестроечные лозунги: «Ускоримся!», «Давайте работать лучше!» Я что, до Меченого работала хуже?!

РУБАХИН. Дело не в этом.

НОВИНСКАЯ. А в чем, помилуйте?! В чем?! Вот вы, что бы сделали вы?!

РУБАХИН. Сократил бы полтруппы к чертям! Добился бы возможности повысить зарплату оставшимся, часть высвободившихся средств вложил бы в творческий процесс. Со зрителем бы поработал, узнал бы, чем он дышит, зритель-то нынешний. Пристройки сломал бы.

НОВИНСКАЯ. А это зачем?!

РУБАХИН. Они ветхие, ремонтировать дороже, чем построить заново. Сейчас и материалы есть современные, да и технологии, так что было бы быстро и недорого. Да много чего можно было бы сделать, будь у меня полномочия хозяина, а не администратора. Но... Это бы ничего не решило...

НОВИНСКАЯ. Вы морочите мне голову?

РУБАХИН. Нет, конечно. Вы же сами понимаете, уж очень много театров на один наш город, и очень мало зрителей. Заводы, производства вокруг. Люди работают много, социальных защит поубавилось, а то их и вовсе нет. На хлеб бы заработать – не до театра, не до Сары Бернар. Да и в театре все непросто... Вы привыкли к тому, что все по разнарядке. Отсутствие особого выбора и гарантированно полный зал.

НОВИНСКАЯ. Мы играли, как боги!

РУБАХИН. Да вы и сейчас играете, как боги, жизнь ушла вперед. Никто не спускает сверху репертуар: столько-то отечественных пьес на сезон, из них столько-то производственной тематики, пару классических спектаклей, ну и детских тоже пару. Господи, кому я это рассказываю?!

НОВИНСКАЯ. Я и тогда не могла особо выбирать себе роли, и сейчас. Что в таком случае изменилось?

РУБАХИН. Да, но причины-то разные. А вы этого не хотите видеть. Умом понимаете, где-то там в подкорке, но принять этого не желаете. Вы, как ваша героиня *(небрежно швыряет текст обратно на столик)*, живете в своем мирке, полагая, что жизнь статична, что завтра будет непременно то же, что и вчера. Вы уперлись вот в это *(указывает на репродукцию)*, в этот черный квадрат, и не видите дальше. Вы, как и ваш любимый Чехов, ставите точку, я же призываю вас к многоточию, хотя бы к многоточию. Чехову простительно, у него не было будущего, но вы-то куда?!

НОВИНСКАЯ. Мне поздно что-то менять, Владимир! Я натура уходящая.

РУБАХИН. Ой-ли?! Поэтому собираетесь играть помещицу под сорок?! Нет, дело не в возрасте. Вы действительно Раневская наших дней!

НОВИНСКАЯ. «Тетка, которую выбрасывает на берег жизни»?!

РУБАХИН. Да послушайте вы, дорогая моя Елена Леонардовна, мир изменился, место театра в нем изменилось, никому не интересны ваши прошлые заслуги и звания, и не играть вам Раневскую в этом театре, нет больше театра на Вишневой! Нет!

Новинская хватается за голову. Ее начинает трясти.

РУБАХИН. Доктор! Доктор! Скорее сюда!

СТАНИСЛАВИН. Ну, я же предупреждал, что ее нельзя нервировать. Уходите, немедленно уходите.

Затемнение.

3

Там же. Кресло стоит посредине сцены. В нем сидит Новинская. Тело расслаблено. Глаза закрыты.

СТАНИСЛАВИН. Ну вот, сегодня мы поработали с вами на славу. А теперь представьте себе: утро, уже взошло солнышко, дует прохладный ветерок начала лета. Вы чувствуете, как он касается вашего лба. Перед вами сад, он в цвету. Воздух свеж, поют скворцы. Сделайте глубокий вдох и медленный выдох. Чувствуете свежесть? Пахнет пачулями...

НОВИНСКАЯ *(словами Раневской)*. О, мое детство, чистота моя! В этой детской я спала, глядела отсюда на сад, счастье просыпалось вместе со мною каждое утро, и тогда он был точно таким, ничто не изменилось. Весь, весь белый! О, сад мой! После темной ненастной осени и холодной зимы опять ты молод, полон счастья, ангелы небесные не покинули тебя... Если бы снять с груди и с плеч моих тяжелый камень, если бы я могла забыть мое прошлое! *(Слегка привстает.)* Посмотрите, покойная мама идет по саду... в белом платье! Это она.

СТАНИСЛАВИН. Стооп! *(Новинская возвращается в расслабленное положение.)* Сейчас я начну обратный отсчет, и на слове «один» вы откроете глаза... Пять, четыре, три, два... Один!

Новинская открывает глаза.

НОВИНСКАЯ. Доктор, Владимир подъехал?

СТАНИСЛАВИН. Да, я просил его подождать.

НОВИНСКАЯ. Можно будет ему пройти?

СТАНИСЛАВИН. Если вы гарантируете мне, что все будет в порядке.

Новинская одобрительно кивает головой.

СТАНИСЛАВИН. Ну, тогда извольте.

Входит Рубахин.

РУБАХИН. Злитесь на меня.

НОВИНСКАЯ. Нет, дружище, кто-то должен и правду говорить.

РУБАХИН. Выглядите лучше.

НОВИНСКАЯ. Мне сообщили, что сегодня решится судьба здания театра. Вы в курсе?

РУБАХИН. Да, мне обещали дать знать.

НОВИНСКАЯ. Послушайте, давно хотела у вас спросить, как вы себя чувствуете?

РУБАХИН. Отменно.

НОВИНСКАЯ. Слава Всевышнему. Я к тому...

РУБАХИН. Вы хотите спросить, почему я прихожу сюда посетителем?

НОВИНСКАЯ. Да, уж простите меня.

РУБАХИН. Научился справляться со своими паническими атаками. А вы, судя по всему, нет.

НОВИНСКАЯ. Без Станиславина?!

РУБАХИН. В какой-то момент эта клиника была для меня слишком дорогим удовольствием, а потом я понял, что нужно как-то действовать самому. Ведь то, что делает с нами Станиславин, мы вполне можем делать самостоятельно.

НОВИНСКАЯ. Но зачем? Разве что экономии ради...

РУБАХИН *(после паузы)*. Ну... хотя бы...

НОВИНСКАЯ. Мне все оплачивает сын, если бы не он, я бы давно сошла с ума.

РУБАХИН. Вы довольны им?

НОВИНСКАЯ. Вполне. Имею основания им гордиться: он состоялся в профессии, дал мне прекрасных внуков… Конечно, я хотела бы видеть их чаще… У каждого из них своя жизнь, и это нормально… Ну да, да, да, я чувствую себя одиноко. Вы ведь к этому клоните?!... Кресло, теплый плед зимой, книжка под свет торшера – вот мой сегодняшний мирок. Вот, дивана и того не завела. Может быть, отсутствие ролей поэтому так болезненно на меня действует? Вот такая я, одинокая и зависимая… Да и актриса я так себе, по всей видимости.

РУБАХИН. Кокетничаете?

НОВИНСКАЯ. Великие актеры попадали в психушку от ролей, я – от их отсутствия.

РУБАХИН. Мы не в психушке…

НОВИНСКАЯ. Ну, знаете, как хрен ни назови…

РУБАХИН *(после небольшой паузы)*. Вероятно, самое страшное в жизни – одиночество и несвобода…но…если кто-то пришел и говорит вам об этом, то вы уже не одиноки.

НОВИНСКАЯ. Володенька…

РУБАХИН. Дело за свободой… Понимаете, я понял в какой-то момент вот что: Станиславин, он как пилюля, привыкнуть к которой легко и опасно. Весь его гипноз – игра! Тех же целей можно достичь самому, если войти в аутогенное состояние. *(Подражая Станиславину.)* «Вы чувствуете, как ваши руки наливаются теплом», «Ваши ноги тяжелеют». Не понимаете?! *(Несколько раздраженно.)* Да наше тело и без Станиславина теплое и тяжелое.

НОВИНСКАЯ. Ну, ну…?

РУБАХИН. Не надо вызывать искусственно какие-то состояния, достаточно сосредоточиться на данном нам от природы тепле и ею же данной тяжести. Этого почти достаточно, чтобы дальше работать с самим собой не хуже этого эскулапа.

НОВИНСКАЯ. Голубчик, но ведь это же страшно.

РУБАХИН. Не больше, чем завтрашний день... *(Встает, подходит к стене, на которой висит картина.)* И потом он идиот, наш доктор, вы не находите?

НОВИНСКАЯ. Помилуйте, Володенька...

РУБАХИН. Повесить в палате клиники неврозов репродукцию «Черного квадрата»... *(бормочет себе под нос)*... А может быть, и не идиот… *(громче)* Он все еще позволяет вам пить кофе?

НОВИНСКАЯ. Да, он так любезен. Далась вам эта картина…

РУБАХИН. А мне не разрешал. Тогда. *(Себе под нос.)* Сейчас бы и мне позволил.

НОВИНСКАЯ. Так значит сегодня театр пойдет с молотка. Может статься, что судьба его уже решена. Который час?... Впрочем, какая разница. Вам ведь позвонят?

РУБАХИН. Да, труба при мне. Нам бы с вами пройти сцену с Трофимовым, у вас там слабо.

НОВИНСКАЯ. А смысл?!

РУБАХИН. В нашем городе еще три театра. Без работы не останетесь.

НОВИНСКАЯ. В нашем городе – да, моего больше не будет... Может быть... позвоните сами?

РУБАХИН *(после паузы, словами Трофимова)*. Продано ли сегодня имение или не продано – не все ли равно? С ним давно уже покончено, нет поворота назад, заросла дорожка. Успокойтесь, дорогая. *(Помогает Новинской присесть.)* Не надо обманывать себя, надо хоть раз в жизни взглянуть правде прямо в глаза.

НОВИНСКАЯ *(словами Раневской)*. Какой правде? Вы видите, где правда и где неправда, а я точно потеряла зрение, ничего не вижу. Вы смело решаете все важные вопросы, но скажите, голубчик, не потому ли это, что вы молоды, что вы не успели перестрадать ни одного вашего вопроса? Вы смело смотрите вперед, и не потому ли, что не видите и не ждете ничего страшного, так как жизнь еще скрыта от ваших молодых глаз? Вы смелее, честнее, глубже нас, но вдумайтесь, будьте великодушны хоть на кончике пальца, пощадите меня. Ведь я родилась здесь, здесь жили мои отец и мать, мой дед, я люблю этот дом, без вишневого сада я не понимаю своей жизни, и если уж так нужно продавать, то продавайте и меня вместе с садом... *(Обнимает Трофимова, целует его в лоб.)* Ведь мой сын утонул здесь... *(Плачет.)* Пожалейте меня, хороший, добрый человек.

СТАНИСЛАВИН. Не верю!

РУБАХИН. Подслушивать нехорошо.

СТАНИСЛАВИН. Простите, но Елена Леонардовна была настолько эмоциональна, что не услышать ее было трудно.

Звонит сотовый.

РУБАХИН. Да, да, спасибо, непременно. Позже. Обязательно.

НОВИНСКАЯ. Продан?

РУБАХИН. Да.

НОВИНСКАЯ. Кто купил?

РУБАХИН *(тихо).* Я.

Новинская опускается в кресло.

НОВИНСКАЯ *(после долгой паузы).* Что вы намерены делать дальше?

РУБАХИН. Еще несколько дней назад я бы визжал от счастья и уж точно мог бы ответить на ваш вопрос. Я бы сломал пристройки, перестроил бы здание под ресторан с летней террасой, тут же открыл какой-нибудь брендовый бутик. И если вы думаете, что мое сердце защемила бы память, то поверьте, вы ошибаетесь. Я не видел в этих сценах свою мать счастливой. Торчал вечно в театре, хотя с большим удовольствием гонял бы мяч с пацанами. Так они же меня еще и презирали: театральный мальчик, маменькин сынок. Они приходили в этот зал, как на праздник, я – на работу, свою ли, мамину, но на работу. Вечно издерганные нищетой родители… Вот конфеты ваши и сластили мое пыльное закулисье. Но сегодня я вышел из-за кулис, и у меня, представьте себе, тоже есть мечты и цели!

НОВИНСКАЯ. Вы, Володенька, правы, время изменилось. И оно, время это, – ваше! Мы уходим… Но как же не хочется уходить, боже, как же не хочется!

РУБАХИН. Да бросьте, сыграете вы свою Раневскую – еще не вечер!

Новинская поднимается и медленно движется в сторону спальной комнаты. Останавливается на полпути.

НОВИНСКАЯ. Время уходить. Соглашусь, дружище, Раневская мне уже и не по возрасту. И я не разгадала ее…

РУБАХИН. Знаете, что любая актриса, играющая Раневскую, должна решить для себя? Выше она или все-таки ниже любви. В этом ключ!

НОВИНСКАЯ *(продолжая двигаться в сторону двери спальной комнаты)*. Она сама – любовь!

РУБАХИН *(себе под нос)*. Любовь Андреевна.

НОВИНСКАЯ *(разворачиваясь к Рубахину у самой двери)*. Я не стану больше репетировать, вы правы: нет смысла, нет сил, быть ниже любви не смогу, быть выше – не смею!

Новинская уходит в спальную комнату.

Затемнение.

4

Та же комната ровно год спустя. Рубахин плюхается в кресло.

РУБАХИН. Фу, жаркое выдалось лето в этом году. Ну что, доктор, как ваша пациентка?

СТАНИСЛАВИН. Лежала у нас зимой. Вот сейчас уже неделю... Настроение стабильное моими стараниями. Готовится к юбилею.

ЛОПАХИН. В стараниях ваших не сомневаюсь. А где она?

СТАНИСЛАВИН. Утром физиотерапия, с минуты на минуту вернется с массажа, поработаю с ней лично, затем обед…

РУБАХИН. Ну, если лично, то я спокоен. С вашего позволения подожду внизу. Тем более пакет для нее у меня остался в фойе.

СТАНИСЛАВИН. Алкоголь ей противопоказан.

РУБАХИН. Не беспокойтесь, доктор, я привык дарить Новинской лишь бумаги.

СТАНИСЛАВИН. Ценные?

РУБАХИН *(смеется)*. А это, юморист вы наш, как карта ляжет.

Рубахин удаляется. Пауза. Появляется Новинская. Она в халате. Садится в кресло.

НОВИНСКАЯ. Устала… Сейчас еще Станиславин примется меня мучить. Одно радует, после его сеансов туман в голове рассеивается. *(Берет со стола бумаги, читает вслух.)* «Сценарий творческого вечера, посвященного…»… Бог ты мой!... «…летию Народной артистки…» *(Листает).* Официальные поздравления, выступление губернатора – надо же! – вручение ордена, художественное поздравление молодежи… Скучно… И главное, где?!... Печаль… Не люблю я эти «Творческие вечера». Настоящий театральный актер должен отмечать свои юбилеи на сцене, в работе, в своем любимом деле… *(Подходит к окну.)* на своей родной сцене… *(Смотрит на свой халат.)*…Надо бы переодеться.

СТАНИСЛАВИН. Елена Леонардовна, вы готовы?

НОВИНСКАЯ. Да-да, не стану вас задерживать. Вот только…

Пытается выдвинуть кресло на середину.

СТАНИСЛАВИН. Что вы делаете, тут уже есть кресло?!

НОВИНСКАЯ *(ставя второе рядом)*. Это мягче. Я, доктор мой, к своей заднице отношусь если не с любовью, то уж точно с уважением.

СТАНИСЛАВИН. Рад, что чувство юмора вас не покидает. Однако начнем. Как всегда, найдите точку, сфокусируйтесь на ней, сейчас я буду считать от одного до пяти, на счет «пять» вы сделаете глубокий вдох и закроете глаза… Один… Веки тяжелеют и наливаются свинцом… Два…Три…Четыре…Пять! Спать!... Глубже… Тело расслаблено, нервы расслаблены. Почувствуйте, как тяжелеет ваше тело: ноги, руки, спина… Ничего не бойтесь, ни-че-го!... Вы спокойны. Чувствуете тепло рук и ног, легкий ветерок в области лба. Вы погружаетесь в еще более глубокий сон… Сейчас я

просчитаю от одного до трех. На счете «три» вы уснете еще глубже… Один… Два…Три! Спать! Дыхание глубокое и спокойное… Отпустите свои мысли. Вы в полном порядке… Старого театра больше нет. И это не страшно. Скоро осень, ваш юбилей, почитатели вашего таланта придут вас чествовать. Жизнь продолжается… А дурные мысли надо вырубить из своего сознания! Вырубить раз и навсегда!

В дверях появляется Рубахин.

НОВИНСКАЯ *(словами Раневской)*. Вырубить? Милый мой, простите, вы ничего не понимаете. Если есть во всей губернии что-нибудь интересное, даже замечательное, так это наш вишневый сад.

Новинская тихо плачет.

РУБАХИН *(Станиславину)*. Да что вы с ней творите?! Выведите ее из этого состояния, немедленно! Я требую!

Рубахин садится в кресло рядом с Новинской.

СТАНИСЛАВИН. Это не так просто. Вы мешаете нам, уйдите!

РУБАХИН *(Станиславину)*. Убирайтесь сами! *(Берет Новинскую за руку.)* Елена Леонардовна, вы меня слышите, это Володя?! Елена Леонардовна!

Рубахин встает. Мечется по комнате.

СТАНИСЛАВИН. При всем уважении, господин Рубахин, мне придется вызвать охрану.

РУБАХИН. Да идите вы к черту! Неужели вы не понимаете, ЧТО может вернуть ее к жизни?!

СТАНИСЛАВИН. Дайте мне возможность работать!

РУБАХИН *(присаживается в кресло рядом с Новинской)*. Елена Леонардовна, не плачьте, я этого не вынесу! *(Встает, ходит по комнате, потом возвращается в кресло, далее словами Ани.)* Мама! Ты плачешь? Милая, добрая, хорошая моя мама, моя прекрасная, я люблю тебя… я благословляю тебя. *(Берет Новинскую за руку.)* Вишневый сад продан, его уже нет, это правда, правда, но не плачь, мама, у тебя осталась жизнь впереди, осталась твоя хорошая, чистая душа… Пойдем со мной, пойдем, милая, отсюда, пойдем!... Мы насадим новый сад, роскошнее этого, ты увидишь его, поймешь, и радость, тихая, глубокая радость опустится на твою душу, как солнце в вечерний час, и ты улыбнешься, мама! Пойдем, милая! Пойдем!

Новинская открывает глаза.

НОВИНСКАЯ. Вы?!... Володя… А меня сморило… И вы не поверите, видела вас во сне. Случится же такое: открыла глаза, а вы здесь?!

РУБАХИН. Пойдемте отсюда, вы мне нужны! Сейчас, немедленно!

НОВИНСКАЯ. Но я не здорова, голубчик.

РУБАХИН. Я принес вам два лекарства. Они у меня тут, в пакете *(Вытаскивает из пакета тонкую папку с документами.)* Помогите мне!

НОВИНСКАЯ. Чем, друг мой?!

РУБАХИН *(протягивает папку Новинской)*. Помогите мне вот в этом!

Новинская смотрит бумаги.

НОВИНСКАЯ. «Чехов-центр»?... Малая Вишневая, 22… Учредитель – Рубахин Владимир Александрович… Художественный руководитель – Новинская Елена… ?! Володенька, что это?!

РУБАХИН. Это именно то, в чем мне очень нужна ваша помощь. Сохранить театр как частный мне не удалось. Репертуарный театр – это сложно, слишком ответственно для меня, да и нерационально. Но, возможно, это и к лучшему… Зал реконструирован слегка, но сохранен. В нем можно проводить мероприятия, в том числе играть спектакли. В одной из пристроек организуем музей театра. Вы же мне поможете? *(Новинская улыбаясь кивает головой.)* Будет и ресторан для театральной публики. Кстати, сейчас мы отправимся туда обедать, познакомлю вас с шефом, и он непременно приготовит нам что-нибудь очень вкусное. Но прежде… У меня есть для Вас еще кое-что.

Рубахин вытаскивает из пакета запечатанный конверт и протягивает его Новинской.

НОВИНСКАЯ. Господи, неужели это пьеса?!

РУБАХИН. Ага.

НОВИНСКАЯ. Володенька, вы все-таки написали для меня пьесу.

РУБАХИН *(смеется)*. Ну, нет, такого подарка вы еще не заслужили. Да и автор вам требуется... Как бы это сказать?!... Попроще…

Новинская открывает конверт. Достает из него потрепанную старую книжку.

НОВИНСКАЯ *(читает)*. Антон Павлович Чехов. «Вишневый сад». Та самая?

Новинская обнимает Рубахина. Слезы текут из ее глаз.

РУБАХИН. Идемте отсюда! Сейчас! *(Новинская смотрит на свой халат, Рубахин ловит ее взгляд)*… Вот так! Именно так! Немедленно! Навсегда!

Новинская и Рубахин выходят из комнаты.

Пауза.

Рубахин возвращается в комнату. Снимает со стены репродукцию «Черного квадрата», кидает ее на шкаф и выходит.

Занавес.

ТАМАРА РАФАИЛОВА
(Израиль)

НЕВЕСОМОЕ ЧУДО

…Новый год в бывшем Союзе всегда был связан с ожиданием чуда. Люди посмеивались, иронизировали, но в душе не переставали его ждать. Не могли перестать, ведь человеку так хочется чего-то необычного, небудничного… Он не понимает, что то, что он живет, – уже чудо, а мы считаем это самым обычным явлением и начинаем, сообразно своему разумению, искать вокруг хотя бы маленькие чудеса, так как большие нам осознать не под силу, мы почему-то не верим в их существование – они просто непостижимы нашему земному разуму.

Почти во всем, что с нами происходит, есть элемент того самого чуда, а мы чаще всего относимся к нему, как к обычному явлению, начинаем подыскивать произошедшему земное объяснение. А не нужно непременно искать объяснения чуду… Мне кажется, буквально во всем, что присутствует на земле, таится жизнь в ее самых чудесных проявлениях.

Когда человечество опишет чудо с научной точки зрения, оно окажется невесомым – как душа. Душа ведь не имеет веса, она полностью состоит из света. Видимо, более яркого, чем тот, что мы с вами видим. Или из какого-то другого Света… И когда, к нашему горю, случается трагедия, и человека не становится на земле, еще один кусочек чуда уходит, исчезает, поднимается в воздух, улетает… Мы его ищем, но тщетно. Оно уже ушло, оторвалось от нас, стало невидимым и невесомым...

В действительности люди грустят не по Баку, из которого уехали, а по ушедшей молодости, что не вернуть. По ушедшим годам… По молодым родителям… По тому времени, когда взрослые летними вечерами до поздней ночи сидели во дворах, а мы, дети, играли в прятки…

В действительности люди грустят не по городам своего детства – возможно, в действительности и не было в них ничего особенного (или же особенности эти сильно преувеличены). Люди грустят по своей юности, по канувшим временам. И горько от понимания, что ничего нельзя вернуть…

Вот им и кажется, что если бы Баку стал прежним, то и жизнь их стала бы прежней. Но – нет. Даже если бы Баку стал прежним и туда вернулись бы все, кто из него уехал, – это было бы очень грустное зрелище, намного грустнее, чем есть сейчас, так как оказалось бы, что родителей почти ни у кого не осталось, что все мы постарели и устали, и у нас нет больше, как в детстве, ощущения, что время тянется слишком медленно, и что оно бесконечно… Что нас сегодня разрывают дела, что мы всего на несколько дней вырвались из настоящего в попытке вернуться в прошлое… Что нужно обязательно посетить кладбище… Что двор, который когда-то казался таким большим, вдруг оказался совсем маленьким (если он, вообще, остался и его не застроили гаражами или еще какими строениями)… Что в квартире, в которой ты жил, уже давно живут незнакомые люди, и из соседей почти никого не осталось… И школа наша производит удручающее впечатление, так как тех учителей в ней тоже давно нет…

Так зачем возвращаться в прошлое?.. Чтобы испытать еще большую грусть и боль?.. Когда, спустя почти два десятилетия отсутствия, я приехала в Баку, то даже не зашла во двор, в котором росла. «Хотите, сделаю круг по вашему двору?» – спро-

сил таксист, случайно оказавшийся жильцом соседнего дома. «Нет, – ответила я, – ведь я там уже никого не встречу…»

Пусть мой двор остается в памяти таким, каким был в детстве, а не таким, каким он стал...

Вот пусть и наш Баку остается в памяти таким, каким был, мысленно твердим мы, но все равно, вопреки разуму и всякой логике, хотим вернуться сюда и хотя бы на несколько дней окунуться в прошлое. И понимаем, что при первой же подвернувшейся возможности мы это сделаем… И вдобавок еще привозим сюда своих детей, агитируем коллег по работе поехать по туристической, рассказываем, какие места они должны непременно посетить, и гарантируем им поистине незабываемые бакинские впечатления…

Баку-2020

Театр одной актрисы

Расставь декорации,
Пригласи гримеров,
Я буду патрицией,
Ты – актером,
Я буду несчастной,
А ты влюбленным,
Я буду красивой,
Ты – потрясенным.
Качаются ветви,
Слетаются стаи.
А мы с тобою
Без счастья и злости,
А мы с тобою
Без жизни, без пьесы
И без надежды
На нужные роли.
Расставь декорации,
Пригласи гримеров...

****

Тебе кажется, что это конец,
а это только начало.
Тебе казалось, ты борец,
но сил оказалось мало.
Тебе кажется,
пораженье уже навсегда,
никогда не затянется травма,
никогда не просохнет твоя слеза,
и вечно продлится драма...
А это просто малюсенькая
при дороге яма –
выбирайся скорее.
Сама.

Тоска

Привычно, каждый день
Тоска ко мне
Приходит.

Ничего не говорит,
За столом со мной сидит,
Дни мои со мной хоронит...

****

Ты всё откладываешь на потом.
Потом – додумаю,
потом – доделаю.
Успеется,
еще есть время,
куда торопиться...
Да мне это и неинтересно,
а может, вообще не нужно,
может, без этого и вовсе
обойтись можно...
Врагов привечаешь под свой кров,
А от друзей закрываешь дом
И уходишь,
волоча ноги с трудом.
И почему так случилось,
ответ тоже
откладываешь на потом.
Ты и любовь откладывала –
на потом.
И вот теперь у всех свой дом,
а у тебя –
квартира под съём,
и дверь открываешь
чужим ключом.

****

Я составлю длинный список дел,
но не чтобы все переделать,
а просто чтобы себя занять.
Я составлю длинный список дел,
чтобы чувствовать себя у дел
и знать, вот это и есть мой удел.
Составлю длинный список дел...
Чтобы не ждать того,
кто сердцем охладел.

***

Отрезано,
Выброшено,
Перечеркнуто,
Смято.

От-люблено,
Раз-люблено,
Перебито,
Растоптано.

Тягостно,
Ненавистно,
Нечестно,
Неправедно.

Но станет когда-нибудь –
Пережито,
Временем смыто,
Невспоминаемо...
Словно никогда и не бываемо.

Старое платье

Старое платье –
жалко выбросить
и нельзя носить.

Старое платье
напомнило прошлое
(Навсегда бы его забыть...)

Старое платье,
стала старее я –
больше короткое не носить!..

Старое платье
верну на вешалку –
кто знает, какие
наступят дни...

***

Любовь прошла,
и продолженье
придумывать бессмысленно –
увы...
Любовь прошла –
и я на все теперь
смотрю осмысленно.
Увы...

Почему?..

**Почему сейчас не любят так,
как в прошлом?..
«Буду ждать тебя вечно...»
«Ты – мой единственный...»
«Послан мне небом...»
«Умру без тебя...»
Почему сейчас не любят,
как в прошлом:
не смотря на часы,
не думая, а зачем он мне нужен,
найду себе и получше...
Почему у нас всегда
«нет времени»
и «работа важнее»?..
Мы встречаемся,
свыкаемся друг с другом,
а если и расстаемся –
трагедии нет.
Мы не влюбляемся,
лишь разбираемся,
что же свело нас вместе...
Ну, почему сейчас не любят так,
как в прошлом?..
«Буду ждать тебя вечно...»
«Ты – мой единственный...»
«Небом мне послан...»
«Умру без тебя...»**

***

**Я опять стала разболтанной,
несобранной и расхлябанной,
с недавних пор ненакрашенной,
неухоженной, нерасчесанной...
Но в себе, как ни странно, уверенной,
Не морочась мятыми платьями...
Для кого-то –
уже потерянной.
Для кого-то –
еще не найденной.**

***

**Не люблю возвращаться в прошлое.
«Жизнь уходит» –
явственно сознавать,
Видеть прежние интерьеры,
Понимать, что нас с тобой в них уже нет,
Лишь призраков вьется
струящийся след...**

Выбор

Лучше – любить.
И не важно, кого:
Соринку,
Травинку,
Букашку,
Пылинку…
Лучше любить,
И не важно, кого –
Подлеца
Глупца,
Скупца,
Многодетного отца…
Лучше любить
(Хоть порой это так тяжело,
Что почти невозможно).
И не важно, как –
С надеждой
Или без нее.
Знать, что он –
навсегда уже прошлое,
И мечтать о нем –
только время терять.
Но все равно лучше –
любить!..
А если не получается никак,
И время тянется кое-как,
И жизнь уже не всего дороже –
Сплошные тягости,
И нужно бы,
наконец, разлюбить…
Только как,
Если сердце уже
без любви
не может?

***

Очередной крюк,
Очередной трюк.
Вбитая в голову блажь,
Засевшая в сердце дурь.
Пусть сохраняет Бог –
Вначале детей
в неспокойных днях,
Пусть снова и снова прощает Бог
Большую дуру, меня.

Давай читать стихи

Давай читать стихи,
это все-таки помогает в ночи,
когда с горем сидишь одна,
когда полагаешь –
беда сильна,
и ты безраздельно ей подчинена...
Давай с тобою читать стихи,
пусть они о чужой любви,
но те же сюжеты:
несчастны герои,
и так же не знают,
куда бежать от тоски
в такие же длинные ночи...
Давай снова читать стихи,
чтобы вместе почувствовать,
жизнь, в принципе,
не так уж и плоха,
да и ночь почти что уже прошла –
поют за окном петухи.
Ну, а утром за новым счастьем иди,
даже не зная, куда идти...
Так всю ночь читаешь стихи
и наутро все-таки решаешь
и на этот раз
не умереть от любви...

***

Сегодня мне понравился другой,
я сегодня от взгляда другого смутилась,
румянцем покрылась,
но глаз не отвела...
Так что вечно, как видишь,
любить я тебя не смогла.
И вроде бы радоваться должна,
значит, не буду в оставшиеся дни одна,
не буду несчастна из-за тебя.
Но именно сегодня любовь к тебе
в могилу сошла,
и я села ее поминать у огня...

ГЮЛЯР АБДУЛЛАБЕКОВА

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ТВОРЧЕСТВЕ ОЛЬГИ ТОКАРЧУК

Ольга Токарчук – романистка и эссеистка, наиболее титулованная польская писательница. Лауреат Международной Букеровской премии (2018) и Нобелевской премии по литературе (2018), равно ценимая как литературной критикой, так и широкой читающей публикой. Родилась в 1962 году в Сулехове. Бесспорное открытие в польской литературе последних лет, писательница, которую ценят и критики, и читатели. Феномен популярности и хорошего вкуса, образованности и литературного мастерства, философской глубины и искусства рассказчика. Почитательница Юнга, знаток философии и эзотерики. Изучала психологию в Варшавском университете.

Еще подростком Ольга пробовала свои силы в поэзии. Потом на много лет замолчала, чтобы вернуться с романом «Путь людей Книги» (1993), с энтузиазмом воспринятым критикой. Это произведение – нечто вроде современной притчи. Первый слой сюжета повествует о неудавшейся экспедиции за таинственной Книгой, в ходе которой на двух главных героев снисходит великая любовь. Действие происходит в XVII веке во Франции и Испании, однако здесь важен не местный колорит, а очарование Тайны.

В другом романе «Э. Э.» (1995) автор отправляется в несколько более близкое к нашему времени прошлое. На этот раз действие книги разворачивается во Вроцлаве начала XX века. Ее главная героиня Эрна Эльцнер (*отсюда Э. Э.* – **Г.А.**), юная девушка из польско-немецкой семьи, у которой открылся медиумический дар. Здесь также проявляется очарованность таинственным, тем, что ускользает от человеческого сознания.

Третий роман, «Правек и другие времена» (1996), тоже ждал успех. Правек – мифическая деревушка, расположенная в самом центре Польши, архетипический микрокосм, в котором сосредоточены все известные человеческие радости и печали. Об этом романе писатель Ежи Сосновский говорил: «*Из лоскутков реальной истории Токарчук создает миф, то есть историю, где все события, в том числе трагические и неприятные, имеют свое обоснование. Пространство организовано наподобие мандалы, а это геометрический образ совершенства и полноты*».

В другом тоне и жанре выдержан следующий роман Ольги Токарчук «Дом дневной, дом ночной» (1998). Определение «роман» здесь довольно обманчиво, поскольку эта вещь – гибридный текст, в котором собраны самые разнообразные наброски сюжетов и более связные рассказы, заметки квазиэссеистического характера, личные записи. В сущности, «Дом дневной, дом ночной» – наиболее личная книга писательницы и вместе с тем наиболее «локальная». Здесь Токарчук вслушивается в окружающее пространство (деревня в Судетах, на польско-чешской границе). Этим колоритом дышит, к примеру, рассказ о средневековой святой, Куммернис – женщине, которую Бог избавил от нежеланного замужества, даровав ей мужское лицо. Книга «Дом дневной, дом ночной» стала финалистом дублинской литературной премии IMPAC.

В 1997 году появился небольшой прозаический сборник, состоящий из трех рассказов («Шкаф»), однако до выхода следующей книги писательницы «Игра на разных барабанах» (2001) читателям не представлялось случая оценить талант Токар-

чук в малых повествовательных формах. В книге собрано девятнадцать рассказов, объединенных в три цикла. Первый из них можно назвать автотематическим: в них автор размышляет над феноменом творчества (не только литературного). Второй цикл составляют произведения апокрифичные, основанные на реальных историях, которые писательница по-своему «продолжает», мастерски расцвечивая и оживляя голые исторические факты. И наконец, третий цикл с реалистической, а точнее, психологическо-бытовой доминантой.

Ольга Токарчук опубликовала также книгу эссе («Кукла и жемчужина», 2000), в которой предложила новое прочтение романа Болеслава Пруса (конец XIX века), произведения, считающегося шедевром польской словесности.

Роман «Последние истории» больше походит на сборник рассказов. Токарчук так полюбила малые литературные формы, что даже стала идейной вдохновительницей Международного фестиваля рассказа.

«Написание романа для меня – это перенесенное во взрослую жизнь рассказывание сказок самой себе» (Ольга Токарчук).

После 2004 года Ольга Токарчук выпустила две книги: «Анна Ин в гробницах мира» (2006) и «Бегуны» (2007). Последнее произведение получило высокую оценку профессионалов: роман был номинирован на премию Центральной Европы в области литературы Ангелус, награжден литературной премией «Нике». В 2018 году Токарчук стала первой в истории польской литературы победительницей Международной Букеровской премии за тот же роман «Бегуны».

«Анна Ин в гробницах мира», значительно отличающаяся от остального творчества Токарчук, вышла в международной серии «Мифы». Участвующие в проекте писатели (среди которых были Маргарет Этвуд и Яцек Дукай) должны были написать книгу, основанную на мифологической истории. Ольга Токарчук выбрала шумерский миф об Инанне, покровительнице урожая и войны, которая отправляется к своей сестре богине плодородия и смерти и неожиданно возвращается от нее в мир живых. Это возвращение стало возможным благодаря спутнице богини Нине Шубур. Однако условие, при котором Анна может вернуться, довольно сурово: она должна привести кого-то вместо себя. Жертвой становится ее давний возлюбленный, но половину этой печальной повинности берет на себя его сестра.

Однако то, что больше всего удивляет читателя в книге, – это не обращение к мифологии, а создание мира, где действие мифа происходит в футуристических декорациях, напоминающих эстетику киберпанка. Герои пользуются голографическими картами, подземное царство представлено как подземелье футуристического города, а Боги Отцы, которых Нина Шубур просит о помощи, напоминают технократов из какой-нибудь корпорации. Описывая «Анну Ин...», критик Пшемыслав Чаплинский, отдавая дань мастерству Токарчук, писал: *«Для одной этой книги Токарчук изобрела жанр, язык и совершенно новый способ повествования»*.

«Бегуны» – книга не о путешествиях, а о феномене природы. После мифографической прозы, эмоционально связанной с описываемым местом, писательница удивила своих читателей романом, который представляет собой своеобразное исследование психологии путешествия.

Заглавие книги происходит от названия старообрядческой секты, члены который уверены: оставаясь на одном месте, человек подвергается атакам Зла, а постоянное перемещение помогает спасению души. Подобная, хотя и очень светская, мотивация, связанная скорее со стремлением к свободе, движет героями каждой из сюжетных линий романа. В книге появляется женщина с ребенком-инвалидом, не вернувшаяся домой после снизошедшего на нее в церкви откровения; австралийская исследовательница, которая после долгих лет отсутствия возвращается в Польшу к смертельно больному другу; мать, которая вместе с сыном уходит от мужа во время отдыха в Хорватии; есть в книге и рассказ о переносе в Польшу сердца Шопена. Чрез-

вычайно важна история жившего в XVIII веке анатома Рюйша, его дочери и его коллекции препаратов, в итоге проданной царской России. Композиция романа, состоящего из переплетающихся между собой историй напоминает ту, которую писательница уже использовала в книге «Дом дневной, дом ночной». Можно считать, что здесь Токарчук вернулась к проверенным приемам.

После «Бегунов» Токарчук написала книгу на первый взгляд более легкого калибра. «Веди свой плуг по костям мертвецов» (заглавие – цитата из Уильяма Блейка) – криминальный роман (его также называют моральным или экологическим триллером), где в привлекательную форму облечено важное дидактическое содержание.

«Солидарность с животными, самым слабым, подверженным крайне жестокому обращению звеном во властной цепи, – это символ протеста против патриархата», – говорит писательница.

Сюжет кратко сформулировал Юлиуш Куркевич на страницах газеты «Gazeta Wyborcza» (книга была номинирована на литературную премию «Нике»): «*В небольшом поселении в Клодзской котловине погибают мужчины. Все убитые были заядлыми охотниками. Полумафиозные разборки? А может быть, месть животных?*»

Героиня книги Янина Душейко – в прошлом проектировщик мостов, а ныне сельская учительница английского, географии и сторожиха в курортных домиках, которая также интересуется астрологией и обожает животных, высказывает свою теорию. Но, как несложно предположить, никто не обращает внимания на женщину, которая считает, что мир – это отражение того, что записано в звездах, а в свободное время читает Уильяма Блейка.

В этой книге Токарчук высказывает широкую критику патриархальных, антропоцентрических принципов, на которых базируется традиционный мир (носитель этих довольно консервативных идей – католическая церковь), и принимает сторону наших страдающих меньших братьев – животных. О своей книге автор говорит, что она абсолютно политическая: «*Она политическая в самом широком понимании. Политичность как оценка того, что происходит вокруг нас, и выбор какой-либо из сторон в этих событиях*».

После этого романа вышел сборник рассказов Токарчук «Момент медведя», где она говорит о теле, сексуальности и смерти, о гендерных ролях и увлечении темными комнатами. Появляются тексты о Мишеле Фейбере и Матрице. Токарчук пишет также о своих путешествиях, картах страха и картах суши, улицах Амстердама и горизонте горного массива. В «Моменте медведя» появляется, как сейчас кажется, важный для творчества Токарчук мотив гетеротопии – мира, где и речи нет об убийстве и съедении, где люди не относятся к животным как к объектам и где нет рабской привязанности к работе, соперничеству и агрессии.

«*Вот уже несколько лет меня преследует идея написать роман, где мир функционирует иначе. В нем не действуют некие очевидные принципы. Я уверена, что признание чего-то очевидным совершенно не связано с фактами, это просто вопрос общественного договора и привычки нашего разума, поэтому лежит скорее в области психологии, чем физики*», – пишет Ольга Токарчук в «Моменте медведя».

В 2014 году вышел роман «Книги Якова» – эпическое повествование о Якове Франке, еврейском мессии, жившем в XVII веке на восточных границах Речи Посполитой. Адепты Франка отвергают законы Моисея вместе с Талмудом и обращаются к Каббале, исповедуют при этом веру в Святую Троицу и Деву (иногда отождествляемую с Божьей Матерью) и в итоге переходят в католицизм. За «Книги Якова» Токарчук получила в 2015 году премию «Нике».

ЭЛЬНАРА ГАРАГЁЗОВА

ДЕКОНСТРУКЦИЯ АРХЕТИПОВ И КАНОНИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ В ПОСТМОДЕРНИСТСКОЙ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ПРОЗЕ

Автор концепции деконструкции, занимающей важное место в поэтике постмодернизма, Ж.Деррида свои первоначальные идеи о деконструкции выразил в трудах «Позиции» и «Письмо к японскому другу». В литературе понятие деконструкции часто трактуется как нарушение структуры существующего и известного текста. Однако деконструкция – это не просто концепция коллапса.

Говоря о деконструкции в своей книге «Лекции по философии постмодернизма», Дмитрий Хаустов сначала анализирует сам термин и пытается раскрыть суть концепции. Д.Хаустов отмечает, что термин «деконструкция» означает не просто разрушение конструкции. «*Таким образом, первое, что мы можем сказать о деконструкции, – она направлена на устранение целостности целого. Отметим, однако: не просто на разрушение (тогда была бы деструкция), но именно на устранение целостности – через такое прочтение, которое в каждом моменте своего вкрадчивого и кропотливого полагания предмета обнаруживало бы – не то что специально подстраивала – его собственное ускользание от бытия – целым. Напряжение между противоположными приставками означает, что мы, в общем-то, не разрушаем объект, но сам объект рушится в акте его конструирования или полагания*».

В сути деконструкции заложена сложность: в постмодернизме текст не принимается как простой, однородный, любой текст можно разделить на части и сформировать новую структуру. А новые структурные варианты, созданные нарушением целостности, могут быть бесконечными.

Деконструкция – главный поэтический элемент в постмодернистской азербайджанской литературе, наиболее ярко выраженный в прозе. Проявления деконструкции в азербайджанской постмодернистской прозе можно сгруппировать следующим образом:

1. Проявление деконструкции в виде элементов, символов (Орхан Фикретоглу, Парвиз Джабраил, Шариф Агаяр и др.).

2. Деконструкция архетипов, относящихся к классической литературе: архетипы Низами Гянджеви.

3. Деконструкция эпического канонического текста: «Китаби-Деде Горгуд», «Кероглу».

Архетипы Низами Гянджеви

«Хамсе» (Пятерица) великого Низами Гянджеви создала новую самобытную традицию в азербайджанской и в целом в исламском сегменте восточной литературы. В литературном пространстве Востока умение писать на темы Низами считалось своего рода экзаменом, и традиция «Хамсе» продолжалась веками. Архетипы, особенно восточные архетипические мотивы, занимают важное место в постмодернистской азербайджанской литературе, и в их основе лежит деконструкция известных сюжетов Низами Гянджеви.

Одно из таких произведений – повесть Шарифа Агаяра «Эпос о каменщике» – является постмодернистским проявлением сюжетов Низами.

Название рассказа взято из поэмы Низами Гянджеви «Сокровищница тайн», и связь с великим поэтом ограничивается только упоминанием его имени..

На фоне тенденции деконструкции архетипов в постмодернистской азербайджанской литературе особое место среди произведений, основанных на архетипических образах и сюжетах Низами, занимают рассказы Фахри Угурлу. Три из 12 рассказов, вошедших в серию Фахри Угурлу «Божьи горы», написаны на основе сюжетов Низами.

В рассказе «Закон Искендера», основанном на деконструкции поэмы Низами Гянджеви «Искендер-наме» (Книга Александра), дихотомия[1] человека и мира, материального и духовного, любви и силы выводятся на художественный уровень на фоне одиночества и тоски главного героя. Искендер понимает, что избавиться от пустоты и бессмысленности внутри себя можно через совершенствование и признание внутреннего «Я». В этой истории, как и в поэме «Искендер-наме» Низами Гянджеви, Искендер находит прибежище в науке и знаниях, а беседы с Платоном и Аристотелем, представленными в произведении как духи, живущие на Олимпе, помогают ему найти смысл в жизни. В основе этой постмодернистской истории, наряду с архетипом Низами Гянджеви «справедливый правитель», также упоминаются суфийские символы, такие, как «пастырь» и «дочь пастуха».

В рассказе «Убийство Хосрова Фархадом» образ Фархада отражает архетип мудрого старика, а также архетип любовника и художника. «Новый Фархад», созданный Фахри Угурлу, является символом архетипа мудреца. Диалог Фархада (архетип художника-любовника) с Хосровом (архетип правящего) символизирует, что ни сила, ни искусство без мудрости не могут быть мостом к счастью. В произведении на фоне диалога любви божественной и любви мирской, тела и души, материального и духовного, силы и любви подчеркивается, что путь человека к бесконечности и бессмертию может пройти лишь через эволюцию души.

Третий рассказ писателя, связанный с Низами, называется «Безумие Лейли». В постмодернистской версии этого архетипического сюжета, который в восточной и азербайджанской литературе считается символом божественной любви, события описываются на фоне повседневной реальной жизни. В отличие от известного сюжета в современой адаптации рассказа Меджнун просыпается от божественной любви и разрывается на части животными, и эстафета «безумия» передается Лейли. Рассказ Фахри Угурлу с переходом от архетипа божественной любви к архетипу безумия можно причислить в разряд других текстов, созданных в разные периоды (Джалил Мамедгулузаде «Собрание безумных» и др.).

Таким образом, хотя архетипический сюжет деконструируется в каждом из рассказов, основные нотки идей Низами сохраняются.

Канонический текст – эпос«Китаби-Деде Горгуд»

«Китаби-Деде Горгуд» считается главным каноническим текстом нашей литературы.

Основной тенденцией произведений, созданных на основе эпоса «Китаби-Деде Горгуд» в постмодернистской азербайджанской прозе, является деконструктивный подход, а также постмодернистская цитата, как механизм реализации интертекстуального содержания культуры.

Постмодернистские произведения, созданные на основе деконструкции эпоса «Китаби-Деде Горгуд», по уровню деконструкции можно разделить на две группы:

[1]Дихотоми́я (греч. διχοτομία: δῖχῇ, «надвое» + τομή, «деление») – раздвоенность, последовательное деление на две части, более связанные внутри, чем между собой. Способ логического деления класса на подклассы, который состоит в том, что делимое понятие полностью делится на два взаимоисключающих понятия.

1. В некоторых произведениях эпос не деконструируется в целом, а цитируется с некоторыми деконструктивными элементами.

2. Произведение полностью основывается на деконструкции эпоса.

В романе Орхана Фикретоглу «Мертвый текст» отсылка к эпосу «Китаби-Деде Горгуд» выступает как один из слоев полифонического текста. Пункты, касающиеся Деде Горгуда, в романе служат для того, чтобы пролить свет на первоначальную историю рукописи – «мертвого текста» – путем визуализации образа автора-демиурга. В романе Парвиза Джабраила «На иностранном языке» имена героев «Китаби-Деде Горгуд» использовались в качестве кодовых символов. Контраст Ичери Шехер-Байиршахар в произведении привлекает внимание как постмодернистская вариация контраста Внутреннего Огуза и Внешнего Огуза. Оба романа не деконструируют эпос «Китаби-Деде Горгуд» в целом, они создают постмодернистские отсылки и цитаты с деконструктивными элементами.

А роман Камала Абдуллы «Неполная рукопись» основывается на полной деконструкции эпоса.

Иса Габиббейли пишет о «Неполной рукописи»: «Это роман художественной мысли, хроника научной мысли. Вместе с этим произведением возникает другая форма азербайджанского романа: роман-рукопись, то есть роман, созданный из трактовки сюжета, написанного на основе мотивов рукописи. На наш взгляд, роман «Неполная рукопись» обобщает научную деятельность Камала Абдуллы. «Неполная рукопись» – важный результат многогранного исследования Камала Абдуллы, которое он проводил в течение длительного периода времени и нашел отражение в художественной мысли».[1]

По мнению Рахили Гейбуллаевой, «Роман «Неполная рукопись» еще раз подводит нас к мысли о том, что если история – это хроника событий, то художественная литература – это отражение этой истории в судьбе конкретного человека».[2]

Деконструктивный подход к эпосу «Китаби-Деде Горгуд» Камал Абдулла выразил также в своих пьесах «Судьба Бейрака» и «Шпион». Часть рукописи, описанной в романе «Неполная рукопись», представляет собой деконструктивную версию эпоса «Китаби-Деде Горгуд». Эта часть представлена читателю в виде рукописи, в которой молодой Деде Горгуд повествует о расследование, проведенное под руководством Баяндыр-хана с целью разоблачения предателей в Огузском вилайете. Таким образом, старый мудрый Деде Горгуд заменяется юным Горгудом, новые образы героев эпоса, основанные на реалиях постмодерна, неожиданны для читателя, знакомого с текстом саги, и, представляя детективный сюжет, производят шокирующий эффект, представляются в детективном сюжете.

В постмодернизме присутствие детективных элементов в верхнем слое произведения используется как отвлекающий, вводящий в заблуждение метод. Тот же элемент можно увидеть в романе Умберто Эко «Имя розы». Романы Камала Абдуллы и Умберто Эко на первый взгляд представлены в стиле классического детектива. В обоих романах расследование ведется на ограниченном пространстве – в церкви и в деревне. Таким образом, через детективный верхний слой постепенно вырисовывается главный атрибут постмодернистского романа – хаос: детективный сюжет для обычного читателя, полифонический текст для интеллектуального читателя. Неполнота и анонимность «неполной рукописи» не только представляют собой деконструктивную версию «Китаби-Деде Горгуда», но это также приводит к канонизации эпоса, став источником ссылок в качестве исходного текста, тем самым вызывая интерес к оригинальному тексту, к прочитыванию и распространению эпоса.

---

[1] Həbibbəyli İ. Elmilik və bədiilik: paralelliklərin vəhdəti. Ədəbiyyat qəzeti. 2010. 3 dekabr.

[2] Qeybullayeva R. Tarixi janr ənənəvi və yeni kontekstdə: K. Abdullanın «Yarımçıq «əlyazma romanı əsasında» Azərbaycan. 2008. №7.

Канонический текст – эпос «Кероглу»

Подобно эпосу «Китаби-Деде Горгуд», более поздний эпос «Кероглу» является одним из канонических текстов нашей литературы, и мотивы обоих эпосов всегда использовались в нашей устной и письменной литературе. Опера Узеира Гаджибекова «Кероглу», фильм Гусейна Сеидзаде «Кероглу» по сценарию Сабита Рахмана, стихотворение Салахаддина Аджами «Кероглу», роман Вугара Ахмада «Кероглу», трилогия Ильгара Фахми «Ченлибельская лисица» написаны по мотивам этого эпоса.

Литературный проект Ильгара Фахми «Ченлибельская лисица», состоящий из трех романов и называемый автором «полуисторическим детективом», отличается постмодернистским характером.

«В текстах И. Фахми сильна апелляция к истории. Писатель возрождает прошлое на уровне истории, мифа, открывает его в новой перспективе, через язык символов переносит текст произведения в нашу с вами современность. Большая часть авторских текстов основана на деконструкции; сюда включены как эпико-реалистический, лирико-психологический, так и условно-метафорический стили. Обращает на себя внимание возвращение к исторической памяти, формирование нового подхода к отечественной истории».[1]

Деконструированная версия эпоса «Кероглу» представлена читателю в романах Ильгара Фахми «Первый заговор», «Воронье гнездо» и «Скорпион в тени», которые входят в литературный проект «Ченлибельская лисица».

Как мы уже отмечали, в постмодернизме детективные сюжеты и элементы используются в качестве первого слоя текста. Как и в романах «Неполная рукопись» и «Имя розы», в произведениях, включенных в литературный проект «Ченлибельская лисица», использовался классический детективный метод: *«убийство в закрытой комнате»*. Это классическая для детективной прозы схема сюжета, когда убийство совершается в таком месте преступления, куда никто со стороны не мог прийти и откуда никто не мог выйти.

Деконструктивные элементы, которые появляются в этих трех романах Ильгара Фахми, можно классицицировать следующим образом:

1. В отличие от эпоса, в трилогии рев, сила и меч Кероглу лишены мистико-магического свойства. В романе «Первый заговор» становится ясно, что чудодейственная сила воды Гошабулага, создание меча из молнии – это мифы, придуманные и распространенные Ашугом Джунуном для популяризации образа Кероглу.

2. Кероглу – безрассудный герой трилогии, который быстро выходит из себя, полагается только на физическую силу.

3. В эпосе бойцы Кероглу изображены сильными, бесстрашными и справедливыми, а в трилогии они представлены как грубые «боевые машины», лишенные тонких эмоций, желающие только войны, еды и вечеринки. Но в трилогии, как и в эпосе, бойцы не лукавят и бесконечно верны Кероглу.

4. В отличие от эпоса наличие в трилогии Моллы Хабиба наряду с Ашугом Джунуном, дервишей, использование суфийских символов создает дополнительные слои в тексте, обеспечивающие полифонический эффект. В саге ничего не говорится о религиозной принадлежности повстанцев, но в трилогии все люди Ченлибеля – мусульмане, а в некоторых случаях – довольно невежественные, верящие в джиннов и колдовство. Отметим, что в романе Ильгара Фахми «Воронье гнездо» дервиши – это не только религиозные деятели, но и физически сильные, хорошо обученные солдаты. В романе дервиши действуют как силы тайной полиции государства Сефевидов. Четки (азерб. «təsbeh»), один из суфийских символов, также используются в государственных делах в качестве секретного кодированного носителя информации.

[1] Akimova E. Hekayə diskurs kimi: İlqar Fəhmi – «Qardaş qanı». Ədəbiyyat qəzeti. 2018.11 avqust.

5. Как и в эпосе, в трилогии используются мистико-магические элементы. Примером этого являются четки из крупнозернистых кораллов, которые молла Хабиб, молла мечети Ченлибель, подарил Плешивому Хамзе после поимки Гара Махмуда. Если четки дервишей являются носителем секретной закодированной информации, то четки, данные Моллой Хабибом Плешивому Хамзе, более мифичны и мистичны.

6. История Плешивого Хамзы в эпосе заканчиваются тем, что он, поддерживая стремя Гырата в Тогате, просит прощения и получает благословение от Кероглу. В трилогии Плешивый Хамза показан самым доверенным лицом Кероглу, советником и главой контрразведки. Он играет важную роль в предотвращении угроз Кероглу, Ченлибелю и в разоблачении врагов.

7. Плешивый Хамза – главный герой трилогии. События трилогии охватывают время после встречи Кероглу с Плешивым Хамзой и писатель описывает их, используя деконструктивные элементы.

В финале эпоса постаревший Кероглу, увидев огнестрельное оружие, решил, что это конец честной борьбы и воинской доблести, вложил меч в ножны и отпустил своих удальцов, а затем перевооружился для защиты Ченлибеля. Ильгар Фахми представляет читателю новый образ Кероглу, который основывает в Ченлибеле небольшое государство с четкой структурой и строгой иерархией, а Плешивый Хамза становится его советником, теперь они защищают родину не только на поле боя, но и политическими уловками на политической арене.

8. Исходя из хронотопа[1], географии путешествий, названий чинов, можно только предположить, что события, описанные в эпосе «Кероглу», произошли в период правления государства Сефевидов и государства Османской империи. А в романе с полной уверенностью утверждается, что события произошли во времена Сефевидов. Об этом свидетельствуют не только образы и сюжеты, но и слова арабско-персидского происхождения и красноречивые речи, включенные в язык романа.

Хотя эпос «Кероглу» в трилогии Ильгара Фахми «Ченлибельская лисица» деконструирован на уровне сюжета, героя и языка текста, основная идея эпоса (патриотизм), характерные черты героев (героизм, верность, чистота), пространство (Ченлибель) остались нетронутыми. Таким образом, трилогия не отрицает национально-культурный текст, а просто представляет новую деконструктивную вариацию.

Заключение

• Деконструкция широко используется в постмодернистской азербайджанской прозе.В постмодернистских текстах элемент деконструкции проявляется в форме ссылки, постмодернистской цитаты, полной деконструкции канонического текста и реинтерпретации архетипов.

• В своих рассказах Фахри Угурлу деконструировал сюжеты Низами, но сохранил идейную линию основного текста.

• Деконструкция эпоса «Китаби-Деде Горгуд» в романе Камала Абдуллы «Неполная рукопись» обеспечивает канонизацию текста эпоса и ссылку на исходный текст.

• Хотя в трилогии Ильгара Фахми «Ченлибельская лисица» эпос «Кероглу» был деконструирован в различных аспектах, основная идея эпоса и национально-культурные ценности остались нетронутыми.

• На наш взгляд, деконструктивное представление архетипических сюжетов и канонических текстов в постмодернистской литературе, сохраняя главную идею и сущность, играет важную роль в продвижении классической литературы, архетипических сюжетов и их передаче подрастающему поколению.

[1]Хронотоп – «единство пространственных и временных параметров, направленное на выражение определенного культурного, художественного смысла».

МАРАТ ШАФИЕВ

Всевременны́е мысли

Ниджат Мамедов «Непрерывность». 2022

Каждый текст заслуживает отклика (Иисус бы добавил: а каждый труд – вознаграждения), даже если текст воспринимается автором не как собственный, а диктовка, но труд переписчика – тоже работа. Автор в большинстве случаев откликом бывает недоволен, но если автор – сам передатчик (*«он пишет стих, как бы ещё до того, как его осознал»*), так ли он уверен, что в тексте разбирается лучше (*«Спрашивающий сведущ не более Спрашивающего»*), и не дело ли критика выуживать на свет смыслы, которые Текст, как и всякая Тайна, скрывает от чужого взгляда?

Но прежде о трёхязычии книги: на русском, азербайджанском (авторская интерпретация) и английском (перевод Эсмиры Серовой) – *«На каком языке ты понимаешь себя сегодня?»* Понятно желание автора быть далеко услышанным (а читателю, для которого перечисленные языки – функциональные, ещё и любопытно сравнить оригинал с копией), но владеющий одним «языком» купит ли книгу, две трети которой – «воздух»? Хотя близится время, когда нам придётся платить за чистый воздух, как сейчас платим за чистую воду.

Идрис Шах уже выпускал наполовину чистую «Книгу книги», но это нечто иное – лакуны нужно было заполнять собственными мыслями. А впрочем, и в той «понятной» части многое остаётся непроходимым лесом. Вот через этот бурелом я и предлагаю рискнуть пробраться.

А замечательность моего отклика в том, что, принявшись читать книгу, я отложил её в сторону, чтобы записать сразу нахлынувшие на меня впечатления, а когда вернулся к отложенному, то в готовое эссе просто вписывал цитаты, подтверждающие правоту моих выводов, оставляя «неподходящие» искателю, который *«носит в себе свою дорогу»*. Но, может быть, я обольщаюсь, и универсальность поэтического текста такова, что готова дать ответ на любое вопрошание, ибо и параллельные прямые сходятся в некой точке искривлённого пространства. Возможно даже, что точка встречи и первоначальная точка расхождения – одна и та же: *«будто идёшь навстречу своему отражению – не знаешь куда, но ты уже там»*.

Расшифровка названия книги приоткрывается в следующем: *«Лишь имя скрепляет меня со мной,/ ибо избрал я кочевье,/ протяжённость мира как непрерывность своего и твоего отсутствия»*. «Мировое началось кочевье» – сто лет назад испытала на своей шкуре Цветаева, а мы – потомки кочевников – удостоверяем, что оно не прекращалось никогда, ведь что такое коловращенье Космоса (от кванта до Канта), как не жизнеутверждающее перемалывание в ступе зёрен звёзд? Мука зерна или творчества – оказывается, не только ничтожная перестановка букв, но и ударения вызывает отнюдь не ничтожные последствия.

Коловращенье всегда центробежное (*«Ты – ось,/ позволяющая нанизывать вокруг себя мою самость»*), и эта энергетическая замкнутость на себя (Колесо) и задаёт движение. А как же декламируемая свобода рассеивания, к примеру – того же верлибра? В свободном падении/парении человек Руми обретает крылья. Но птичья стая или лошадиный табун – полная свобода, и никакого прогресса. Мир возникает в результате добровольного ограничения Богом Своего Могущества (отсюда: Бог умер?). Культура возникает, когда человек ограничивает себя запретами: не убий, не лжесвидетельствуй, не укради, не копируй. Верлибр, не признающий рифмы и, сле-

довательно, заданности новой строки, всё равно нуждается в скрепах, идентифицирующих верлибр как поэзию. Всё равно остаётся традиционная ритмика, густая метафорическая и ассоциативная насыщенность. Верлибр в своём высшем постмодернистском явлении хоть и всячески стебается, принижает классику, но его «белым» мясом только и питается, как навозный червь. Если классика ещё вспоминается, то только потому, что постмодерном постоянно цитируется.

Преодоление классики, а в общем – жизни, невозможно по причине того, что нас втолкнули в уже готовую Реальность, не спросив нашего желания, даже наши грёзы – иллюзиорны и смешны для четырёх-пяти-и больше мерного Сознания. Фолкнер находит выход в самом поражении, в огне которого закаляется духом, что синонимично Хемингуэю: человека можно убить, но не победить. И если победа не даётся в мире, она происходит в смерти. Смерть справедливее и честнее жизни: *«А смерть любит всех без разбору»*.

Но если для чего-то зажигаются звёзды, то для чего пылает и человек *«между свободой и полным исчезновением»*. Вселенная нуждается в постороннем взгляде, замершем в удивлении перед её неистощимыми, могущественными демонстрациями. Замершем или испускающим вопль тоски. И этого нам достаточно знать, чтобы находить мужество для существования: *«И мыслить о поэзии столь же важно, сколь мыслить поэзией»*.

Физикам знаком и такой парадокс: взгляд наблюдателя, просвечивающий частицу, сбивает её с курса и искажает её природу. Эксперимент над Словом – та же любимая теория Резерфорда о трансформации вещества. Не видовая дарвинская мутация, а превращение одного вещества в полностью другое. Физики не боялись экспериментировать, убедившись в устойчивости миропорядка, покоящегося на разных «табу»: скорость света, всемирное тяготение и прочее. И если физики не взорвали мир, то есть надежда, что его взорвут лирики и построят новый мир по своим правилам: *«Правил нет, либо они меняются с каждой секундой»*. Строительный словесный материал в своих конструктивных возможностях также неисчерпаем: *«При желании можно/ переписать описание, а затем переписать переписанное»*.

Этот разговор непрерывный, даже не «цитата» Цветаевой, а «цикада» Мандельштама – неумолкаемость ей свойственна. Но *«мне сейчас хочется, чтобы ты бросил читать и вышел погулять»*. Такие разговоры высокого напряжения (*«Молния выбирает дерево/ с нужным потенциалом»*) чреваты последствиями и не каждому нравятся. Но постмодернистский текст не ищет массового читателя: *«Говорят, такие стихи обычно читаются в чайхане/ для трёх-четырёх «золотых ушей»* во всём городе», в конце концов *«ты говоришь, чтобы слышать себя»*. *«И кто ещё верит в возможность истории быть рассказанной?»*

МАРК БЕРКОЛАЙКО

ВПЕРЕД, НА АЗИЗБЕКОВА, 19!

(Другу и о друге в день его рождения)

Когда-то дом и светел был, и нов.
Почти как замок – вид такой картинный…
И принимал здесь доктор Иванов,
На Воронцовской угол Карантинной.

Александр Грич

Ни в коем случае, Сашок, не назад на Азизбекова, 19, хотя улица теперь называется в честь писателя и драматурга Ислама Сафарли, да и ты давно уже живешь не только в другом доме, но и в другом полушарии. Назад – это значит в прошлое, а мы уже в том возрасте, когда всю коллекцию былых острых чувств, бурных радостей и мелких горестей жаждешь перенести в будущее; когда на окружающуюдействительность поглядываешь досадливо: не так плотно бы ты, родимая, меня окружала!

Итак, вперед и только вперед!

К тебе, на Азизбекова, 19!

Не коммунальные квартиры в ряд –
Гостиная, знакомая едва ли…
Витые свечи в полутьме горят,
И женщина играет на рояле.
Спадает с плеч причудливая шаль,
И музыка – как будто наважденье.
Поет рояль! Он продан был – как жаль.
За двадцать лет до моего рожденья.

Александр Грич

Рояль, о котором написал Саша, стоял в гостиной на третьем этаже дома номер 19 (дома Меликова) на Воронцовской – первом в Баку здании готического стиля, выстроенном по проекту Юзефа Гославского, городского архитектора, назначенного на должность в 1892 году, в возрасте 27 лет, и пробывшего в ней до ранней своей смерти в 1904-м; впрочем, за эти двенадцать лет успевшего необычайно много.

Достаточно вспомнить здание мэрии Баку и дворец Тагиева.

А знаменитый офтальмолог, доктор Вячеслав Евгеньевич Иванов, выйдя в отставку полковником, что «по табели о рангах» в системе медицинской службы царской армии предполагало квалификацию ого-го какую, стал практикующим врачом и занял со своей семьей весь третий этаж этого дома. Медицинская одаренность доктора Иванова «передалась» не столько дочерям его, сколько зятю, мужу младшенькой, Людмилы, который тоже стал полковником, но уже Красной (Советской) армии и во время Отечественной войны возглавлял все госпитали Азербайджана и Дагестана. А школьный мой друг Саша-Сашок-Сашка как раз и есть сын Романа Давидовича и Людмилы Вячеславовны, замечательного инженера-нефтепереработчика, автора многих учебников по нефтехимии.

О квартире на третьем этаже дома на Азизбекова, 19, о Людмиле Вячеславовне и Романе Давидовиче, о Славе, Сашином старшем брате, будет еще рассказано. О Саше же – сказано и рассказано гораздо больше, только вот перечислять его неоспоримые и значимые достижения я не стану, достаточно отгуглить «Александр Грич», и все станет ясно. Но без фрагментов его стихов обойтись никак не смогу: друг-сотоварищ по учению и хулиганским проделкам – это одно, а Александр Грич – это совсем другое, это поэт из разряда самых что ни на есть настоящих, во всех строчках неподдельный и ни в одной из них ни под кого и ни под что не подделывающийся. А еще лучше сказала прочитавшая юбилейный сборник Александра Грича поэт Юлия Санина: «Такая простота при такой точности и убедительности требует незаурядного дарования и высочайшего мастерства!»

В школьные наши годы о доме номер 19 на улице Азизбекова, то бишь Воронцовской, как ее по привычке называли мои родители, да и вообще все бакинцы со стажем, я знал только, что в нем живет Саша. «Предыстория» же Саши для меня обрывалась на Людмиле Вячеславовне, дома бывавшей редко, – во всяком случае, лишь в очень немногие из очень частых моих набегов к приятелю я с нею встречался, – и Романе Давидовиче, он, полковник медицинской службы, «попадался» мне еще реже. О деде, тоже полковнике, но армии, о которой часто говорить в те времена не стоило, я не знал ничего. Оно и понятно, бабушки-дедушки детей и подростков интересуют только в смысле «побаловать», а если этого смысла нет, то с какой стати о них вспоминать?... Но был бы тогда проницательнее, задался бы вопросом, почему в коммунальной квартире только одна большая комната у самого входа принадлежит Сашиной семье, однако и это меня в те годы интересовало мало. Впрочем… я сказал «большая»? – нет, огромная комната, и двумя перегородками в ней были выделены спальни: справа – братьев, Славы и Саши; слева – Людмилы Вячеславовны и Романа Давидовича. Так вот, знал бы об офтальмологе Иванове, догадался, что квартира, в которой мне и многим нашим общим с Сашей приятелям было так уютно, расположилась в бывшей приемной-кабинете практикующего врача, а из вместительного парадного холла на внушительную коммунальную кухню вел направо коридор, куда выходили жилые комнаты, в советские времена занятые соседями.

Что ж, жилищная «экспроприация экспроприаторов» по всей необъятной нашей Родине проходила одинаково: их «уплотняли». И если «экспроприаторам» везло не быть расстрелянными, не помереть на принудительных работах или от сыпного тифа, то они оставались жить в бывшей своей квартире, в результате «уплотнения» ставшей, как тогда говорили, «многосемейкой». Но в Баку власти, тем паче по отношению к уважаемым врачам, были милосердны: оставляли для проживания площадь более или менее пристойную; в Северной же Пальмире я видел бывшую квартиру машиниста Николаевской железной дороги *(победившие ленинцы ту прослойку пролетариата, что считалась в силу своей квалификации рабочей аристократией, тоже зачислили в разряд экспроприаторов. Тем паче, что именно ВИКЖЕЛЬ, исполком профсоюза железнодорожников, первым в России сказал большевикам: «Пошли вон!»)*, в которой потомки его занимали самую темную комнату – ту, где когда-то жила имевшаяся у жены машиниста кухарка…

В общем, мечта профессора Преображенского получить такую бумажку, чтобы никакие Швондеры не смогли бы его «уплотнить», для доктора Иванова не осуществилась; так же, как осталась она бесплодной для высококвалифицированных рабочих, которых быстренько прижали к ногтю ударники и ударницы, горластые алкоголики «Стахановы» и «Виноградовы», любимцы и любимицы Сталина. Но вот еще что о квартире на Воронцовской (Азизбекова), 19: среди соседей была Домаша(уменьшительное от популярного на Урале имени Домна), нянчившая, думаю, еще дочерей доктора Иванова, а потом и Славу с Сашей – они на день ее рождения

умиляли старушку песней «Живет у нас Домаша, такая няня наша…», – а еще жила азербайджанская семья, многочисленная, но настолько тихая, что ее присутствие, вполне законное и полноценное, практически не ощущалось, по крайней мере, мною и многими другими шумливыми Сашиными гостями.

Теперь-то я думаю, что соседи эти еще и в пятидесятые-шестидесятые годы остаточно стеснялись своего произошедшего в двадцать четвертом «внедрения» к доктору Иванову, когда у него отобрали гостиную, и рояль, в ней стоящий, пришлось продать… хотя, может быть, столь «тонкий психологизм» мой отдает явной литературщиной. И все же: в Баку уважение «народа» к интеллигенции было искренним, и «комплекс вины» соседям Сашиным вполне мог быть присущ. Кстати, и интеллигенция относилась «к народу» без малейшего высокомерия – во всяком случае, у двери на третьем этаже знаменитого дома в готическом стиле таблички с извещением, какому из жильцов сколько раз звонить, не было, пришедшие просто звонили, а открывал им тот, кто оказывался ближе; чаще всего, в силу расположения комнат, – Саша.

Менялось все вокруг, как век велел,
Нет измененьям счета и предела.
Но дом мой, как ни странно, уцелел,
Когда почти ничто не уцелело.
И, значит, у него свои права
Среди сооружений самых новых:
Ведь память мощных стен его жива,
А тихий поскрип половиц дубовых
Вдруг воскресит забытые шаги,
Иные времена, иную пору…

Александр Грич

Давай, Сашка, представим, будто 13 декабря в этом году приходится на субботу, стало быть, уроков немного, по домам можно чесануть пораньше, а там скинуть надоевшие школьные мундиры, надеть чистые рубашки и, почти бегом, на Азизбекова, 19!

Подарок под мышку – а в этом году он драгоценен: директор книжного магазина в Локбатане, где находится управление треста нефтеразведки, в котором начальствует мой отец, уважил «дорогого Зиновия Марковича» и достал для него в Баку не один, а два экземпляра «Двадцать лет спустя» – ведь Марику, мальчику дорогого Зиновия Марковича (мне, то есть), скоро идти на день рождения к сыну тоже очень достойных родителей (к тебе, Сашок, то есть), чтоб все были здоровы, иншалла!

Касательно содержания «Трех мушкетеров» мы с тобою, Сашок, считались в нашем 4-А классе знатоками высочайшего уровня, но то, что Dumas-Pere, Дюма-отец, азартный погонщик литературных негров, продолжил приключения четверых друзей, их любовниц и детей еще на тридцать лет и четыре толстых тома, мы узнали совсем недавно. Поэтому сразу же после того, как я болтанул, что в охоту за «Двадцать лет спустя» включился неутомимый директор магазина в Локбатане, за нами, Сашок, как ты помнишь, выстроилась очередь на прочтение.

Но я к понедельнику свой экземпляр дочитаю, а ты и твоя ватага пусть краткое, но заметное время будете продолжать передавать книгу друг другу, так что мы раньше и лучше подготовимся к битвам – не в прежних надоевших ролях мушкетеров и гвардейцев кардинала, а в новых: «французы-роялисты vs англичане-парламентаристы».

Черт возьми, Сашка, то ли я сильно копался дома, то ли слишком замедлял шаг, рисуя в воображении, как, сражаясь в качестве французов-роялистов, моя ватага спасает-таки незадачливого слюнтяя Карла Первого, Стюарта; или наоборот, как, став англичанами-парламентаристами, мы сносим головы не только ему, но и всем прочим Стюартам, а затем Оранским, Ганноверским… хорошо еще, что путь мой от Тверской, 52, до Азизбекова, 19, не очень длинен, не то огребли бы неприятности и поныне здравствующие Виндзоры… так вот, до моего появления ты уже успел встретить и Эльдарчика Кримана из дома «Каспара» *(дом Каспийского пароходства, расположенный на набережной – это один из первых в Баку жилых домов советской эпохи)*, и Эминчика Алиева из Дома ученых, и Шурика Тверецкого с Лебединского переулка, а уж Ниязи Мамед-заде, жившему в 6-м Коммунистическом переулке, и Лене Прилипко с Буйнакской до тебя вообще два шага… в общем, пришел я последним. Торжественно вручил том Дюма и включился в увлекательную игру, которая проходила в твоей и Славы спальне. Кровати ваши и письменные столы переместились влево, так что справа образовалась довольно просторная игровая площадка. Над нею с натянутой бечевы свешивалось на нитке небольшое яблоко, выглядевшее до невозможности аппетитно – один бочок был пунцово-румяным, второй же обещал любимую мною сочность и кислинку «белого налива». А требовалось всего ничего: держа руки за спиной, поймать ртом яблочко и надкусить его.

Приключения в Англии д'Артаньяна, графа де ла Фер (Атоса), шевалье дю Валлона (Портоса) и шевалье д'Эрбле (Арамиса), о которых среди всех пацанов знал только я, кружили мне голову и взывали свершить подвиг прямо сейчас и прямо здесь, на Азизбекова, 19…

В общем, понятно, кто из всех нас вызвался быть добровольцем-надкусывателем.

Прикоснуться к плоду губами было легко, а ухватить его так, чтобы зубы успели впиться – зверски трудно, поскольку призывно яркий румянец был обеспечен тонким слоем помады Людмилы Вячеславовны, а белизна «белого налива» – ее же пудрой. Нос мой, в то время еще не «шнобель», но уже обещавший им стать, мои губы и щеки немедленно стали ярко-клоунскими, проклятое яблоко раскачивалось и вертелось на нитке, касаясь лба и бровей – впору было сдаться… но я бросил взгляд на твоих, Сашка, родителей и старшего брата, стоявших чуть в стороне от вас всех, гогочущих, и понял, что они-то за меня болеют и очень хотят, чтобы я как-нибудь выкрутился, справился… Может быть, чуть раскаиваются, что затеяли эту игру, условия которой нашли, наверное, в какой-то брошюре для массовиков-затейников, но понимают, как мне не хочется признавать свое бессилие – и не хотят, очень не хотят, чтобы я оказался бессилен.

И меня осенило.

Остановился…

– Сдается!!! – завопил кто-то из вашей кучки.

– Нет!!! – завопил я в ответ. – Заткнитесь!!!

И обратился к Роману Давидовичу:

– По правилам, я не должен касаться руками яблока, веревки и нитки. Так?

– Так, – подтвердил он.

– Яблока, веревки и нитки... – повторил я, – хорошо…

Достал из кармана брюк носовой платок, – спасибо тебе, умничка мама, что проверила перед моим уходом, есть ли он! – и принялся тщательно вытирать губы, подбородок, нос, зубы...

– Молодец, – звонко сказала Людмила Вячеславовна, – какой молодец!

Но мне мало было одобрения дочери и жены полковника, мне нужно было одобрение настоящего, большого командира.

– Я все делаю правильно? – спросил я у Романа Давидовича.

– Да, – ответил он, – ты все делаешь правильно.

…Два или три раза я пользовался платком, потом, когда уже весь он был в помаде и пудре, а яблоко все не поддавалось, вытерся рукавом рубашки.

Роман Давидович, Людмила Вячеславовна, Слава и все вы молчали. Ждали. Понимали – ведь понимали, Сашка, да? – что я буду вылизывать, обминать губами это чертово яблоко, а потом вытираться не только рукавами, но, если понадобится, самой рубашкой. И брюками, и носками, и майкой, и трусами… что меня нельзя останавливать, что меня невозможно остановить, что я либо сдохну, либо надкушу.

Надкусил. После того, как были полностью загвазданы оба рукава.

Роман Давидович восторженно хлопнул меня по спине… думаю, что для аристократичного, строгого полковника, галантного джентльмена, упоминая которого – точно знаю – закатывали глазки многие Славины сверстницы, это было непривычно пылким проявлением чувств.

А Людмила Вячеславовна и Слава повели меня полутемным коридором в ванную, такую вместительную, что даже две пузатые лампочки под потолком светом ее не заливали.

Они вели меня, как ведут с ринга победившего в тяжелом бою боксера – да от медленно отпускающего напряжения меня и вправду пошатывало, а челюсти от долгого распаха ныли, как от пропущенных хуков слева и справа, – но во рту моем был вкус победы и помады, а в носу щекотало то ли от слез облегчения, то ли от проникшей в него пудры.

– Ничего, ничего, – повторял Слава, – сейчас тебя отмоем, станешь свеженьким. Потом наешься до отвала, как положено победителю, – уж Домаша постарается, чтобы наелся…

И отмыл-таки! И дал надеть какую-то твою, Сашок, рубашку, как сейчас помню, ничуть не менее нарядную, чем была в тот день на тебе.

А мама твоя тем временем взболтала в тазу с горячей водой содержимое двух столовых ложек густого раствора из специальной банки, в которой днями и ночами раскисали настроганные из желто-коричневых брусков полоски хозяйственного мыла… такие банки, наряду с банками окаменевшей каустической соды, стояли у всех хозяек – ведь стиральных порошков и отбеливателей тогда еще в помине не было…

Смешно, наверное, Сашка, слышать нашим детям и внукам, что в 56-м году, когда раскрасневшийся от собственной смелости Никита Хрущев чуть приподнял пропитавшийся кровью занавес, за которым даже зажмурившиеся не могли не увидеть чудовищные горы трупов, истерзанная войной и репрессиями страна не представляла, что стирать можно еще чем-то, кроме раздражающего кожу хозяйственного мыла…

…Когда брат твой вывел меня из ванной, на двух конфорках газовой плиты уже раскалялись огромные утюги – это Людмила Вячеславовна готовилась высушивать и отглаживать мою застиранную рубашку и носовой платок… ведь первые электрические утюги появились в Советской стране только в начале 50-х, спираль в них часто перегорала, нагрузки на сети при пользовании ими были чрезмерными, и пробки вышибало – будь здоров.

Так что долго еще гладили тяжелыми, разогреваемыми на плите утюгами, благо газ в Баку не экономили.

В коридоре, когда шел обратно в комнату, где вы, забыв о моем сражении с яблоком, уплетали за все имеющиеся в наличии щеки, исходящие от праздничного стола запахи встретились в районе моего носа с догнавшими меня ароматами из кухни – вот что было сродни крепкому нокдауну!

А когда вернулся домой, мать удивилась, почему это рубашка на мне странно свежая.

– Неужели ни с кем не боролся, на полу не валялся, ничего на себя не опрокидывал?

– Нет, – старался я уклониться от подробностей.

Не тут-то было, от мамы моей поуклоняешься!

– А чем весь вечер занимался?

– Со Славой разговаривал.

– О чем?!

– О химии. Он на химика учится, как наша Наташа. Только она в Ленинграде, в Техноложке, а он здесь, в АзИИ *(АзИИ – Азербайджанский индустриальный институт; так назывался, – до войны официально, а потом в обиходе, – Азербайджанский институт нефти и химии, деливший славу лучшего нефтяного вуза страны с Московским имени Губкина, в просторечии, «керосинкой»)*.

– Да знаю я все про Славу, только почему ты с Наташей о химии не разговариваешь, когда она на каникулы приезжает?

– Ей что, до меня дело есть, когда она на каникулы приезжает? Даже и не смотрит в мою сторону!

… Еще и наябедничал – мерзавец – на обожающую меня сестру!

Сашок, всю жизнь потом я стремился крепко целовать женщин в ярко накрашенные губы, пусть даже они, экономя косметику и боясь оставить на мне «компрометирующие» следы, не всегда это одобряли…

А меня пьянили не столько поцелуи, сколько воспоминания о яблочно-помадном вкусе победы!

Какие времена неблизкие!..
Десятый класс. Бульвар. Вода.
Но все, что было дальше – присказка,
А сказка кончилась тогда.
Устроенная жизнь законная
Ведет меня. Но как-то, вдруг,
Проснусь от шума заоконного,
Усталый, выйду. Дождь вокруг.

Александр Грич

Нет-нет, Сашок, еще не десятый класс, а только четвертый, и сказка только началась: «В некотором царстве, в некотором государстве…».

А в нашем с тобою государстве царь-тиран был недавно сброшен в преисподнюю, ужас ушел, правда, страх остался, но нас это касалось мало, мы были потрясены другим. Тем, что отменили раздельное – мужское и женское, мальчиковое и девчачье – обучение, и в школе нашей, держась на переменах особняком, девчонки оценивали нас теми пристреливающимися взглядами, которые этот удивительный пол отрабатывает сызмальства, на куклах, что ли? Во время урока не с кем стало играть в «морской бой», поскольку рядом не пацан, такой же раздолбай, как ты сам, а соседка, существо малопонятное, которое если и уговоришь сразиться, то не пихнешь по ходу битвы изо всех сил в бок: «Уснул?! Бей или сдавайся!»

Но кто ж тогда сдавался-то?! Такого не бывало, бились до последнего «одноклеточного», если в «морской бой», до последнего хода, если в шахматы, до последней минуты, если в футбол. А когда сидели за столом у тебя на Азизбекова, 19,

или у меня, на Тверской, 52, или у Эльдарчика в доме «Каспара», то – не бились, конечно, – а взахлеб рассказывали что-нибудь, утрируя и гипертрофируя до накала мюнхгаузенски-тартареновского, пока кто-то не выдерживал… чаще других это был, как ни странно, Шурик Тверецкий, не склонный к художественным преувеличениям, хотя ему-то, сыну балерины и превосходного оперного режиссера, жить в вымысле вроде бы сами гены велели!.. не выдерживал и не опускал на землю: «Ну, ты совсем заврался!»

Но вот и я уселся, наконец, за стол, залпом выпил чашку яблочного (опять яблочного!) ситро, временно ублажил желудок закусками и застыл в ожидании над окутанной паром тарелкой Домашиных пельменей. Настоящих, уральско-сибирских, но с бакинским фаршем из говядины и баранины, слегка сдобренным перцем и сумахом.

Пусть немного остынут, а пока вступлю-ка я в общий треп.

Чем из будущего, ближайшего и далекого, мы поразим одноклассников, Сашка?

В чем признаемся?

Чем похвастаемся?

Давай-ка, начну я с того, как невыносимо жарким бакинским июлем следующего года, оказавшись в Нальчике – ты с папой, я с мамой и приехавшей из Ленинграда сестрой, – мы заприметили безобидного доцента из Москвы, одиноко скучающего в какой-то помпезной здравнице.

Заприметили – и назначили ему быть американским шпионом.

То, почему для длящейся изо дня в день игры нам был необходим именно шпион – очевидно: все возможные вариации на темы «Двадцать лет спустя» были к окончанию учебного года отработаны, да и при обилии действующих в романе лиц исполнителей у нас с тобою в Нальчике было маловато: ты, да я, да мы с тобой…

Бред же, изложенный в недавно прочитанной книжонке под названием «Над Тиссой», стучал в наши сердца сильнее, нежели пепел Клааса – в сердце Тиля Уленшпигеля…

Задание ЦРУ, полученное доцентом, которому мы, не мудрствуя лукаво, присвоили кличку «Магелланус» *(ты, Сашок, чай, забыл, почему именно такую? – напомню: вредоносный Ральф Кларк из «Над Тиссой» имел кличку «Колумбус». По поводу американского имени и фамилии доцента мы с тобою не заморачивались, а вот аналогия «Колумбус» – «Магелланус» напрашивалась сама собою)*, состояло, по нашей версии, в следующем:

– на самой вершине Эльбруса, находящегося неподалеку от славной столицы Кабардино-Балкарии, расположена советская зенитная батарея с новейшими орудиями *(«А можно ли надежнее защитить мирное небо Кавказа от налета американских бомбардировщиков, – мыслили мы, – чем шмалять по ним с самой высокой вершины? Нельзя!» Логически безупречные рассуждения, убедительные, как мне кажется, и для чинов Генштаба!);*

– морально разложившаяся жена замученного боевыми ранениями, а потому утерявшего бдительность командира батареи выкрала из сейфа мужа и сфотографировала схему расположения зениток на вершине Эльбруса и подробнейшие описания систем прицеливания *(чины ЦРУ, – полагали мы великодушно, – не глупее нас и понимают, что без хорошего прицела орудие – это пукалка для салюта)*;

– жена командира батареи должна спуститься с Эльбруса и вручить фотографии Магелланусу, сидящему в одно и то же время на одной и той же скамейке и якобы отдыхающему после променада в нальчикском парке.

Мы, прежде чем прийти к окончательным выводам, все же побеседовали с Магелланусом. Как бы невзначай побеседовали, вроде бы о том, о сем, а он, не распознав в нас опытных контрразведчиков, разоткровенничался. Поведал, в частности, о том, что живет в Нальчике скучно, считает дни до отъезда *(«Встреча с морально разложившейся все ближе!» – обменялись многозначительными взглядами опытные контрразведчики)*, а работает доцентом кафедры оптики и спектроскопии физфака МГУ *(теперь, согласно веяниям времени, в названии кафедры прибавилось «… и физики наносистем»)* . Тут от восторга нас стало распирать. Что такое «спектроскопии», мы не понимали, но оптика! Конечно, оптика!!! Кто, как не специалист по оптике, сможет с первого взгляда понять ход лучей в системе линз и зеркал прицела!

Даже сейчас, спустя шестьдесят с лишним лет, не могу не признать разработанный нами план операции безукоризненным. Мы перекрывали подходы к скамейке с двух сторон аллеи: один из нас прятался в кустах метрах в пяти-шести справа, второй сидел через одну скамейку слева и, как бы не замечая Магеллануса, занимался привычным для бойцов группы захвата делом, то есть задумчиво ковырял в носу. Тот, с кем поравнялась бы женщина в тяжелых альпинистских ботинках (не забудем, она только что спустилась с Эльбруса!) и с бюваром в руках, – типичным бюваром, в котором парковые фотографы носили портреты отдыхающих, соблазненных призывами запечатлеться на фоне романтических горных вершин, – должен был повиснуть на ней с воплем «Милиция!», другой же, с аналогичным воплем, должен был путаться под ногами старающегося сбежать пузатенького Магеллануса.

Этой поимке на месте преступления американских агентов суждено было упоминаться в учебных пособиях всех сысков мира, однако, разомлев от послеполуденного зноя во время одной из засад на скамейке и в кустах, мы чересчур поспешно сглотнули потом по порции пломбира… ангины были недолгими, но после выздоровления Роман Давидович и моя мама не отпускали нас от себя ни на шаг. Доцент же Магелланус, волею случая и наших родителей освободившись от плотной слежки, исчез. Наверное, трусливо укрылся в своем логове на физфаке МГУ.

Вскоре уехали и мы. Попасть на поезд Кисловодск-Баку можно было, лишь отсидев до глубокого вечера на станции Прохладная – отсидели, куда ж денешься. Я спал, привалившись к маме, ты – к Роману Давидовичу, голос женщины-диспетчера громко и грозно принимал и отправлял поезда и составы, рассылал по путям и тупикам маневровые паровозики, а мне сквозь сон мерещилось, будто это Родина-мать укоряет нас за то, что непотребное наше обжорство помешало предотвратить утечку сверхсекретных сведений.

Что ж, уже можно положить в рот первую пельменину…
Потрясающе!
А следом, еще чуть присыпав сверху сумахом, вторую… третью… четвертую…
Уф-ф!

Передохну и расскажу нашим приятелям кое о чем из той поры, когда пубертатность в биохимию наших организмов сперва деликатно вмешивалась, а затем стала уверенно в них хозяйничать.

И первый сюжет – совсем простенький, связанный с тем, что в твоем доме появился комплект пластинок с полной записью оперы «Пиковая дама».

В ней нас наиболее проняла баллада Томского о трех картах, причем тобою тут же было заявлено, что исполнять этот шедевр на той немногочисленной публике, которая согласится нас слушать, будешь именно ты. Я не возражал, говоря, что это справедливо, поскольку у меня уже есть «коронка» – ария «Куда, куда, куда вы удалились…» из «Евгения Онегина», другого гениального творения Петра Ильича Чайковского, но, Сашка, – пора мне в этом признаться, – то была лживая версия.

А вот правдивая: я с удовольствием обменял бы Ленского на Томского, если б понимал, о чем идет речь в ключевом месте баллады:

Граф, выбрав удачно минуту, когда
Покинув украдкой гостей полный зал,
Красавица молча сидела одна,
Влюбленно над ухом ее прошептал
Слова, слаще звуков Моцарта:
«Графиня! Графиня!
Графиня, ценой одного рандеву
Хотите, пожалуй, я вам назову
Три карты, три карты, три карты?»

Потом, как ты помнишь, графиня, вспылив, послала его подальше, однако через день, явившись играть без гроша в кармане:

Она уже знала три карты…
Их смело поставив одну за другой,
Вернула свое… но какою ценой!

(Для меня Петр Ильич Чайковский – один из величайших композиторов в истории человечества, но при этом я не устаю писать и говорить о громадном таланте его брата, Модеста Ильича, тонкого поэта и драматурга, автора либретто «Пиковой дамы» и божественной «Иоланты».)

Так вот, здесь, то есть в тот момент, когда находящаяся на сцене (в Летнем саду) группа слушающих Томского офицеров издает смешок «Ха-ха-ха!», ты всегда делал такое понимающее лицо (уместно даже сказать – блудливое лицо), будто досконально знал, что такого особенного происходило во время рандеву, за какие такие коврижки граф назвал графине заветные «Тройка, семерка, туз», и какую особенную цену «заплатила» за это она – «Venus moskovite», «Венера московская».

«Конечно, – думал я, – ему повезло родиться на полгода раньше меня, и все, что надо, он от родителей или от Славы уже узнал, а теперь, мерзавец, задается и скрытничает. Друг называется!»

Сашка! Так я думал тогда, но сейчас хочу знать точно: ты действительно уже в пятом классе понимал цену всего одного рандеву с московской красавицей?

Или прикидывался, потешаясь в душе над моей доверчивостью?

В зависимости от твоего ответа, я расставлю акценты в своем рассказе так, чтобы приятели наши, сидящие вместе с нами за столом на Азизбекова, 19, посмеялись либо над моей тогдашней глупостью, либо над моим тогдашним невежеством, но уж хотя бы не над тем и другим одновременно…

Нет, Домашенька, не нужно добавки, больше в меня не полезет. Да-да, конечно, перебил аппетит тем чертовым яблоком…

Теперь о том, каким ты в восьмом классе оказался успешным телефонным ухажером – и когда успел этих навыков нахвататься?… или рожден с ними был?

Но я, Сашок, тебе нисколечко не завидовал, в отличие от случая с балладой Томского.

Тем более, что был соучастником успеха – как массажист, разминавший боксера перед боем, как секундант, помогавший ему передохнуть в короткую минуту перерыва между раундами.

Так в чем же был успех?

Ее звали Света Баринова *(Много-много позже, в самом начале 90-х, когда обрушилась казавшаяся нерушимой страна, Светлана Николаевна Баринова, доцент Азербайджанской консерватории имени Узеира Гаджибекова, создала Центр русской культуры, который стал средой духовного комфорта для всех тех, кто хотел, как ни лютовал в те годы Народный фронт, помочь сохранить и развить вековые азербайджанско-русские связи. К счастью, Гейдар и Ильхам Алиевы, Президенты Республики Азербайджан, хотели и хотят того же, Центр, пользуясь их поддержкой, стал влиятельной на Кавказе, в Закавказье и в России некоммерческой общественной организацией, а Светлана бессменно возглавляла его до самой своей безвременной кончины в мае 2013 года.)*, училась она в девятом классе – и тебе улыбнулась.

Я же, стоя в сторонке и наблюдая пристально, воспринял эту улыбку, как овацию, доля которой, – пусть даже крохотная, – предназначена мне.

Покорить сердце красавицы ни ты, ни я, ни мы вместе не рассчитывали (да и что бы с этим завоеванным сердцем делали – Ты? Я? Мы вместе?), поэтому цель ставилась достижимая – заинтересовать красавицу. Телефон ее семьи был в городском справочнике, и вот как-то весною мы пошли ко мне домой – до него от школы было ближе, чем до твоего – и, по молчаливому, но не преступному сговору, ты недрогнувшим пальцем (браво, хладнокровный друг мой!) пять раз прокрутил диск в нужном порядке.

На штабных наших с тобою учениях было решено не представляться, а мистифицировать, поэтому заговорил ты голосом слегка уставшим, как человек, уже отзвонивший всем абонентам справочника из раздела «А» и только что принявшийся за раздел «Б». А вот Света, как мне показалось, была искренне рада оттянуть время приготовления уроков и потому защебетала охотно, высказывая предположения, кто именно из многочисленных жаждущих ее завоевать морочит сейчас ей голову. Тягомотина из ее вопросов «Ты – Тофик? Вася? Намик? Наум? Володя? Рауф? Карен?...» и твоих однотипных ответов: «Нет. Промах. Не угадала…» длилась довольно долго, и Света начинала понимать, что звонит не десятиклассник – что желаемо, не девятиклассник – что приемлемо, а «возомнившая о себе» мелюзга-восьмиклассник, что явное «Фи!»

Но у нас, как сейчас говорится, был план «Б» (совпадение с первой буквой фамилии Светы следует считать случайным), и, согласно ему, ты произнес: «Хочешь, я тебе стихи почитаю? Те, которые в школе не проходят…».

Напоминаю: шел 1960 год. Поэзия собирала полные стадионы, а в Баку недавно приезжала группа московских поэтов, и среди них сам Роберт Рождественский! – конечно, Света ответила «Хочу!»

И я начал работать «переворачивателем нот», вернее, держателем книг перед твоими, Сашок, глазами. Первым последовало киплинговское «Если…». Потом Эмиль Верхарн – заинтересовывать девушку, так заинтересовывать! Потом Леонид Мартынов… потом Борис Слуцкий… потом…

Подобные «общения» продолжались недель пять – Света оказалась жадной слушательницей. Но мы-то стали понимать, что загнали себя в ловушку: запас стихов, способных поразить воображение красавицы, начитанной в рамках обширной тогда школьной программы, стремительно таял, еще чуть-чуть – и пришлось бы перейти на «Наша Таня громко плачет…».

И тогда ты, Сашок, сыграл «ва-банк», задав вопрос:

– Так и не поняла, кто я?

– Вот еще! Давно поняла.

– Кто?

– Не скажу…

Долго вы препирались, потом договорились о способе проверки истинности ее догадки: не далее как завтра, во время большой перемены, она пройдет по коридору третьего этажа и, увидев «того, кого угадала», улыбнется ему так широко, чтобы сомнений не осталось – угадала!

Сдается мне, что шпионские страсти нас с тобою, Сашок, преследовали, и за прошедшие после Нальчика четыре года доцент Магелланус наше подсознание не покинул: назавтра ты встал у срединного окна длинного коридора… я напротив-наискосок… а Света прошла и тебе улыбнулась!

Несомненно, улыбнулась и, несомненно, тебе.

Действительно, широко, но не только.

А еще и ласково, но не только.

А еще и благодарно, но не только.

А еще и прощально, словно говоря: «Ты хороший мальчик, но я-то не девочка-сверстница. Был бы чуть постарше, тогда может быть… А так – не судьба…».

Летом я перешел в другую школу и потом, за все семь лет, пока не окончил университет и не уехал в Воронеж, ни разу ее не видел.

Не довелось…

О чем же, Сашок, еще вспомнить сегодня, собравшись на Азизбекова, 19?

О том, что Домаша, твои и мои родители, Слава, а следом за ними Эминчик, Шурик и Леня истаяли в густом тумане, в который мы с тобою, и Эльдарчик, и Ниязи пока еще – слава Богу! – не ушли и в который я очень не хочу уйти последним из вас?

Нет-нет, лучше о том, что улыбка Светы Бариновой словно бы сделала в истории нашей дружбы запись: «Конец первой главы», а вторая глава – о наших редких встречах – лучше всего описана словами Пушкина, обращенными к Горчакову:

Нам разный путь судьбой назначен строгой;
Ступая в жизнь, мы быстро разошлись:
Но невзначай проселочной дорогой
Мы встретились и братски обнялись.

Но Бог действительно троицу любит, и третья глава наполнилась для меня особым светом!

И я скажу об этом за столом на Азизбекова, 19, а если скептик Шурик Тверецкий засомневается: «Да ладно тебе, все так же любишь преувеличивать, ничего со времен 4-А класса не изменилось!», то расскажу в ответ, как, работая над романом «Шакспер, Shakespeare, Шекспир», никак не мог увидеть тот финал, без которого моя версия ответа на вопрос: «Кто же создавал шедевры Шекспира?» не будет убедительна.

Тут из Лос-Анджелеса в очередной раз позвонил ты, и я попросил:

– Сашка, возьми за основу финальный монолог Актера из «Бури» и сделай его прощальным, пронзительным и светлым! Без этого я роман не вытяну.

Ты спросил только:

– Размер поменять можно?

– Сашка, это будет монолог, который рожден был героями спонтанно. Он тогда, в 1612 году, не лег на бумагу, а исчез, и с той поры в пьесе фигурирует совсем другой вариант.

– Попробую, – ответил ты…

И уже утром на почте моей было ТО САМОЕ, ТО ЕДИНСТВЕННО НУЖНОЕ и ВОЗМОЖНОЕ, прочитав которое, я понял: роман получится!

Услышав это, Шурик станет совсем уже скептичным:

– Ты же математик, какой роман о Шекспире?! Саша – поэт, переводчик с азербайджанского, сценарист и продюсер знаменитого фильма о Гейдаре Алиеве, причем тут финальный монолог из шекспировской «Бури»?! Ты, Марик, совсем заврался!

И тогда я прочту это написанное тобою:

Я отрекся от магии и перестал доверять чудесам,
И теперь я умею лишь то, что умею я сам.
Затихает на сцене придуманных лиц беготня…
Я завишу от вас, кто из зала глядит на меня.
Улыбнется ли враг мне, ответит предательством друг –
Все зависит от вас, ваших добрых отзывчивых рук:
Либо в зале молчанье, скучающие голоса,
Либо рукоплесканья наполнят мои паруса,
И корабль, воспарив, понесется к рассвету из тьмы, –
Нет без этого смысла в игре, что представили мы,
Чтобы вас позабавить… Я истины преподносил,
Не жалея уменья и голоса, воли и сил.
Только где же искусству предел, а желаньям – венец?
Если вы равнодушны – то, значит, актерам – конец.
Значит, мы не пленили ваш слух, не прельстили ваш глаз.
Значит, был ни к чему наш бесхитростный долгий рассказ…
Видно, только моление, только молитва одна
Искупить помогает грехи, очищает до дна.
Так помолимся вместе, об общей вине погрустим
И давайте друг друга навеки поймем и простим.
Чтобы каждый, оставшись один, этот миг вспоминал…
Милосердными будем друг к другу!
И это – финал.

И тогда поверят все, а Шурик, всегда самый трезвый из всех нас, напомнит тебе:

– Твой день рождения – самый первый…

И это так, Сашок, старшой ты наш!
А потому не забудь: 8 мая – ко мне, на Тверскую, 52.
28 июля – к Эльдарчику, в дом «Каспара».
13 августа – к Ниязи, в 6-й Коммунистический переулок.
То-то повеселимся, Бог даст!
Гот вен гебн!
Иншалла!

Сашок, с днем рождения! Соля.

Поздравляем нашего коллегу: журналиста, поэта, барда, вот уже 20 лет главного редактора пензенского литературного журнала «Сура» Бориса Шигина с 70-летием!

БОРИС ШИГИН

Россия

* * *

В парке заснеженном стынут слова.
Ты им не веришь, и я им не верю.
Съела метель половину ствола
Каждого дерева. Только к апрелю

Черными-черными станут стволы,
Белыми-белыми помыслы станут.
Снежные горы, как будто волы,
Зиму утащат в холодные страны.

Теплым словам я поверить готов,
Взглядам горячим любовь обещаю...
Но у обросших зеленых стволов
Вновь почему-то тебя не встречаю

* * *

Прости за то, что раньше я родился
И старше вдвое.
За то, что петь пока не разучился:
Уж так я скроен.

Прости за то, что именем твоим я
Строку украсил.
Что дал дождям осенним это имя, –
Стал дождь прекрасен.

Но ляжет снег, остынет сердце, стихнет,
Как бунт метели.
И кто-то тихо спросит: что же стих вы
Свой не допели?

Да, не допел... но песня будет петься:
Не мной, тобою!
А как же сердце? Станет мое сердце
Твоей звездою.

* * *

Ветер дунул, ветер грянул,
Листья – наземь. Холода.
Старый дуб – и тот, как пьяный,
Так куда уж нам, куда?

Пропадём ли, устоим ли
В этой страшной кутерьме?
Стонут листья, нам бы с ними,
Нам бы к ним — тебе и мне.

Их так много, им не страшно:
На миру и смерть красна...
Да куда уж в ряд калашный
После горького вина?

Жил я волком-одиночкой,
Так и сгину, не ищи.
Не ходи к оврагу ночью,
Не аукай, не свищи.

Сядь к окошку, песню вспомни,
До утра не жги огня...
Голос старенькой гармони
Всё расскажет про меня.

* * *

Когда я в лес вхожу и нахожу вдруг клад
Лесного озера, меняется расклад
Привычных представлений: царь природы?
Помилуйте, слабее мы невзгоды,
И уж никак, поверьте, не цари.
Лежит на серебре воды зари
Вечерней пышная порфира.
Лист иван-чая – мягче кашемира...

И думаешь: кто ж царь земной, кто Бог?

Я человек? Меня упорней дятел,
Быстрее водорезка, крот смелей.
Сильнее ветер, шепчущий: приятель,
Природа – царь! А ты лишь раб при ней.

Не суетись, не пыжься, не старайся
Всё изменить, но изменяйся сам.
Не сильным, слабым в ноги покланяйся,
Молись не пилорамам, а лесам.

И кровь уймется, и воскреснет разум,
Душа излечится, окрепнет дух.
И медленно, как прежде, раз за разом
Вернемся к мысли, что земля, как пух,

Должна быть матерью и нам, пока живущим.
Иначе все не так, и все не впрок...
Спасибо вам, врачи хопровской пущи,
Навек усвою мудрый ваш урок.

*** * ***

Не заглядывай в рот мне, Харон, –
Там ведь песня пока, не монета!
Вот когда она будет допета,
Жизнь свою позабуду, как сон.

Поплыву в твоей лодке, старик,
Разрезая подземные воды.
И увижу: иные народы
Населяют иной материк.

Заживу по законам иным.
Что в цене там – пока что не знаю.
Что отдам тому новому краю
Чем горды того мира сыны?

Только все ж попрошу у Богов,
Одного мне бы очень хотелось
Жизнь забудется, песня бы пелась
У зеленых земных берегов!

*** * ***

За озером – березовая роща,
Утиных стаек метки на воде.
Без этой дали было бы мне проще
Определить познания предел.

Но есть она: то тихая, немая,
То давящая гулом облаков,
Манящая веселой краской мая,
Пугающая отблеском оков...

Уж первый лед грозит прибрежным травам,
Меняя жизнь движения на сны.
Шумел камыш — отобранное право...
(Гуманно, впрочем, только до весны.)

Но именно по этим странным звукам
Сверяю я родившийся мотив.
Вот стонет ощенившаяся сука,
Вот врет сорока, хвост позолотив.

Вздыхает озеро, и тихо шепчет роща,
Огонь на строгость линий променяв...
И дней осенних непонятный росчерк
Вдруг ясной песней льется из меня.

Романс

Когда снега обрушатся на город,
Когда дорожкой прежней не пройти,
Я вспомню, что давно уже не молод,
И нет в помине легкого пути.
Ах, как сладка болезнь любви последней,
И, как снега слепые, тяжела.
Мне пела про неё метель намедни:
Жила-была, жила-была, была...

Давно пожары осени потухли.
Снега искрятся, властвуют снега!
Но хочется к весне готовить туфли
И открывать иные берега.
Твердить бинтам-дорогам, что посредник
И врач не нужен, коли боль мила...
Мне пела про неё метель намедни:
Жила-была, жила-была, была...

Как хочется любви лелеять имя:
Как сон ребёнка, сладкий, вещий сон.
Ах, милая, улыбками твоими
Я нынче, как снегами, занесён!
И будь что будет, если в вечер летний
Любовь вдруг скрутит снеговая мгла.
Мне пела про неё метель намедни:
Жила-была, жила-была, была...

Судьба поэта

От чего так случается, право:
На любого найдется управа,
Успокоится всяк под уздой.
Убедится живой или мертвый:
Жить придется и с Богом, и с чертом.
Вот таков и поэт молодой.

Он уже с малолетства, с пеленок,
В Бога верит и все же – чертенок.
С чертом пьянствует, но до поры.
То смиренный монах, то раскольник,
То буян, то прилежен, как школьник.
Превращенья ему – как дары.

Лишь одно невозможно поэтам:
Кухенрейтеровским пистолетом,
Угрожая смертельно, шутить.
И свой путь и судьбу выбирая,
Умирают поэты, играя, –
Ну не с чертом же вечно дружить!

* * *

Мы были худы и беспечны,
Судьбу целовали в засос.
При этом не знали, что вечны,
Что «жизнь или смерть» – не вопрос

Мы жили, как будто любили:
Еще, и еще, и еще...
За сны не цепляясь, мы в были
Вгрызались упрямым клещом.

Ах, это прошедшее время –
Грамматика небытия!
Опору твою, словно стремя,
Ищу, но не чувствую я.

Любовь – улетевшая птица.
Мечты – только «дом на песке»...
И все же хочу поклониться
Годам, что прошли не в тоске!

Безумствам, бессоннице – бесам,
Укравшим когда-то покой.
Пред тем, как покоям небесным
Махну ослабевшей рукой.

* * *

Умерший друг, ты помнишь ли меня?
Я так хочу поговорить с тобою.
Прошу тебя, не будь слепой водою:
Не загаси прибрежного огня.

Умерший друг, я в памяти храню
Все наши встречи: праздники и войны.
Не правда ли, мы были их достойны,
Я верен их прекрасному огню.

Умерший друг, но веришь ли ты мне?
Не станут *Там* мои слова смешными?
Ведь ты теперь с собратьями иными.
Что делать мне, горящему в огне?

Умерший друг, пусть спит твой верный конь,
Не торопись во сне ко мне с ответом.
Пожалуй, нет нужды теперь и в этом:
В груди моей кончается огонь!

Я остываю, прошлое браня:
Я не успел поговорить с тобою!
И Лета жрет уже своей водою
Остатки догоревшего огня...

Умерший друг, ты узнаешь меня

Протуберанцы

**Снова солнце в неистовом танце.
Раз в одиннадцать лет с колен
Поднимаются протуберанцы –
Предсказатели перемен.**

**Загрустили и папарацци –
Бизнес солнечный ветер снес.
Ослепляют протуберанцы
Ярче всяких эстрадных звезд.**

**Кто они? И кому посланцы
Принесут в этот раз успех?
Ведь известно: протуберанцы –
Благоденствие не для всех.**

**Кто-то в скалах отыщет сланцы,
Кто-то вниз упадет со скал.
Вы – улыбка, протуберанцы,
Солнца? Или его оскал?**

**Что мы знаем – как в школьном ранце,
Знаний наших – увы и ах!
О, великие протуберанцы,
Сейте доброе в головах!
Снова солнце в неистовом танце,
Вновь сердца наши обожжены.
Мы на танец протуберанцев
Приглашены!**

***

**Я созрел. Я хочу свою книгу издать
и не буду от вас своих планов скрывать:
пусть узнает весь мир о пиите!
Дивиденды меня успокоят вполне,
впрочем, речь не совсем о высокой цене –
о бесценности, если хотите.
Есть мечта и существенный ориентир:
я хочу, чтоб её зачитали до дыр,
чтоб вином заливали и кофе.
Пусть какой-нибудь юный филолог-студент,
получив её от президента в презент,
не узнает мой старческий профиль.
Чтоб на полочке было её не найти,
чтоб она, как и я, пребывала в пути,
лоск и цвет, и страницы теряя.
Чтоб в больничной палате лежала с тобой
и с солдатом, когда протрубили отбой.**

Чтоб читали её, поверяя
каждый вздох или выбранный путь... Если б так!
Не сломались бы только перо и верстак,
не текла бы дырявая крыша.
Чтоб издатель поверил, редактор простил,
чтобы Бог милосердный грехи отпустил,
и мой сборник таким бы и вышел.
Остаётся не много, совсем пустячок:
сон и праздность повесить на дальний крючок
да отдать своё сердце страницам.
Пусть с подтёками крови, с ожогами глаз
долетят они всё же когда-то до вас,
как на волю попавшие птицы.

Новый ковчег

Смыкает веки век –
Готовьте пятаки.
Запомним этот взгляд –
Воинственный и нежный.
Жаль, нет длиннее рек
Молитвенной строки,
Чтобы пропеть подряд
Ее сто раз прилежно.

Двадцатый, мой родной,
Неласковый отец,
За что ты нас любил,
За что лупил нещадно?
Я, как прилежный Ной,
Как скряга и купец,
Возьму все, что скопил,
С собой в век новый. Ладно?

Смыкает веки век,
Но не дает ответ.
Не хочет отдавать, –
Я чувствую спиною, –
Ни боль сибирских рек,
Ни золото монет,
Лишь просит прочитать
Еще разок про Ноя.

Ну что же, перечту
Библейские стихи,
Перекрещу очаг
Последнего ночлега.
Смыкает веки век –
Готовьте пятаки
И мирный белый флаг
Для Нового ковчега.

Помни о Сократе

**Ты смертельную принял
цикуту от судей афинских –
Но не тебе, а себе
смерть обрели они в ней.**

**Ах, как беспечно дни текут
В страданьях и гульбе.
И вот уже несут цикуту
Не внявшие тебе.**

**Понявшие тебя молчат,
И белый флаг в руках.
У них еще сильнее яд:
Предательство и страх.**

**И кто опасней для тебя –
Те, кто замки замкнут,
Иль те, кто, вроде бы щадя,
Уже несут цикуту?**

**Что делать? Пей – коль не поешь
Ты песни, что нужны
Тем, у кого в кармане нож
Почти для всей страны...**

**Проходят дни. Века текут.
Надежда так бледна...
Несут цикуту, несут цикуту...
И чаша та – без дна!**

Размышления в канун юбилея

**Я жил не так, старик, не так:
мог провести меня простак,
сосед обворовать.
Я слишком верил в чудеса,
в героев сказочный десант –
спасительную рать.
Случайных женщин ублажал,
не видя их змеиных жал,
что дремлют меж цветов.
А материнскую ладонь
вдруг отводил – меня не тронь...
Вот глупость мужиков.
Я был, как вешняя вода,
до тридцати не вил гнезда
и в сорок был старик.
А в пятьдесят вновь молод был
и вновь обрёл любовь и тыл,
влюбившись в детский крик...**

Я жил не так, старик, не так:
я поздно понял, что верстак
важнее сцены, да!
Что есть перрон и есть вагон,
вокзал, буфет… Но перегон
лишь любят поезда.
Дорога – вот, что, друг мой, есть,
дорога – вот затишью месть,
и лени, и гульбе!
Дорога – мой тяжёлый крест.
Дорога – тяга к смене мест…
И долгий путь к Тебе.

Я жил не так, старик, не так,
я часто пятился, как рак,
в уныние и грусть.
И сомневался: буду ль в срок
у цели, выучу урок
и в жизни разберусь?
Частенько думал: опоздал…
Но грех роптать, Господь всем дал
по силам свой завет.
И значит, жил я так, как мог,
и верю – так управил Бог,
иной дороги нет.

Кто скажет мне, что жил не так –
друг, недруг, женщина, простак?
Притихну, не дыша,
чтобы услышать приговор.
Жил… И живу – не жлоб, не вор…
Так, как велит Душа!

ШИГИН Борис Владиленович (род. 24.12.1952) – журналист, поэт, бард, главный редактор пензенского литературного журнала «Сура», Заслуженный работник культуры РФ. Автор поэтических сборников «Моим друзьям»(1992), «Запечатлеть движения души»(1995), «Девятый возраст» (1997), «Новый ковчег»(2000), «Стихотворения и песни»(2002), «Пока решает третья Парка»(2007), «Я двух женщин люблю»(2007), «По алфавиту» (2017). Стихи Шигина публиковались в российских литературных журналах «Москва», «Подъём», «Волга XXI век», «Русское эхо», «Странник», «День и ночь», а так же в Германии, Израиле, США. Автор песенных альбомов, вышедших на CD: «Мелодия души», «Пока горят костры», «Зазимье», «Не печалься», «По алфавиту». С 2003 г. Б.В. Шигин – главный редактор Пензенского литературного журнала «Сура». Сегодня в журнале публикуются авторы из десятка стран и пятидесяти регионов России. В 2014 году редакция была удостоена Премии им. М.Ю. Лермонтова за сборник статей о жизни и творчестве М.Ю. Лермонтова «Под Лермонтовской звездой».

ЕЛЕНА АНДРЕЕВА

Р А С С К А З Ы

Кое-что о союзе прозы и кино

Постоянный автор журнала «Литературный Азербайджан», бакинка Елена Андреева вначале была известна как поэтесса; в журнале и межавторских сборниках, выпускаемых различными творческими объединениями, печатались ее стихи. Но очень часто поэты стремятся писать и прозу; Елена в этом плане не стала исключением. Литературная судьба сложилась таким образом, что первый же опыт Елены Андреевой в прозе, небольшой рассказ «Алло, это я!», написанный ею летом 2003 года, привлек внимание азербайджанских кинематографистов. И в 2013 году на студии «Дебют» (при «Азербайджанфильме») был снят короткометражный художественный фильм «Allo, bu mənəm!» (режиссер-постановщик – Нона Музаффарова, художественный руководитель картины – народный артист Азербайджана Эльдар Кулиев, оператор-постановщик – Али Султанов, в фильме заняты актеры Сонаханум Микаилова, Аббас Гяхраманов, Мятанат Аббаслы и Рафиз Мехтизаде). Сценарий короткометражки был написан самой Еленой. После премьеры фильма у Ноны Музаффаровой, режиссера, журналисты часто спрашивали, почему она выбрала для своего режиссерского дебюта именно этот рассказ. «В нем мистика сочетается с комедийной ситуацией, что бывает не часто. Кроме того, что немаловажно, описанная история происходит в Баку, а в нашем городе возможны всякие чудеса», – отвечала Нона.

Елене Андреевой кто-то из журналистов заявил, что она написала-де «учебное пособие по квартирным кражам». Елена посоветовала не видеть в ее рассказе пособие по проникновению в чужие квартиры, точно как не видеть в «Преступлении и наказании» Достоевского пособие по убийству старушек топором… Еще писательница отметила, что в фильме воришка получился более обаятельным, чем в рассказе, но это совершенно не испортило истории.

Короткометражная лента «Allo, bu mənəm!» была показана за рубежом и удостоилась ряда премий.

Предлагаем вниманию читателей рассказ, послуживший основой для сценария одноименного фильма.

АЛЛО, ЭТО Я!

«…Ну вот, все уже перестирано, и не так это страшно, как казалось… Хотя конечно, устала здорово, зато есть работа, пусть даже такая…»

Наргиз посмотрела на шесть верёвок, протянутых между двумя противоположными верандами-балконами. Верёвки были плотно увешаны выстиранным бельём. Потом Наргиз перевела взгляд на свой сломанный ноготь.

«Ничего, приду домой – приведу себя в порядок, – подумала она. – Осталось только наволочку повесить».

Она с силой потянула верёвку на себя, едва найдя свободное место. И в это самое мгновение на кухне зазвонил телефон.

«Не иначе, хозяева звонят, – решила Наргиз. – Известное дело – первый день работы».

Она наспех пришпилила наволочку к веревке и бегом направилась на кухню.

– Алло?..

– Я, конечно, очень извиняюсь, – сказал голос в трубке, – но тут такое дело… Вы не могли бы как-нибудь подвинуть…

– Я всё поняла, – затараторила совестливая Наргиз. – Вы знаете, такая огромная стирка, что мне пришлось все верёвки занять, но если вам так срочно, я попытаюсь освободить крайнюю... (она решила, что это звонит сосед с противоположного балкона, возмущенный столь бесстыдной оккупацией бельевых веревок).

– В этом нет необходимости, – сказал голос. – Я все равно не умею прыгать по верёвкам, тем более в моем нынешнем положении. Вы так прижали меня к барьеру, что никакому, даже самому сильному ветру меня не сорвать. Я как подумаю, что мне придётся висеть вот так вот три дня, до следующего вашего прихода!.. Ведь эти молодожёны, у которых вы сейчас работаете, сами даже пальцем не пошевелят, чтобы снять свои же шмотки…

– Я извиняюсь, но не могли бы вы сказать, с кем я говорю? – спросила сбитая с толку Наргиз.

– Да, конечно, это я могу. Я – свитер.

– Кто? – пролепетала Наргиз.

– Ну, свитер, свитерок, джемпер, – раздражённо сказал голос в трубке. – Можно – пуловер, если хотите. Вы не могли бы верёвку, на которой я вишу, отодвинуть чуть вперёд, чтобы я мог хотя бы рукав выдернуть из бельевого ролика?

Совершенно обалдевшая Наргиз механически взглянула в окно кухни. Свитер действительно висел у противоположного балкона и действительно был вплотную прижат к перилам, и один рукав его был зажат бельевым роликом.

– Ну что, убедились? – осведомился голос в трубке, которую Наргиз продолжала держать у уха. – Ну вот, я машу вам свободным рукавом (в это самое мгновение рукав и вправду зашевелился – от ветра… или как?..) – Ну, так что же?

В глазах у Наргиз потемнело, и женщина мягко осела на пол в глубоком обмороке. Она не слышала даже, как в замок входной двери стали тыкать ключом – это пришла мать хозяйки.

– Вай-вай! О, Аллах!

По кухне металась маленькая пожилая женщина, зашедшая в дом своей дочери по делу и обнаружившая новую домработницу, лежащую без чувств посреди кухни. Женщина суетливо искала в аптечке нашатырный спирт, причитая при этом:

– Ай, Аллах, и зачем только фирма принимает на работу такую больную женщину, у которой даже элементарная стирка вызывает сердечный приступ! Бедняжка, она, наверное, хотела вызвать «скорую», но не успела…

Вернувшись на кухню со склянкой, женщина подобрала повисшую трубку и по укоренившейся привычке положила ее на рычаг – на секунду, чтобы тут же снять её и набрать номер «скорой». Но она ничего не успела набрать, потому что телефон тут же зазвонил. Женщина сорвала трубку и поднесла к уху:

– Да!

– Слушайте меня внимательно, – заговорил в трубке гнусавый, растягивающий слова голос. – Вы стоите на кухне?

– Да, – растерянно ответила женщина.

– Посмотрите, пожалуйста, в окно. Вы видите среднюю верёвку, на которой висят шесть простыней и наволочка?

– Вижу, да, – ответила женщина, скосив глаза на валяющуюся в обмороке домработницу. – Ну и что? Говорите быстрей.

– Так вот, в конце всей этой вереницы вишу я. Я вас очень прошу, помогите мне выбраться.

– Да кто вы? – ошарашенно спросила женщина.

– Я маленький зеленый свитерок, который совсем задохнулся. Я уже просил о помощи вашу домработницу, но она куда-то подевалась, а вы всё-таки женщина взрослая, солидная, надеюсь, вы мне поможете, а то я совсем замучился тут висеть в такой позе, вниз головой, да еще и в закрученном состоянии, умоляю, помогите, передвиньте верёвку! Вы меня видите? Ну, вот я машу вам рукавом, видите?

Хлоп! Женщина выпустила из руки трубку и боком рухнула на пол, рядом с бесчувственной домработницей. Как снаружи в дверной замок вставили ключ – она уже не слышала.

… А это пришёл молодой человек, хозяин этой квартиры. День не складывался у него с самого утра. Он явился в свой офис с головной болью, которая становилась всё сильнее и сильнее, да ещё подскочила температура и запершило в носоглотке. Пришлось поведать о своем недомогании шефу. «Что ж, – сказал шеф, душевный, в общем-то, человек. – На сегодня вы свободны. Идите, лечитесь». В его тоне ощущалась, тем не менее, скрытая досада. Надо же, как бы говорил шеф, заболеть гриппом в самом начале лета, да ещё и в первый месяц работы… И незадачливый сотрудник поплёлся домой, шатаясь от порывов ветра.

Молодой человек – которого, кстати, звали Акифом, – отпер дверь квартиры не без труда. Перед глазами у него всё плыло. Он нашёл в аптечке импортный аспирин и, разрывая упаковку, пошел на кухню запить таблетку стаканом воды.

На пороге кухни он застыл, как вкопанный, вытаращив глаза. На полу лежали без сознания две женщины, в одной из которых он признал свою тёщу, вторая же была совершенно ему не знакома. Со столика свисала на крученом шнуре телефонная трубка, из которой доносились слабые отбойные гудки. Совершенно машинально Акиф нагнулся (в глазах немедленно потемнело) и, подняв трубку, уложил её на рычаг.

«Да, в «скорую» же надо позвонить», – спохватился он и потянулся пальцем к диску, но тут телефон зазвонил.

– Алло, – сказал хозяин дома, сняв трубку.

– Наконец-то я вижу перед собой мужчину, – проскрипел в трубке старческий голос. – Надеюсь, мы поймем друг друга, коллега.

«Ненормальный», – мелькнуло в голове у Акифа.

– Нельзя ли ближе к делу? – нетерпеливо сказал он. Чувствуя себя отвратительно, он присел, пытаясь нащупать пульс у тёщи. – Что вам нужно? Кто вы вообще такой?

– Да-да, конечно…Посмотрите-ка в окно. Видите среднюю верёвку с простынями? Их ряд завершаю я. Позвольте представиться – свитер. Уже полчаса я вишу в такой неприличной позе, мало того, что вниз головой, так меня еще наполовину защемили в бельевом ролике!.. Вот я, вот, машу вам свободным рукавом, видите?

Акиф посмотрел в окно, и его зашатало. На верёвке у противоположного балкона висел наполовину ущемлённый зеленый свитер и махал рукавом. В глазах у Акифа поплыло, он сильно закашлялся и в довершение всего оглушительно чихнул.

– О, да вы совсем больны, – сочувствующе сказал старческий голос. – Будьте здоровы. Моя хозяйка тоже часто болела гриппом, думая обойтись без меня… Я был у неё самым модным – до тех пор, пока не вышел из моды…

– Послушайте, мне нет сейчас дела до вашей хозяйки, – нервно сказал Акиф. – Да и до вас тоже. Мне срочно надо вызвать «скорую», прощайте…

– Секундочку, – заскрипел голос. – Понимаю вас. Это все из-за тех дам, что лежат у ваших ног. Какая неприятность! Я лишь всего-навсего попросил их о помощи. Но вы-то мужчина, у вас нервы должны быть покрепче. Я надеюсь, вы-то поможете маленькому бедному свитеру…

– Какому еще Свитеру? – закричал Акиф, цепляясь за остатки здравого смысла. – А, так вы тот самый Свитер, из еврейской общины, который поселился над нами и заблокировал наш телефон? Вот я сейчас поднимусь и намылю вам шею!.. – он закашлялся.

– Не надо мылить мне шею, – возмутился голос. – Она у меня абсолютно чистая. Я уже неделю, как чистый, и высохший к тому же. Вишу здесь, всеми позабытый. У меня к вам единственная просьба – снимите меня, я больше не могу, я задыхаюсь!..

«Не-ет, это не просто грипп, это похоже на ту самую… атипичную пневмонию, о которой сейчас все говорят. Где же я мог ее подцепить? Неужели от того китайца, с которым мы заключали контракт на прошлой неделе?..»

– Слушайте, – с трудом сказал Акиф, чувствуя, как сознание ускользает от него. – Слушайте, свитер, а как вы мне звоните-то?

– А хозяйка забыла в моем кармане мобильник, – объяснил голос. – Та ещё растяпа… Вот я и звоню. Умоляю, помогите!

Секунду спустя Акиф занял место на полу между двумя лежащими дамами и порогом кухни. Он был без сознания.

Дверь спальни осторожно приоткрылась, и из нее бесшумно выскользнул молодой вор-домушник с туго набитой спортивной сумкой через плечо и в тонких кожаных перчатках. Он чуть было не погорел на этом «деле». Нет, вначале все шло гладко. Вору удалось благополучно спуститься с крыши дома на балкон по альпинистскому тросу (благо, этаж был последний, девятый), отомкнуть входную дверь… Однако пожива была негустой – видеомагнитофон, кольцо с изумрудом, телефонный аппарат «Панасоник», несколько золотых украшений, кожаное пальто – да плюс к тому его чуть не застукали! И, главное, косяком, косяком, один за другим… Но выдумка удалась на славу. Вор глянул на телефон, стоящий на кухне, и хихикнул. Хорошо ещё, что он успел запомнить написанный на табличке номер и из спальни, из шкафа, стал названивать со своего мобильника от имени якобы свитера. Тем более, что в окно спальни он отлично видел все верёвки с бельем. И уложил всех троих… Хорошая вещь фантазия! Пора, пора рвать когти, пока кто-нибудь из этих троих не очнулся. Или пока не принесло кого-нибудь четвёртого. Вор выскользнул на лестничную площадку… и вздрогнул от сигнала собственного мобильного телефона, заигравшего моцартовскую мелодию. Домушник мгновенно отключил музыку и молча поднес мобильник к виску.

– Эй, ты, салага! – сказал грубый голос из телефона. – Актёришка задрипанный! Неужели и ты мне не поможешь? Что ж, я так и останусь висеть тут до скончания века? Эй, ты!..

Вор в панике швырнул мобильник в разбитое окно на лестничной площадке и стремглав ринулся вниз по ступенькам с девятого этажа, напрочь позабыв о существовании лифта – подальше, подальше от своей собственной выдумки, непонятным образом воплотившейся в реальность.

ПИЦЦА И БЕТХОВЕН

12 – 14 января этого года в Нью-Йорке (США) прошел кинофестиваль «Bronx World Cinema». Азербайджан был представлен на нем короткометражным фильмом «Eliza» («Элиза»), снятым на студии Debut молодым режиссером Мезаиром Гашимовым (художественный руководитель картины – народный артист Азербайджана Эльдар Кулиев). Оператор фильма – Юрий Варновский, ассистент режиссера – Джабир Гаджиев, монтажер – Эльшан Багиров. Роли в фильме исполняют Дениз Таджаддин, Тогрул Рза и Хиджран Насирова.

Сценарий короткометражки написала Елена Андреева на базе своей новеллы «Пицца и Бетховен».

Добавим, что фильм «Eliza» был также представлен на Международном молодежном фестивале короткометражного кино «Новый горизонт» в Воронеже (Россия) в апреле этого года; также фильм был представлен на Турецком фестивале «Avvalik» и международном фестивале «Видение» в Кемерове и, кроме того, попал в конкурсную программу ежегодного кинофестиваля студенческих и дебютных фильмов «Святая Анна».

Предлагаем вашему вниманию рассказ, послуживший основой для сценария.

Кто бы это мог быть?.. Тамилла так удобно улеглась на диване с романом в руках, при этом она еще и поставила диск со своим любимым Бетховеном (она была из тех натур, которые на дух не переносят попсу)... А тут вдруг этот неожиданный звонок в дверь! Тамилла нехотя поднялась с дивана, отложила книгу, подошла к двери и посмотрела в «глазок».

За дверью стоял молодой человек в униформе и в бейсболке с какой-то надписью. «Опять какую-нибудь рекламу разносят», – подумала Тамилла, а вслух произнесла:

– Вам кого?

– Вас, – коротко и просто ответил парень.

– Может, вы еще и знаете, как меня зовут? – возмутилась Тамилла.

– А это нетрудно проверить, – парень полез в карман форменной куртки, вынул какую-то бумажку и прочел ее адрес и ее имя. И то, и другое совпадало.

Тамилла осторожно приоткрыла дверь.

– Пиццу заказывали? – парень выставил перед собой картонную квадратную коробку.

– Какую еще пиццу? – удивилась Тамилла. – Нет, не заказывала. Я вообще-то на диете.

– С сыром, грибами и оливками, – уточнил парень.

– С сыром, грибами и оливками, – повторила, как эхо, Тамилла и непроизвольно облизнулась. – Здесь какая-то чудовищная ошибка! – спохватилась она.

– В чем заключается ошибка? – не понял парень.

– Грибы в сочетании с оливками.

– Согласен, слишком приторно. Но оливки можно выковырять и потом съесть отдельно.

– Вы что, разыгрываете меня? – смутилась девушка. – Правда, я никакой пиццы не заказывала. Это ошибка.

Парень еще раз перечитал бумажку. Никакой ошибки не было, и адрес, и имя совпадали.

– А знаете что?.. – с таинственным видом сказала Тамилла.

– Что? – спросил парень, непроизвольно понижая голос до шепота.

– Съешьте эту пиццу сами, за мое здоровье!

– Охотно, – вздохнул парень. – А то целыми днями бегаю, поесть толком некогда.

– Вот и отлично! – Тамилла изобразила радость и попыталась закрыть дверь.

– Э, постойте, а чай? – сказал парень, деликатно придержав дверь. – Вы же не хотите, чтобы я подавился пиццей и умер прямо у вас на пороге!

– Прямо на пороге – не хочу, – оторопело сказала девушка. – Но теперь я точно знаю, что от скромности вы не помрете...

Молодой человек счелпосчитал эти слова за приглашение и вошел в прихожую. Снял бейсболку, снял туфли и в одних носках прошел на кухню, поставил коробку на столик. Тамилла, насупившись, следовала за ним.

– Наконец-то я дождался горячего чая, – с радостью сказал парень. – А то на улице с утра дождик все моросит и моросит, и на душе как-то тоскливо...

Тамилла молча зажгла конфорку и поставила на огонь чайник, вынула из шкафа большую чашку с нарисованными на ней бабочками. А разносчик взял ломоть пиццы и откусил от нее большой кусок.

– Неблагодарная у меня работа, – сообщил он, усердно жуя. – И чая никто не предложит. Кроме вас вот...

Он болтал, жадно поглощая пиццу, а Тамилла думала о том, кому понадобилось сделать ей такой сомнительный сюрприз. Она жила с теткой, и тетке было хорошо известно, что племянница вот уже неделю как питается одними лишь овощными салатами и йогуртом. Еще у Тамиллы были три подружки, но ни одна из них не способна даже додуматься до того, чтобы накормить ее такими деликатесами, как грибы, маслины, да еще и сыр...

– Скучная у меня работенка, – пожаловался разносчик, уплетая очередной кусок.

– Развлекать я вас не собираюсь, – отрезала Тамилла. – И потом, хватит уже есть на моих глазах! Оставьте мне хотя бы кусочек моей же пиццы!

– Пожалуйста, – спохватился парень. – Пожалуйста... Но вы же сами сказали, что на диете...

Тамилла решительно положила в рот последний кусок пиццы и отхлебнула горячего чая из чашки, приготовленной для разносчика. И зажмурилась от удовольствия.

– А можно вас кое-о чем попросить? – робко произнес молодой человек.

– Еще чаю? – ядовито предположила Тамилла.

– Это само собой, но я о другом... Я заметил, у вас в гостиной стоит рояль... Судя по вашим очень музыкальным пальцам, вы должны неплохо на нем играть.

– Вы очень наблюдательны, – холодно сказала девушка.

– Что делать, у меня такая работа...

– Вы же ее только что ругали!

– В самом деле? Ну, это я был голоден, я всегда недоволен работой, если вовремя не поем...

– А как поедите вовремя – всегда просите сыграть вам на рояле, да?

Тамилла была настроена выпроводить нахала, не собиравшегося добровольно покидать чужой дом и даже не назвавшего своего имени. А ведь скоро должна вернуться с работы тетка. Что она обо всем этом подумает?

– Знаете, я давно не слышал живого звука рояля, – признался парень. – С тех пор, как ушел из ресторана.

– Наверное, вы были там классным официантом? – съязвила девушка.

– Нет, – серьезно ответил он. – Я был там классным тапером.

– Что вы говорите! – воскликнула Тамилла. – В таком случае попрошу за рояль вас!

Парень не заставил упрашивать себя дважды. Он прошел в гостиную, уверенно сел на круглый вращающийся табурет. Слегка помедлил и положил пальцы на клавиши. Из-под его пальцев прозвучала вначале легендарная «Мурка», затем последовал плавный переход к озорной песенке «Джип-джип, джуджялярим», и вдруг, что немало поразило Тамиллу, парень заиграл «К Элизе» Бетховена, причем исполнил мелодию весьма грамотно!

...

– Уже познакомились? – на пороге комнаты стояла лукаво улыбающаяся тетка.

Парень перестал играть, поднялся и протянул Тамилле руку.

– Фуад, – представился он.

– Сабина, – машинально ответила девушка.

– Ну, не буду вам мешать, – сказала тетка и вышла из комнаты.

Тамилла бросилась за ней.

– Так это что же – твоих рук дело? – шепотом спросила Тамилла, когда они обе оказались на кухне.

– Да, – честно призналась тетка. – Надо же тебя как-то замуж выдавать! А то сидишь целыми днями дома, в обнимку с книгой, и слушаешь классику. А жизнь-то проходит!

– Все равно, так нечестно! – возмутилась Тамилла.

– Не нам с тобой решать, что на этой земле честно, а что – нечестно, – философски ответила тетка, укладывая в холодильник принесенные продукты.

– Девочки, я пошел! – в дверях появился Фуад. Он уже успел надеть туфли и бейсболку. – У меня еще заказы на этот вечер. Пока!

Наутро Тамилла проснулась с горьким, не известным ей до этого чувством одиночества. А за окном уже не моросило – там хлестал настоящий осенний ливень. Тамилла заставила себя проглотить несколько ложек йогурта и отхлебнула несладкого кофе. И тут взгляд ее упал на мусорное ведро, из которого торчал угол картонной коробки. «Пицца! – вспомнила она. – Там непременно должен быть номер телефона!» Тамилла не ошиблась.

– Ресторан «Чипполино», – сказали в трубке.

– Мне, пожалуйста, Бетховена, – сбивчиво заговорила девушка. – Ой... то есть мне, конечно же, пиццу... С грибами и оливками... И Фуада, ну, бывшего пианиста...

В трубке некрасиво хохотнули:

– Нет у нас никакого Фуада, а тем более бывших пианистов!

– Я так и знала, – упавшим голосом сказала Тамилла в отбойные гудки.

И тотчас же, словно гром небесный, грянул дверной звонок. Тамилла подлетела к двери, и первое, что она увидела в «глазок», – это огромный букет белых роз...

Не зря гласит известная пословица: «Человек предполагает, а Бог располагает»… Третий из рассказов Елены Андреевой, готовый стать короткометражным фильмом и сценарий к которому был уже готов, так и не нашел своего воплощения на экране. Все планы кинематографистов – и не только их – были нарушены пандемией COVID-19 и сопутствующими ей самоизоляцией и карантином.

Тем не менее, рассказ-то остался. Трогательная история о сложностях человеческих взаимоотношений и о том, как сближает забота о животном…

ЖЕСТОКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ

День выдался паскудным на редкость. Несмотря на середину апреля, было холодно и моросил дождь. А во второй половине дня мне позвонили на работу и сообщили, что главный редактор газеты, в которой я время от времени тискал свои статейки, скоропостижно скончался, и мне пришлось ловить такси, чтобы успеть на похороны. При этом я всё время прижимал к себе картонную коробку. На кладбище я не поехал, сославшись на плохое самочувствие.

И вот, наконец, я переступил порог своего дома.

– Вот, – произнёс я, протягивая вперёд коробку.

– Что «вот»? – осведомилась Лалка, моя половина; как всегда, она перемещалась по квартире, протирая мебель и вообще всё, что попадёт под руку; таким образом моя милая маленькая жёнушка сбрасывала (по её мнению) килограмм-другой.

– Может, всё-таки подойдёшь и глянешь? – сказал я, теряя терпение, а также веру в правильность своего поступка.

– И что же там такое принёс мой гениальный муж? – иронически спросила Лалка. – Свой более чем скромный гонорар за газетные статейки?

Я уязвленно промолчал. Лалка тем временем приблизилась-таки и заглянула в коробку.

– Ой, что это?! – воскликнула она, роняя тряпки и салфетки. На дне коробки копошился двухнедельный котёнок.

– Я нашёл его на асфальте, в холодной луже, – ответил я. – Вообще-то их было трое, но остальные уже отдали Богу душу, а этот ещё шевелился...

– А где же их мамаша?

– Не знаю, – пожал я плечами, не выпуская коробки из рук. – Может, погибла под колёсами автомобиля, перебегая дорогу в неположенном месте...

– Ой!!!

– Ну, или бросила детей ради заморского кота. В наше время и с кошками такое случается, сплошь и рядом...

Лалка кончиком пальца пощекотала котёнка. Тот едва слышно пискнул.

– Что-то не похож он на вынутого из лужи, – с сомнением сказала супруга. – Уж больно чистенький...

– Замараться не успел, – быстро сказал я, уже предчувствуя, что последует дальше. А дальше были буря, торнадо, самум и ураган!

– Ты хоть понимаешь, что ты сейчас со мной делаешь?! Ты... ты просто решил меня доконать этим своим дурацким поступком! Зачем ты приволок мне это существо? Чем я буду выкармливать его, милый?! Молока у меня для него нет! (Лалка стиснула свой аккуратный бюст). – Что, не знаешь, что таким котятам нужна кормящая кошка! И ещё раз кошка!

– Знаю! – заорал я. – Знаю! Но в нашем случае кошка отсутствует! И я не мог, понимаешь, просто не мог пройти мимо существа, пока ещё живого, которое умирало под ногами равнодушных прохожих!!!

– Ах, он не мог пройти мимо! Какое благородство! А обо мне ты подумал? Мало ли что там валяется на нашем асфальте, так что же – всё это надо тащить в дом?!

Разбуженный нашими воплями котёнок заворочался сильней и запищал.

– Ах, ты, мой бедненький, моя масюся, мамочку потерял! – без всякого перехода засюсюкала Лалка, выхватила котёнка из коробки, прижала к себе и заходила по комнате туда-сюда. Я даже и заметить не успел, откуда в её руках появился шерстяной шарф, в который она укутала котёнка. – Кажется, он голодный и теряет температуру тела... Ну, чего уставился? (это уже мне) – Живо беги за молочной смесью и пипетками! И поскорей возвращайся, если не хочешь, чтобы он отдал концы у меня на руках!

Через полчаса всё было куплено и расставлено на столе. Кормление малютки началось. Я, как зачинщик и инициатор всей этой драмы, взялся помогать Лалке, но, как всегда, лишь мешал ей. Она выхватила у меня пипетку, заряженную разбавленной молочной смесью, но попасть в орущий крохотный рот, как оказалось, было чрезвычайно сложно. Котёнок ну никак не желал признавать пипетку за материнский сосок, вертел головой и отталкивал Лалкину руку своей крохотной лапкой, бессмысленно тараща при этом тёмно-синие глазёнки. И у меня начало сжиматься сердце. «Дурак, – сказал я себе мысленно, – зачем ты всё это затеял?!» Пока я таким образом казнил себя, Лалка перестала тыкать пипеткой в морду котёнка и помчалась к соседке, живущей этажом выше. Когда-то они были подругами, но потом по какой-то причине долгое время не общались. Соседка была ещё довольно молода, растила троих детей – двоих девочек и мальчика – и постоянно выхаживала то котят, то кутят, которых ей подбрасывали всякие добрые люди... Над смертями своих питомцев соседка никогда не плакала, ибо смотрела на такие вещи философски: Бог, так сказать, дал, Бог и взял.

Роза (так звали соседку) незамедлительно спустилась к нам – в роскошном шёлковом кимоно, распространяющая запах французских духов, деловитая, вооружённая шприцами, перчатками, салфеточками и пакетом дорогостоящего так называемого «сучьего молока», предназначенного для выкармливания совсем маленьких котят и щенков.

– Доктор пришёл! – весело сообщила Роза. – Ну, где там наш малыш?

Одной рукой Роза крепко схватила котёнка, другой – ловко ввела ему в ротик шприц, полный питательной смеси. Котёнок всячески выражал своё неудовольствие и протест, но смесь всё-таки сглотнул.

– А теперь помассируем ему животик... и тёплой ваткой под хвостиком... Надеюсь, поняли, как это делается? – спросила Роза.

Мы с Лалкой дружно закивали.

Котёнок стойко переносил массаж животика. Вообще, хороший был котёнок, красивый, крепкий. И, что интересно, обычно у котят долго нельзя с точностью определить, кот это будущий или кошечка, половые признаки у них не ясно выражены, и истина открывается далеко не сразу. У этого же крохотулечки с половыми признаками как раз всё было в полном порядке: ярко выраженный кот. Будущий, правда.

Лишь только Роза удалилась, оставив нам инструменты и «сучье молоко», Лалка чувствительно двинула меня в бок твёрдым кулачком.

– За что?! – взвыл я.

– Ты всё прекрасно понимаешь. Думаешь, я не заметила, как ты заглядывался на её сиськи?!

– Но, золотце моё, я же всё-таки мужчина! Волей-неволей и заглянешь куда-нибудь... туда...

– А вот мне «куда-то туда» ты уже давно не заглядываешь, – грустно промолвила моя очаровательная жёнушка.

– Устаю, – виновато сказал я. – Ты же знаешь – днём бегаю по редакциям, ночами сижу за компьютером...

...Ранним утром меня поднял с постели жуткий вопль. Вопили оба: и котёнок, и Лалка.

– ...Ты хоть понимаешь, что я не так натренирована, как Роза! – орала моя жена. – Я же могу этим жутким шприцом порвать ему рот! Или, ещё лучше, ненароком придушить это несчастное животное! Ты хоть иногда задумываешься над моей жизнью... над своей жизнью...

– Я только этим и занимаюсь, золотце, – промямлил я спросонок.

– Тогда почему мне так одиноко... и так тошно от твоих сюрпиризов?! Ты... ты жестокий Пиночет! Тупой гуманоид. Мерзкий журналюга!

Это было уже слишком. Я поспешил улизнуть из дому, едва хлебнув негорячего чая и даже не позавтракав.

– Немедленно ищи кормящую кошку! – закричала Лалка мне вслед. – По подвалам, по чердакам, где хочешь, ищи, если не хочешь моей смерти!

Это, конечно, впечатляло. Но лишь одно меня успокаивало, лишь в одном я мог быть уверен: пока Лалка возится с котёнком, она не осуществит своей гнусной угрозы: «Вот придёшь домой и найдёшь меня наглотавшейся снотворного или расплющенной под окнами нашей квартиры! А всё из-за тебя! Это ты лишил мою жизнь всякого смысла! Это ты сделал из меня растрёпанную домохозяйку и сам же ко мне охладел! Господи, хоть бы какую кошку или собаку завести, чтобы было с кем общаться!» В общем, как это частенько бывает во многих семьях...

В Союзе Литераторов было, как всегда, малолюдно. В редакции одного из толстых литературных журналов одиноко сидела Айгюн, корректор, уставившись в монитор компьютера.

– Доброе утро, – я постарался растянуть губы как можно шире и деликатно положил на край стола плитку шоколада.

– Пожалуй, уже день, – Айгюн рассеянно пододвинула к себе шоколад.

– Когда я вижу вас, Айгюша, для меня всегда утро!

– Ценю ваш юмор, – улыбнулась Айгюн.

– А как поживает ваша кошка? – вкрадчиво начал я. – Всё ещё ищет своего недостающего?..

– Кошка? Прекрасно. У неё ведь ещё трое, правда, дохленькие все. Я же вам самого крепенького дала... Хотя...

– Что «хотя»? – насторожился я.

– Иногда она ходит по коридору и мяучит. Странно, я была уверена, что кошки не умеют считать.

– Да, нехорошо у нас с вами вышло, – вздохнул я.

– Да, нехорошо, – пробормотала Айгюн, явно имея в виду какое-то неудачное предложение из читаемого ею материала.

– Что ж, занесу его как-нибудь на днях.

– Заносите-заносите, – пробормотала Айгюн, полностью уйдя в работу.

Я распрощался и вышел в коридор. И наскочил на известного профессора-литературоведа, руководителя одного из творческих объединений.

– А, наш гениальный писатель! – вскричал профессор. – Вот вы-то мне и нужны! Не хотите ли поучаствовать в писательском десанте? Я вас включу в список.

– Куда на этот раз? – вяло спросил я.

– В Ивановку.

– Да ведь я уже ездил к молоканам, – попытался отбиться я. – Пусть теперь другие, более достойные...

– Ну-ну, не скромничайте. Вам не идёт.

...

– Котик-заинька хочет баиньки... – Лалка, укачивая прижатого к груди котёнка, ходила взад-вперёд по жарко натопленной кухне. Я покосился на стол. Судя по валяющимся на нём предметам, а также по аромату французских духов, у нас опять побывала Роза.

«Всё не так уж и плохо», – бодро сказал я себе, несмотря на гадостное состояние души. Я прокрался в свою комнату. Побросал в спортивную сумку блокноты, ручки, фотоаппарат, свитер – на всякий случай... Полевой бинокль зачем-то. Джинсовый костюм. Так же тихонько вышел из комнаты. И через час уже трясся в микроавтобусе по дороге в село Ивановка.

...Вернулся я вечером следующего дня, волоча с собой дары гостеприимных молокан – банки со сметаной, с мёдом и прочее.

Лалка неподвижно лежала на кровати, апатично глядя в потолок.

Я заметил на её щеке царапину.

– Откуда это у тебя? – спросил я.

– Котёнок на прощанье свой след оставил.

– Почему «на прощанье»? – не понял я.

– А ты в коробку загляни. Кажется, он мёртв.

Я подскочил к коробке, приподнял подаренное Розой одеяльце. Котёнок лежал на спине. При виде меня он разлепил глазёнки и громко заорал.

– Твой мертвец требует дополнительной кормёжки, а также колыбельной песенки, – сказал я с облегчением.

Лалка вскочила с кровати, подбежала к коробке и схватила котёнка на руки.

– Как съездил? – поинтересовалась она, нянча зверёныша.

– Ты знаешь, неплохо, – рассеянно ответил я. – Можно сказать, просто великолепно...

– У тебя всегда всё великолепно! – внезапно взорвалась супруга (в этом отношении она похожа на противопехотную мину – никогда не знаешь заранее, где на неё наступишь и когда она взорвётся, не зря противопехотные мины запрещены какой-то там международной конвенцией!). – У тебя всегда всё великолепно! Мотаешься по городу да ещё и в провинцию успеваешь съездить! И тусовки, и презентации, и пресс-конференции! Это я сижу целыми днями дома, как прокажённая! У тебя такая незаметная жена – как микроба в банке...

– Джана моя, не нервничай, мы с тобой ещё увидим небо в алмазах, – выдал я свою стандартную утешительно-подбадривающую фразу и тут же раскаялся, ибо Лалка на этот раз усмотрела в ней нечто для себя оскорбительное.

– Небо в алмазах!!! – взвизгнула супруга, бросив орущего котёнка назад, в коробку. – Это ты на что намекаешь – чтобы я разбежалась, долбанулась головой о стенку и при этом посмотрела на небо и увидела там алмазы?! Да?!

– Не иронизируй, детка... – попробовал я обороняться, но было уже поздно.

– «Не иронизируй, детка!» Ненавижу тебя и твои нелепые шутки, и все твои идиотские поступки, от которых у меня пропадает дар речи!

Вот насчёт дара речи я был полностью с ней не согласен. Никуда он у Лалки не пропадал. Напротив, она выплескивала на меня всё, что у неё накапливалось на душе, а я выслушивал её совершенно молча; если у кого и пропадал в это время дар речи, так это у меня.

Я сунул в карман флэшку с готовыми материалами для газеты и молча покинул дом.

Весь следующий день у меня был забит привычными, «игрушечными», как выражалась моя супруга, заботами. Я взял интервью у трёх знаменитостей, у меня у самого взяли интервью для одной из газет, я разместил четыре своих материала в разных газетах и договорился о статьях для двух журналов. В Союзе Литераторов меня вновь остановил наш профессор-литературовед, подставив на моём пути свой объёмистый живот.

– Дорогой вы наш! – вскричал профессор. – А у нас тут намечается очередной писательский десант! Не хотите ли съездить в Масаллы?

– А почему не в Неаполь? – озлился я ни с того ни с сего. – Я вот, например, практически всю жизнь мечтаю съездить в Неаполь! С писательским десантом!

Профессор озадаченно посмотрел на меня.

Тут мимо нас прошествовала на высоких каблучках Айгюн. Она подмигнула мне, и я вспомнил, что должен вернуть ей котёнка. Всё, эксперимент закончился. И закончился он крахом.

...

– Я нашёл кормящую кошку, – сказал я прямо с порога.

Лалка с брезгливой миной на лице сидела в кресле, притворяясь, что читает одну из моих гениальных статей. На коленях у неё дремал котёнок, упираясь в живот моей супруги маленькой серой лапкой.

– А нам уже никто не нужен! – объявила Лалка. – Мы теперь с удовольствием сосём из пипетки, почти уже научились самостоятельно ходить на горшок и совсем уже не кричим, да, мася? Ты хочешь забрать у меня животное после того, как я не спала над ним ночами, выкормила и выпестовала его?! Да знаешь ли ты, кто ты после этого?!...

НИЗАМИ ТАГИСОЙ

СЛОВО О ХУРШИДБАНУ НАТАВАН

Хуршидбану Натаван – одна из лучших представительниц азербайджанской литературы второй половины XIX в. Будучи единственной дочерью последнего правителя Карабаха Мехти Кули-хана, она получила в народе имя «Хан кызы» («Дочь хана») и сыграла большую роль в развитии азербайджанской культуры.

Детские годы поэтессы прошли во дворце отца, где воспитанием ее занимались опытные наставники и воспитатели. Ещё с детских лет она тяготела к знаниям, хорошо знала восточные языки и изучала творчество классических поэтов. На духовно-нравственное развитие поэтессы большое влияние оказало знакомство с М.Ф.Ахундзаде, в творчестве которого большое место занимал поиск пути в борьбе за народное счастье. Её личное знакомство с ним впоследствии способствовало обращению Натаван к общественным вопросам.

В 1845г. ее отец Мехти Кули-хан скоропостижно скончался в своём имении Агджабеди. Прошло уже два десятилетия со времени завоевания Азербайджана российскими войсками, и страна была наводнена оккупационными войсками. Империя целенаправленно вела дискриминационную и колониальную политику в регионе. Чтобы оказать давление на местное население, наместник Кавказа М.С.Воронцов приказал конфисковать земли, принадлежащие народу. Под угрозой оказались и владения Мехти Кули-хана. Опасаясь такой политики, жена Мехти Кули-хана Бедирджахан-бейим вместе с дочерью Хуршидбану отправляется в Тифлис с жалобой.

Личный адъютант М.С.Воронцова генерал-майор Хасай-хан Уцмиев предлагает Бедирджахан-бейим помощь в организации встречи с наместником в обмен на женитьбу на ее дочери Натаван. Несмотря на неприемлемость условий, предложенных Уцмиевым, Бедирджахан-бейим вынужденно соглашается, после чего им удаётся вернуть имения и земли, отнятые представителями власти.

Личная жизнь Натаван не была удачной. Дважды выходившая замуж, она не была счастлива ни с первым мужем Хасай-ханом Уцмиевым, ни со вторым – Сеидом-Гусейном. После смерти матери Бедирджахан-бейим существенно осложняются дела в хозяйстве. Проходит немного времени, и первый муж Натаван, Хасай-хан, покинув ее, уезжает на свою родину Дагестан. Оставшись одинокой и беспомощной, она во второй раз выходит замуж. Казалось бы, что дела поправляются, вместе с мужем она занимается хозяйством. Однако эта идиллия продолжается недолго. В 1885г. после тяжёлой болезни умирает ее 17-летний сын от второго брака Мир-Аббас. Она с трудом переносит эту тяжелейшую утрату, находясь в духовно-нравственном кризисе.

Всю свою горесть и печаль Натаван описала в газели «Непостоянно это небо, жаль»:

Непостоянно это небо, жаль.
Неверен мир и сердце слепо, жаль.

Очей обитель ты пустой оставил,
Ты растворился, будто небыль, жаль.

Ты от меня ушёл, многострадальный.
Теперь ты – прах в могильном склепе, жаль.

О свет моих очей, плод целой жизни,
Я мукой скована, как цепью, жаль.

Смерти любимого сына Хуршидбану посвятила много других своих газелей с редифом «Ушёл», «Без тебя», «Не уходи», «Умираю», «Прощайте» и т.д. Эти скорбные газели своей поэтической красотой и незаурядной интонацией привлекли внимание крупных мастеров азербайджанского художественного слова второй половины XIXв., таких, как Сейид Азим Ширвани, Агали-бей Насех, Молла Ага Бихуд, Абульгасан Вагиф, Ибрагим-бей Азер и др., написавших ответы-послания на газели Натаван.

Известно, что, начиная со второй половины XIX в., в Азербайджане вновь возродился интерес к газели, и выросло число поэтов, которые писали в этом жанре.

В разных городах Азербайджана были организованы литературные меджлисы: «Бейтус-Сафа» в Шемахе, «Меджмауш-шуара» – в Баку, «Анджумани-шуара» – в Ордубаде, «Фовджуль-фюсаха» – в Ленкорани, «Меджлиси-унс» и «Меджлиси-ферамушан» – в Карабахе. По сообщению источников, «Меджиси-унс» впервые был организован по инициативе поэта Мирзы Рагима Фена в 1864г., а в 1872г. этот меджлис возглавила Хуршидбану Натаван. Именно после 1872г. начала расти популярность «Меджлиси-унс». О «Меджлиси-унс» говорили не только в Шуше и Карабахе, но и во многих других городах Азербайджана. Хуршидбану Натаван, Мирза Рагим Фена, Мемобей Мемаи, Мирза Садыг Пиран, Ага Гасан Юзбашов и др. своим талантом и профессионализмом подняли литературный кружок на новый высокий уровень. Находясь в гуще литературной среды, не только сама Натаван, но поэты Касум-бек Закир, Абдулла-бек Али и многие другие оттачивали своё поэтическое мастерство, что совершенно справедливо было оценено современниками.

Литературный критик, филолог и писатель Фиридун-бек Кёчарли в своем труде «Азербайджанская литература», очень положительно отзывается о её творчестве, отмечая ее воспитание, ум, а также подчеркивая её изысканный и тонкий поэтический вкус. Здесь же следует отметить, что в изучении творческого почерка и в подготовке первого сборника стихов Натаван, изданного в 1928г., также велика роль крупного учёного Салмана Мумтаза.

Во многих своих стихах от личных своих переживаний Натаван переходит к воспеванию любви, от личной жалобы к общественной жалобе. Поэтому в её лирике зримо обозначены не только индивидуальные чувства и мысли, но и неустроенность жизни и бесправие людей.

Следует отметить и то, что в поэзии Натаван всегда прослеживается творческое влияние великого Физули.

Натаван весьма большое внимание уделяла стилистической, языковой, ритмической, рифмообразующей и др. особенностям своих газелей. Пользуясь гармонией размеров аруза, в то же время она использовала в отдельных своих стихах выборочные редифы и рифмы, придававшим ее стихам особый стиль. В лирических стихах поэтессы приковывает внимание обобщённые нравственно-духовные сюжеты и темы. Её личная скорбь сливается с болью и переживаниями всего народа.

Вчитываясь в суть созданных Натаван лирических образов, можно прийти к мысли и о том, что Натаван весьма большое внимание уделяла стилистической, языковой, ритмической, рифмообразующей и др. особенностям своих газелей. Пользуясь гармонией размеров аруза, в то же время она использовала в отдельных своих стихах выборочные редифы и рифмы, обогатившие её поэтические образы. Помимо отмеченного, в газелях Натаван в подавляющем большинстве случаев прослеживается смысловое единство и яркая логическая связь. В лирических стихах поэтессы приковывает внимание обобщённые нравственно-духовные сюжеты и темы. Её личная скорбь, будучи во взаимном единстве с общественно-философской болью, составляют неразрывную связь со всей жизнью Натаван.

Несмотря на превратности судьбы, Натаван активно занималась благотворительной деятельностью, в частности, на свои средства она построила водопровод в Шушу от источника Иса Булагы, находящегося в окрестностях города. Строительство продолжалось три года. Построенный ею водопровод существует и поныне под названием «Родник ханской дочери». Она вкладывала деньги и в строительство дорог, которые должны были связать близлежащие населённые пункты с Шушой.

Шушинцы безмерно любили Хуршидбану, и смерть её восприняли как свою личную трагедию и невосполнимую утрату. Похороны поэтессы прошли 1 октября 1897г. В знак уважения народ нес гроб Натаван на своих плечах из Шуши в Агдам. Она была похоронена на кладбище «Имарет» в Агдаме.

Скажем несколько слов о переводах газелей Натаван на русский язык.

Русские поэты к переводам газелей поэтессы обращались дважды. Первый раз в 30-е годы XXв. Маргарита Алигер перевела три газели «Сыну моему», «Я тайну скрываю…», «Как я мечтаю…», а Евгений Долматовский две – «Печалью, горем и бедой…» и «Фиалка». Все они были включены в «Антологию азербайджанской поэзии» под редакцией В.А.Луговского и Самеда Вургуна, изданной в Москве.

В начале 80-х годов бакинский поэт Абрам Плавник, переводивший как классическую, так и современную азербайджанскую поэзию XX в. отдельно представил русскоязычному читателю перевод лирики Натаван под редакцией Мансура Векилова.

Отдавая дань уважения труду переводчиков, в то же время хочется подчеркнуть, что им не всегда удавалось передать всю прелесть и интонацию, яркость и благоухание азербайджанской классической народной лирики и ее атрибутики. Поэтому, хотелось бы, чтобы современные переводчики вновь обратились к поэзии Натаван.

Образ и личность поэтессы занимали видное место в художественном творчестве азербайджанских писателей. Так, например, народный поэт Самед Вургун посвятил ей статью под названием «Хуршидбану Натаван», в которой особо выделил в её творчестве «тоску и скорбь великого человека».

Народный писатель Азербайджана Ильяс Эфендиев в середине 80-х годов создал драму «Хуршидбану Натаван», где прослеживаются трудный, весьма сложный жизненный путь поэтессы и её творческая индивидуальность, эрудиция, вырисовываются нравственные черты, её тесная связь с народом, думы и мысли о нём, привязанность к родной земле.

В заключение хочется сделать несколько замечаний относительно «Википедии», где размещена статья о Хуршидбану Натаван.

К сожалению, в статье «Википедии» допущены некоторые неточности. В частности, в ней отмечается, что в 1982 году был издан первый сборник стихов Натаван на русском языке. Тогда как до этого в вышеназванной «Антологии азербайджанской поэзии» представлены 5 стихотворений Натаван в переводе М.Алигер и Е.Долматовского. В части «Память» в «Википедии» также допущены неточности. В частности, имеются словосочетания «После возвращения Арменией Агдама…» (Ведь Армения не возвратила Агдам Азербайджану?!) или «После занятия Шуши армянами…» (Армяне Шушу оккупировали, а не заняли?!) и т.д. и т.п., не соответствующие реальности.

Исходя из этого, считаем, что материал в «Википедии» обязательно должен быть откорректирован.

МАЛИК ДУРСУНОВ

Украина

ГРУША ИСФАНДИЯР

Рассказ

Год потери зогаллинцами большого казана ознаменовался еще одним событием, о значении которого сегодня старожилы рассказывают как о важнейшей части истории деревни. В тот год ни одно мероприятие, ни одно застолье не обходилось без горестного упоминания потери зогаллинцами части кухонной утвари, в особенности большого казана. Живительной мазью на кровоточащую рану зогаллинцев, хоть както отвлекающей их от ежедневных раздумий, тогда стало присвоение зогаллинцу Исфандияру самого длинного прозвища за всю историю Зогаллы.

В том году, в самом конце августа месяца, местная молодежь по традиции организовала небольшое застолье для проводов на учебу в Тбилиси будущего учителя истории Байрам-муаллима. Байрам-муаллим тогда учился на последнем курсе исторического факультета Тбилисского университета. За столом, кроме нескольких сверстников Байрам-муаллима, присутствовала и его родня, в том числе его двоюродный дядя Исфандияр, начинающий привыкать к своему прозвищу. Компания пила прохладное вино: поначалу, как всегда,обсуждался бесчеловечный и коварный поступок лудильщика Гриши, опустошивший зогаллинское кухонное хозяйство. Когда тема была прожевана участниками застолья окончательно, неожиданно речь зашла о прозвищах, которые в то время в Зогаллы носили мужчины. В частности, стали обсуждать длинное прозвище, недавно присвоенное Исфандияру. Тот сидел в углу и виновато улыбался.

Всё бы ничего, закончилось бы застолье, как всегда, шутками и смехом, но неожиданно для участников подвыпивший Байрам-муаллим начал сравнивать зогаллинские мужские прозвища с прозвищами американских индейцев.

Что толкнуло Байрам-муаллима на такой опрометчивый шаг, одному Аллаху известно. То ли Байрам-муаллим хотел продемонстрировать в основном безграмотным в то время участникам застолья свои знания, полученные в университете, то ли у него это вырвалось машинально – сегодня никто не скажет. А тогда Байрам-муаллим взял и твердо выпалил:

– По части прозвищ мы чем-то похожи на индейцев Америки.

И всё. Был самый пик застолья, и вот такое неожиданное сравнение земляков с далекими американскими индейцами моментально было отвергнуто всеми его участниками. Зогаллинцы почему-то сочли подобное сравнение оскорбительным для себя. Сам Исфандияр, только-только получивший самое длинное прозвище за всю историю Зогаллы, грозно заявил своему племяннику:

– Дорогой Байрам! Не для того мы тебя отправили учиться в Тбилиси, чтобы по возвращении рассказывал нам всякие сказки и сравнивал нас неизвестно с кем. Достаточно того, что нас сравнивают с мугалами. Не для этого мы тебе всей деревней помогаем.

Многие присутствующие поддержали Исфандияра – определенная доля правды в его словах была. Земляки на самом деле, кто как и чем мог, помогали во время учебы Байраму. Но учиться в Тбилиси его никто не отправлял, это было собственным решением Байрама. Тут, конечно, дядя Исфандияр преувеличивал участие зогал-

линцев в деле выбора и места обучения Байрам-муаллима. Как бы там ни было, почти все участники того застолья остались недовольны Байрамом и сочли неуместным подобное сравнение. А один из участников, оказывается, настолько сильно обиделся на слова будущего учителя истории, что под воздействием выпитого даже заплакал, будто находился на похоронах родного дедушки. Его успокоили, как могли, но дали высказаться.

– Да, мы люди необразованные, – сказал он, придя в себя, вытирая слезы, – но не такие, чтобы совсем из дремучего леса. Байрам, ну, подумай сам, где Зогаллы, где Америка? Какие могут быть сходства между нами и индейцами?

Ошарашенный Байрам-муаллим стал оправдываться:

– Между прочим, индейцы Америки – такие же люди, как мы с вами! Не хуже тех же мугалов и соседних грузин! Не знаю, что тут оскорбительного?

Убедить зогаллинцев в своей правоте в тот вечер Байрам-муаллиму не удалось, а сама история потом долго муссировалась в деревне. Большинство зогаллинцев к подобному сравнению отнеслись неодобрительно, хотя, справедливости ради, открыто враждебно в адрес индейцев Америки никто не высказался.

Только Кара-дайы не вмешался в эту дискуссию, он честно признался, что ничего не знает об американских индейцах. Откуда и что он мог знать об индейцах, если те, будучи индейцами Америки, всегда проживали за океаном. Никто и никогда их не встречал ни в соседних мугальских деревнях, ни в грузинских деревнях, а в Зогаллы тем более.

Правда, в годы войны, признался Кара-дайы, ему пришлось встречаться с солдатами из Америки, но он не уверен, что среди них были и индейцы.

– Румын видел, венгров видел, поляков видел, тех же американцев видел, а индейцев не видел. Год работал после войны в дрезденской комендатуре, там тоже не было их, – ответил тогда Кара-дайы.

А когда стали у него спрашивать о зогаллинских прозвищах, он коротко ответил:

– Откуда берутся наши прозвища, я не знаю!

Кара-дайы был прав, никто и тогда не знал, и сегодня не знает историю зогаллинских прозвищ. Каждый второй мужчина в Зогаллы живет с чудн**ы**м прозвищем, прикрепленным к его имени, данному ему при рождении. Споры о происхождении прозвищ очень часты в деревне, некоторые зогаллинцы при надобности рьяно защищают свои родовые прозвища, которые носят не одно поколение. Если у незнакомых и приезжих зогаллинские мужские прозвища вызывают временами недоумение, ухмылку, а зачастую и истерический смех, то тот же учитель истории зогаллинской школы Байрам-муаллим продолжает свои исследования в этой области и в присвоении прозвищ умудряется находить много положительного. Что самое интересное, намного позже того вечера, когда он сравнил зогаллинцев с индейцами Америки, уже работая учителем, Байрам-муаллиму удалось-таки доказать землякам правдивость своих предположений. И что еще интересно, сравнение оказалось не в пользу зогаллинцев, индейские прозвища на практике выявились гуманными и более достойными по отношению к их носителям.

Байрам-муаллим доказал землякам, что обряд присвоения прозвищ исторически был и ныне остается присущим только свободным, вольным народам и поселениям.

– Возьмем тех же индейцев Америки, которых вы так возненавидели поначалу, – сказал он своим землякам, многим из которых позже на самом деле стало стыдно за необоснованно высокомерное отношение к индейцам. – Да, я согласен, при беглом сравнительном анализе наших и индейских прозвищ тяжело найти какие-то сходства. В отличие от нас, индейцы в своих прозвищах пользуются названиями окружающей природы, природных явлений. И что тут плохого? Индейские прозвища

указывают их зависимость от земли и уважение к ней, учитывают боевые и охотничьи подвиги, подчеркивают достоинства их носителей. А какими красивыми сравнениями они пользуются при присвоении прозвищ! Упорный, гордый, храбрый, упрямый, безрассудный… Разве все перечислишь? В отличие от индейцев, наши прозвища указывают не на достоинства носителя, а в большинстве случаев на его внешние или психологические недостатки. Поэтому не найдете вы в Зогаллы ни Зоркого сокола, ни Бешеного коня, ни даже Упрямого быка, часто встречаемых в среде индейских прозвищ, – твердил Байрам-муаллим, а слушатели молча согласились с ним.

– Вот, например, если наш Мамед был с рождения слеп, неужели так обязательно было прозвать его Слепым Мамедом? Я молчу про Хромого Идриса, про Заику Исмаила. Полбеды, когда некоторые наши прозвища указывают на профессию хозяина, будь это Копач Гусейн (копающий могилы), Гассаб Алескер (забойщик животных) и т. д. Тут не так больно. Наши прозвища различительные, тут я не спорю, но ведь порой они унизительны для носителя.

Зогаллинцы соглашались с Байрам-муаллимом, некоторые даже признавались, что индейцы Америки на самом деле, оказывается, умнее их будут.

– Живем и не знаем, что мы самые отсталые в мире, а готовы смеяться над всеми остальными. Нас не переделаешь, вот потому и смеются над нами мугалы, – говорили они.

На этом месте Байрам-муаллим успокаивал своих земляков, говорил им, что они не одни такие, что по характеру присвоения прозвищ зогаллинцы похожи на украинских казаков.

– В каком-то смысле зогаллинские прозвища согласуются с прозвищами украинских казаков, – говорил он. – Казаки тоже, как индейцы Америки, отличались свободолюбием и вольной жизнью. Но индейцам Америки мы однозначно уступаем.

– Опять эти индейцы, – кричал кто-то с места. – С индейцами мы и так опозорились, давай без них! Давай лучше про казаков, Байрам-муаллим, давай про них. Казакам хоть мы ни в чем не уступаем?

– А что казаки, они тоже, как зогаллинцы, давали друг другу прозвища, которые, как правило, коротко и ёмко указывали на особый признак казака, на его внешность и род деятельности.

– Ну и слава Аллаху, это уже по-нашему. А то с индейцами в этой части нам не тягаться, они более красноречивы в присвоении прозвищ.

Молчать бы тут зогаллинцам! Да разве закроешь им рот? Тот же Исфандияр, который в тот вечер упрекнул Байрам-муаллима за сравнение зогаллинцев с индейцами, на самом деле тогда уже был не Исфандияром! Ему дали прозвище такое длинное, что красноречивости зогаллинцев завидовали бы все вожди индейских племен, вместе взятые, которые и давали прозвища своим соплеменникам. Полное прозвище Исфандияра на сегодня считается самым длинным за всю историю зогаллинских прозвищ.

***

Говорят, что носил он его с большим удовольствием и с пониманием своей исключительности. Якобы он даже гордился своим длинным прозвищем, когда к нему обращались с полным его произношением. В первое время после приобретения прозвища, когда односельчане обращались к нему по-старому, он моментально останавливал их и подправлял:

– Назовите уж по-полному, чего стесняться-то.

Носил он его около тридцати лет, а после его смерти прозвище в укороченном виде по принятой в Зогаллы традиции автоматически перешло к его прямому и единственному наследнику, несовершеннолетнему внуку, носящему тоже имя Исфандияр, который тогда учился в третьем классе зогаллинской школы. Процесс перехода про-

звища после смерти его первого носителя к наследнику – в Зогаллы само собой разумеющийся обряд, ничего удивительного в этом нет. Удивительным являлся возраст наследника, так как школьников в Зогаллы по прозвищу никто до этого не называл. Случай был особенным. Внук Исфандияра рос мальчиком толстым и упитанным, с красными щеками и с вытянутой шеей: со стороны где-то напоминая спелую грушу. Без особого сопротивления он принял эстафету от дедушки и по сей день гордо носит это прозвище.

Старший Исфандияр до приобретения им прозвища был жизнерадостным, но глубоко несчастным человеком. Сказать, что после приобретения прозвища он стал счастливым, было бы тоже неправдой. С другой стороны, с приобретением прозвища он наконец-то вошел в привычное мужское зогаллинское сообщество, где редко можно было найти мужчину без него. Зогаллинцы почему-то его жизненное несчастье называли невезением, и сегодня, когда речь заходит о нем, старожилы так и говорят:

– Ох, и невезучий был человек. Жил себе спокойно, никого не трогал. А ему не везло, хоть тресни! Будто был заговоренным.

Первый раз несчастье постигло Исфандияра через месяц после свадьбы, за три года до войны. На глазах у соседей и самого Исфандияра соседская лошадь, пасшаяся на поляне, неожиданно копытом ударила по голове мимо проходящую его молодую жену. Удар получился настолько сильным, что ножки подковы, как острые спицы, вонзились в голову жены Исфандияра, оставив у нее на лбу две кровавые точки. Смерть получилась мгновенной.

Исфандияр, до этого отличавшийся особой словоохотливостью, вдруг замолчал. С того дня он возненавидел лошадей, посчитав весь их род виновным в гибели любимой жены. Через неделю после похорон жены Исфандияр свою, ни в чем не повинную лошадь, повел в лес. В самой глубине леса он коротко привязал лошадь к дубовому дереву и оставил там ее одну, таким образом приговорив ее в лучшем случае на голодную смерть, а в худшем – на корм хищным зверям. Соседу, хозяину виноватой лошади, ничего не оставалось, как последовать его примеру. Через день и тот отвел свою лошадь туда же в лес, привязал рядом с лошадью Исфандияра. Шокированные аксакалы тогда решили не вмешиваться, посчитав потерю двух лошадей таким бесчеловечным способом не слишком большой расплатой за гибель жены Исфандияра. Хотя способ мщения, выбранный Исфандияром, а потом еще и его соседом, выглядел слишком жестоким и кощунственным. Заморенные голодом лошади орали четыре дня и три ночи, пока в четвертую ночь их обоих не задрала стая волков, тем самым освободив бедных животных от голодной мучительной смерти. С тех пор, до самой своей кончины, Исфандияр не держал в хозяйстве лошадей.

После смерти жены Исфандияр днями ни с кем не разговаривал, ходил на колхозные работы и работал дома. О том, чтобы жениться еще раз, речи не могло быть. Никто в деревне не решался предложить ему жениться второй раз, боясь его реакции. Все в Зогаллы сочувствовали ему, хозяин лошади горевал не меньше Исфандияра, считая себя виноватым в гибели молодой женщины.

А потом началась война, и вовсе стало не до женитьбы Исфандияра. По никому не известной причине Исфандияра не призвали на войну, каким чудом он избежал тогда ее, никто в Зогаллы не знает. Скорее, решили, что в тылу от трудолюбивого Исфандияра будет пользы больше, чем на передовой. Всю войну он работал в колхозе на всевозможных работах, помогал одиноким, оставшимся без мужей, женщинам, чуть ли не в одиночку хоронил умерших в те годы земляков.

После войны старожилы посоветовали Исфандияру жениться на молодой вдове, муж которой не вернулся с войны. Благо, и вдова оказалась не против. Через год у них родился ребенок, девочка, которой они дали красивое имя Санам. Жизнь постепенно налаживалась, и Исфандияр заговорил. Но когда ребенку было всего год, погибла и вторая жена. Смерть ее оказалась не менее нелепой, чем смерть первой

жены Исфандияра: зогаллинцы долгое время не могли прийти в себя. Во время утренней дойки чем-то недовольная буйволица растоптала хозяйку насмерть. Эту самую буйволицу Исфандияр зарезал на похоронах жены, навсегда избавив двор еще и от присутствия буйволов. После похорон второй жены Исфандияр дал себе слово, что жениться он больше не будет, растить ребенка будет сам, никому не отдаст.

Злые языки утверждают, что через два или три года Исфандияр якобы был не прочь жениться и в третий раз, будто он даже получил согласие от очередной зогаллинской вдовы. Но тут ему помешала солидарная женская среда, сложившаяся в Зогаллы в послевоенные годы.

Противнее женской солидарной среды, по утверждению Кара-дайы, в этом мире ничего не найти. Вдвойне она противна, если эта среда состоит из одних вдов.

Давшая Исфандияру согласие выйти за него замуж вдова оказалась болтливой. Болтливость женщины – факт неопровержимый, ничего удивительного в этом нет. О своем намерении дать согласие на замужество под большим секретом она рассказала своей ближайшей подруге, другой вдове.

– Может, третий раз ему повезет, – поделилась она с ней. – А мне что, я бы сто лет подождала своего с войны, если бы знала, что он вернется. Пять лет прошло, все живые вернулись. А моего нет. Мужика хочется мне, и всё! Хочу мужика, хоть калеку, хоть без ног и хоть без рук, лишь бы с мужским достоинством у него всё было в порядке! Хочу и все! И детей хочу! – вот так она всё рассказала своей подруге.

Болтливостью женщин никого не удивишь, неудивительна также женская зависть, которая основывается на непримиримости к успехам других женщин. Разве существовал другой успех среди послевоенных зогаллинских вдов, чем замужество? Через день о намерении своей подруги та вдова еще по большему секрету рассказала другой вдове, а через неделю вся деревня только об этом и говорила. Завистливая женская среда еще и изобретательна. Она пустила слух, что двор Исфандияра заговоренный вместе с его хозяином. Якобы во дворе Исфандияра поселился шайтан, и якобы этот шайтан через домашних животных убивает его жен и будет дальше убивать. Собирающаяся замуж за Исфандияра вдова стала сомневаться, тут же ближайшая ее подруга посоветовала обратиться к деревенскому мулле, чтобы тот загадал и посмотрел по своей молитвенной книжке, насколько на самом деле опасно выйти за него замуж? Старый мулла, оказывается, сам имел виды на эту пышную вдову, и загадал такое, что та передумала выйти за Исфандияра замуж. А загадал он вот что: третья жена Исфандияра, загадал мулла, погибнет мучительной смертью от укуса бешеной собаки, что даже на деревенском кладбище ее хоронить не позволят. Закопают где-нибудь вдали от деревни вместе с укусившей ее собакой. А четвертую жену Исфандияра, загадал мулла, ужалит ядовитая змея, а пятую заклюют голодные куры.

Какими бы неправдоподобными ни выглядели версии, мулла своего добился: женщина не решилась рисковать своей жизнью, передумала создавать семью с Исфандияром. Еще через полгода сам мулла стал сожительствовать с этой вдовой аж до самой своей смерти, и она родила от него двух мальчиков.

К слову, Исфандияр позже догадался, что именно мулла не позволил ему жениться на той вдове. С того дня в ряд его врагов вместе с лошадьми и буйволами добавились и муллы.

Как бы там ни было, Исфандияр больше не женился и всю оставшуюся жизнь посвятил своей дочери. С годами к нему вернулась и жизнерадостность.

Впрочем, большинство зогаллинских женщин-вдов на радость своим подругам тоже не вышли замуж.

По соседству с Исфандияром жила родная его сестра, поэтому дочь Исфандияра целыми днями находилась там вместе с ее детьми, она и занималась воспитанием. Хотя в Зогаллы считали, что воспитанием ребенка занимается сам Исфандияр, раз он не привел домой другую женщину. Не только сестра, вся родня и соседи во

всем помогали Исфандияру. В патриархальной зогаллинской среде это был второй случай, когда одинокий отец с самого детства ухаживал за ребенком сам. Зогаллинцы тут же вспомнили детство Кара-дайы, который тоже вырос без матери.

Санам часто болела, у нее были проблемы со зрением, и со школьного возраста она начала носить очки, что тоже было редкостью в те годы в Зогаллы. В силу всех этих обстоятельств Исфандияр редко участвовал во всевозможных зогаллинских застольях, всё свободное время посвящал домашнему хозяйству и дочери.

Когда Санам было пять лет, Исфандияр еще ходил без прозвища, и жить бы ему до конца своих дней без него, если бы не случилось очередное несчастье с ним, в результате чего ему было присвоено это самое прозвище.

А дело было так. Шел шестой послевоенный год, времена еще были голодные, зогаллинцы после каждой зимовки выходили истощенными, полностью израсходовав запасы продуктов на зиму, с надеждой на наступающую весну, которая обещала им новую, лучшую жизнь.

В самом конце мая, когда уже весна была в разгаре, вдруг взял и заболел Исфандияр. Ему тогда было всего сорок лет, но он почему-то считался в Зогаллы мужчиной почтенного возраста. До своих лет, как мы уже говорили, Исфандияр особо ничем не выделялся, если не считать нелепых смертей двух жен и ненависти к лошадям, буйволам и муллам. История зогаллинских прозвищ не знает примера, когда оно происходило бы от ненависти его хозяина к определенной части окружающей его действительности. Зогаллинские прозвища, как правило указывали на увлеченность, привязанность или любовь его носителя к чему-то или к кому-то. Кроме того, физических и психических изъянов Исфандияр тоже не имел, возможно, и по этой причине к сорока годам избежал присвоения прозвища. Жил себе Исфандияр и один растил свою дочь, и не догадывался, что и в сорок лет можно схлопотать себе неплохое прозвище.

Так вот, заболел Исфандияр, с первого дня температурил и ничего не ел. Дочку, естественно, в первый же день болезни отца забрала к себе сестра Исфандияра. Тут же по деревне поползли слухи, что Исфандияр, видимо, отправится к своим покойным женам. И как положено в таких случаях, в ожидании близкой смерти родня организовала дежурство у постели больного. Мужчин в деревне было мало, поэтому дежурила не только родня. Тот же Кара-дайы, например, рассказывает в наши дни, что он дежурил у Исфандияра на третью ночь со дня его болезни. Говорят, именно он, утром уходя после дежурства, дал знать родным, что надо готовиться к худшему. И с четвертого дня болезни Исфандияра родные перестали пускать его единственного теленка на общий выпас, стали держать теленка во дворе на привязи на случай наступления непредвиденных обстоятельств. На зогаллинском кладбище предусмотрели место для захоронения, если Исфандияр решится порвать с этим миром.

Одним словом, ничего не предвещало хорошего конца, Исфандияр продолжал температурить, с ложки глотками пил кипяченую воду и ничего не ел, целыми днями лежал с закрытыми глазами. А когда открывал их, первым делом тихим голосом звал дочку и проговаривал:

– Нет, мне нельзя умирать, я должен дочку поставить на ноги.

В течение дня и ночи, по рассказам дежурных, он несколько десятков раз повторял эти самые слова. В первые дни, когда он произносил их, дежурные и проведывающие земляки жалели его, как могли, успокаивали. Дежурившие возле постели соглашались с ним, что ему на самом деле рано умирать, обнадеживали его, что всё обойдется, он выздоровеет, хотя общий негласный вердикт был неутешительным. После предупреждения Кара-дайы о возможной скорой кончине больного, привыкшим к всяким жизненным жестокостям зогаллинцам надоели слова Исфандияра, и они перестали обращать на них внимания, ожидая скорого его конца. Исфандияр

продолжал температурить, продолжал с ложки глотками пить кипяченую воду, ничего не есть и продолжал лежать с закрытыми глазами. А когда открывал их, первым делом тихим голосом звал дочку и привычно проговаривал:

– Нет, мне нельзя умирать, я должен дочку поставить на ноги.

Местный мулла появился у Исфандияра на пятый день его болезни, присущим только представителям духовенства чутьем полагая, что потом может быть и поздно. Но чутье подвело его, к тому же, как только мулла зашел в комнату, Исфандияр тут же открыл глаза, презрительно посмотрел на него и заявил ему, что зря тот пришел и зря радуется, он обязательно выздоровеет.

– С чего ты взял, что я радуюсь? – оправдывался мулла. – Я пришел навестить тебя, как земляк больного земляка.

– Ага, – ответил ему тогда больной Исфандияр, – а книжку с собой прихватил на всякий случай, да? – указав на маленькую молитвенную книжку, которую мулла держал под мышкой.

Открытое ношение молитвенной книжки муллой в зогаллинской среде всегда считалось плохой приметой. К тому же Исфандияр ненавидел его, поэтому опрометчивость муллы вышла ему боком. Он тут же припрятал молитвенную книжку во внутренний карман, посидел молча еще полчаса и ушел.

– Да будет Аллах тебе помощником в твоем исцелении, – сказал он на прощание.

– Иди, иди! – вслед произнес Исфандияр. – Чтобы ты никогда больше не мог достать свою книгу из кармана!

Грубить мулле в Зогаллы в те годы не было принято, но случай был особенный.

– Чтоб я его тут больше не видел и не слышал! – предупредил родню Исфандияр и тихо добавил: – Если уж мне суждено умереть, этого шайтана не приводить ко мне во двор! Пригласите муллу из соседней деревни, а если никого не найдете, хороните без муллы!

Знавшие предысторию их отношений присутствующие промолчали, а Исфандияр чуть позже, опять-таки слабым голосом, добавил:

– Нет, мне нельзя умирать, я должен дочку поставить на ноги.

Восьмую ночь у больного Исфандияра на дежурство заступил Придурок Муса, потому как почти все мужчины деревни к этому дню уже дежурили. Тот сам изъявил желание дежурить у постели больного:

– Может, мое дежурство ему поможет, и он выздоровеет, – перед дежурством сказал Придурок Муса и будто в воду глядел.

Дать прозвище «Придурок» человеку, носящему имя одного из пророков, могли только зогаллинцы, хотя, честно говоря, на это они имели полное основание. Придурок Муса в принципе был мужчиной очень даже уравновешенным, но в часы замутнения рассудка он выходил к зогаллинскому источнику, который находился как раз напротив дома Исфандияра, и ругал всех подряд. В эти минуты он не щадил никого, мог самыми грязными словами выругать и женщин, и мужчин, и партийных, и беспартийных, и председателя колхоза, и главу сельсовета. Беда была тому, кто по осторожности призывал его к сдержанности. Тогда Придурок Муса заводился еще сильнее. Знающие его характер зогаллинцы, как правило, в такие минуты ему не отвечали, и через час-другой Придурок Муса сам удалялся домой. Когда он выходил к источнику, зогаллинцы старались не ходить к воде. Больше всех доставалось родному отцу Придурка Мусы – тот, бедный, старался затащить его домой, призывая сына иметь мужское достоинство, не сквернословить.

– Будь мужчиной, не ругайся! Дети, женщины – все на тебя смотрят!

А Муса только этого и ждал.

– Кто бы говорил о мужском достоинстве, – отвечал он родному отцу. – Наплодил Придурка и считаешь себя мужчиной? Прочь с моих глаз!

На следующий день, как ни в чем не бывало, Муса здоровался со всеми и вместе с отцом с утра уходил на колхозные работы.

Так вот, в этот майский теплый вечер, когда Придурок Муса заступал на дежурство, возле больного находились еще и проведывающие его. Оказывается, в момент, когда заходил Придурок Муса в комнату, больной в очередной раз повторял свое любимое выражение:

– Мне нельзя умирать, я должен дочку поставить на ноги.

Видимо, Придурок Муса знал о предсмертных причитаниях больного, но сам своими ушами хотел услышать их, поэтому тут же попросил Исфандияра повторить, что именно ему нельзя. Присутствующие все замолчали от неожиданного вопроса, а больной Исфандияр взял и повторил:

– Мне нельзя умирать, Муса, я должен дочку поставить на ноги.

Тут-то и заклинило Придурка Мусу: оказывается, для этого ему необязательно было выходить к источнику. Возможно, на Мусу подействовала близость источника к дому больного. Как бы там ни было, Придурок Муса отчитал больного с использованием всего арсенала нецензурных выражений, имеющихся в его лексиконе:

– Ну что ты заладил, Исфандияр? «Мне нельзя умирать, мне нельзя умирать». А кому можно? Мне можно, да? Или, если мне некого поставить на ноги, то я должен сейчас же протянуть свои ноги и умереть, да? Ты в своем уме, Исфандияр? Тебе, больному, нельзя умереть – мне, здоровому, можно, да? Анассыны твою!..

Рассказывают, что после этих слов Придурка Мусы проведывающие, забыв, где они находятся, начали громко смеяться. Воодушевленный Придурок Муса стал дальше отчитывать больного:

– Мы все под Аллахом, Исфандияр, опомнись! Когда тот сочтет нужным, тогда и заберет любого из нас. А то ты надоел уже всем своими «мне нельзя умирать»! Зачем ты муллу обидел? Говорят, что он ушел очень недовольный. Боится сейчас взять в руки молитвенную книжку! Если тебе на самом деле нельзя умирать, так хватит лежать, вставай и живи дальше!

Не ожидавший столь грубого к себе отношения со стороны Придурка Мусы, Исфандияр готов был ту ночь провести один, без дежурного. Но Придурок Муса не собирался уходить.

– И знай, – предупредил он вдобавок ко всему сказанному, – не собираюсь я тебя всю ночь с чайной ложки по глотку поить! Сейчас выпьешь стакан горячего чая, я тебя накрою, и ложимся спать. Утром встанешь – хорошо, значит выжил! Помрешь – тоже не беда, похороним до обеда, как положено, и забудем тебя. И ребенка твоего поставим на ноги. Вот теленок во дворе, ждет твоей участи. Хоть его пожалей! А то, видите ли, ему нельзя умирать, а остальным можно.

Придурок Муса напоил Исфандияра горячим чаем с вареньем, накрыл его толстым шерстяным одеялом и сказал:

– А сейчас спать! И только попробуй умереть!

То ли от слов Придурка Мусы, то ли наверху на самом деле решили, что Исфандияру рано умирать, в ту ночь он потел несколько раз и несколько раз просил у Придурка Мусы горячего чая. Тот не отказывал Исфандияру, грел чайник на огне и поил его. При этом каждый раз отчитывал больного:

– Мне нельзя умирать, мне нельзя умирать! Раз нельзя, не умирай. Никто тебя не заставляет.

К утру температуру будто рукой сняли, как по команде, жар сошёл, и пришедший в себя Исфандияр едва слышным голосом начал жаловаться на горло. Стало понятно, что болеет он тяжелой формой ангины. Обрадовалась родня, обрадовались соседи, в целом обрадовались все зогаллинцы, которые готовились к его похоронам.

Придурок Муса возомнил себя спасителем, он и на следующий день не отходил от Исфандияра. Всем проведывающим рассказывал, как он его вылечил.

– Напоил горячим чаем, накрыл теплым одеялом, и всё! Еще предупредил, что пусть сейчас только попробует умереть! А то, «мне нельзя умирать, мне нельзя умирать…»

У ничего не евшего восемь дней голодного Исфандияра стали спрашивать, как положено в таких случаях, что он хочет есть, что его душа желает? Народу, оказывается, в то утро собралось много, каждый хотел чем-то угодить ему. А Исфандияр, долго не думая, тихим голосом, но так, чтобы все услышали, взял и ляпнул:

– Есть я особо ничего не хочу, вот если бы была моченая в деревянной бочке груша, ее я бы съел. Точнее, даже не ел бы, – продолжил он, – а сперва выпил бы стопочку нашей водки, потом закусил бы такой моченой грушей.

И стал Исфандияр рассказывать, как он впился бы в нежную мякоть груши, и как его рот наполнился бы соком, вкус которого не передать словами.

– После этого и помирать можно, – заключил, оказывается, Исфандияр и закрыл глаза.

Присутствующие оглянулись, многие подумали, что, наверное, все-таки рано обрадовались, что Исфандияр пошел на поправку. Может, это предсмертное улучшение состояния больного, подумали зогаллинцы. Как бы там ни было, случилось непредвиденное, и самое главное, пожелание Исфандияра невозможно было исполнить. Где возьмешь в конце мая моченую в деревянной бочке грушу? Все зимние запасы давно были съедены. У присутствующих самих потекли слюнки при упоминании моченой груши.

Тут же не отходивший с утра от Исфандияра Придурок Муса ответил Исфандияру:

– Где же мы тебе сейчас, в конце мая, возьмем моченую грушу, Исфандияр? Ты в своем уме? Проси то, что можем найти. Вот огурцы соленые можем найти. Может, водку попробуешь с солеными хрустящими огурцами? Чем не закуска, а, Исфандияр? И я, если надо, выпью с тобой на пару.

Среди присутствующих нашлось много желающих составить компанию Исфандияру, если тот согласится выпить водку, закусывая солеными огурцами. Но не тут-то было. Исфандияр, открыв глаза, долго смотрел на Придурка Мусу, предложившего ему соленые огурцы вместо моченых груш, и произнес:

– Засунь себе в задницу свои хрустящие огурцы! Я грушу просил, – и опять закрыл глаза.

Ответ был насколько неожиданным, что присутствующие все замерли. Потом кто-то прыснул громко, и через секунду к нему присоединились остальные. Смех был настолько громким, что если бы в тот момент Исфандияр на самом деле был мертвым, его можно было этим смехом разбудить.

Как говорит Кара-дайы, еще никто в этом мире смехом не воскрешал мертвого, но степень нанесенного унижения под всеобщий смех намного больнее переносится, нежели, если бы тебя опозорили без людского глаза. К тому же, по словам того же Кара-дайы, даже если ты находишься при смерти, ни в коем случае нельзя оскорблять проведывающих и дежуривших у твоей постели. Потому как, возможно, ты сам не раз дежурил у постели больного или умирающего. По словам того же Кара-дайы, многие умирающие почему-то думают, что оставшиеся в живых кайфуют, именно из-за этого они перед самой смертью становятся злыми. Но предпочтительнее уходить добрым, считает Кара-дайы, чтобы потом тебя таким и запоминали.

На чей предсмертный опыт ссылался Кара-дайы при подобных нравоучениях, я у него не спрашивал, но оснований не верить ему у меня никогда не возникало.

А Придурок Муса, всю свою жизнь привыкший сам посылать и оскорблять односельчан, от подобной дерзости Исфандияра ошалел. Ответ Исфандияра ему в части применения соленых огурцов был настолько неожиданным, что он покраснел, молча надел кепку, покинул комнату.

И прямиком направился к источнику. Деревня застыла. Узнавшие о нахождении Придурка Мусы возле источника зогаллинцы не стали ходить за водой, стали ждать, пока тот покинет свое любимое место. Но тех, кто не был наслышан о нахождении Придурка Мусы возле источника и по обыкновению ходил к воде, ждал приятный сюрприз. В тот день Придурок Муса никого не ругал и не сквернословил. Всем встречным он рассказывал о том, как помог Исфандияру выздороветь и каким неблагодарным тот потом оказался:

– Всю ночь поил горячим чаем, помогал ему менять белье. Накрывал теплым одеялом. А утром, придя в себя, знаете, что он просил?!

Удивленные мирным рассказом Придурка Мусы останавливались и спрашивали:

– И что же, интересно, он у тебя просил?

– А просил он моченую в деревянной бочке грушу. Вот что он просил. И это в конце мая. Совсем умом свихнулся Исфандияр, анассыны! – лишь в самом конце своего короткого повествования о ночном дежурстве он слегка выругивался в адрес Исфандияра, что слушателями воспринималось временами даже одобрительно.

Зогаллинцы смеялись рассказу Придурка Мусы, хвалили его, говорили ему, какой же он молодец, что вылечил Исфандияра.

– Вот сколько сейчас времени? – в ответ спрашивал у недогадливых земляков Придурок Муса.

– Около часа дня, скоро обед, – отвечали ему земляки, не зная, к чему он интересуется временем.

– Вот именно, около часа дня, – соглашался Придурок Муса, – если бы не я, сейчас возвращались бы с кладбища, похоронив Исфандияра. Чего тянуть, а погода-то какая жаркая.

– Если бы не ты, может, так и было бы, – поддерживали зогаллинцы Придурка Мусу, лишь бы тот не сквернословил.

– Так я об этом и говорю! А он живой, и подавайте ему моченую в деревянной бочке грушу! И это в конце мая! Анассыны!

К концу дня не только все зогаллинцы, но и окрестные мугальские деревни знали, что Исфандияр выздоровел и мечтает о моченой в деревянной бочке груше. И это в конце мая. И все, как правило, разводили руками:

– Где в конце мая возьмешь моченую грушу?

А Исфандияр тем временем с того дня пошел на поправку, избавил родню от траурных хлопот, продлил жизнь не только себе, но и, как просил его Придурок Муса, молодому теленку. Через десять дней он встал на ноги и вышел в народ, но к этому времени за ним уже было закреплено прозвище: «Мечтавший в конце мая о моченой груше».

Данное прозвище по сей день считается самым длинным прозвищем за всю историю Зогаллы. Автором прозвища считается Придурок Муса, который вместо моченой груши неудачно предложил больному тогда Исфандияру на закуску соленые огурцы. Придурок Муса до конца жизни упорно отрицал свое авторство, считая прозвище Исфандияра единым общезогаллинским мнением.

– Не я один в то утро был у Исфандияра, – отвечал он, скромно уходя от авторства.

***

Так и называли старика Исфандияра вплоть до его настоящей смерти. Позже почему-то считалось, что настоящая смерть Исфандияра определенно затянулась, хотя даже по зогаллинским меркам он прожил не столь длинную жизнь. Когда речь заходила о нем, зогаллинцы моментально уточняюще вставляли, несмотря на то, что

он был единственным Исфандияром в Зогаллы: «О каком Исфандияре идет речь? О том, который в конце мая мечтал о моченой груше? Тогда все понятно».

Исфандияр спокойно принял присвоение ему прозвища. В первое время, как сегодня рассказывают зогаллинские старожилы, он даже подправлял тех, кто по-старому обращался к нему как «дядя Исфандияр», моментально исправляя того с присущим ему юмором:

– А про грушу забыл?

Со временем произносить каждый раз такое длинное прозвище зогаллинцам поднадоело, и они постепенно стали его сокращать. Сначала они перестали указывать в прозвище период мая, когда Исфандияр мечтал о моченой груше, коротко между собой называя его «Исфандияр, мечтавший в мае о моченой груше». Через какое-то время и такое прозвище еще раз показалось им слишком длинным, и они вовсе перестали указывать месяц, в котором тот мечтал о моченой груше. К семидесятым годам трансформация прозвища привела к тому, что его стали называть просто «моченой грушей». А хоронили его с привычным для зогаллинцев однословным прозвищем – «Груша Исфандияр».

***

История с получением Исфандияром прозвища была бы наполовину занимательной, если не рассказывать о его второй жизни, о его жизни после получения прозвища и о его внуке, носящем имя дедушки. С получением прозвища преобразилась жизнь Груши Исфандияра, точнее, она стала более определенной для него. Исключив напрочь из домашнего хозяйства содержание лошадей и буйволов, перестав общаться с муллой до самой смерти последнего, Исфандияр после выхода на пенсию переключился на выращивание индюков, что в ту пору в Зогаллы было нетрадиционным направлением в содержании птиц в домашнем хозяйстве. Во дворах зогаллинцев в те годы предпочтение отдавалось курам, уткам и гусям. Индюки считались капризными и тяжело поддающимися разведению птицами. Азарт, с которым приступил к делу Груша Исфандияр, в первое время изумил односельчан, но его тяжелый труд дал такой положительный результат, что побочным эффектом явилось увлечение со временем всех зогаллинцев разведением индюков. Сегодня трудно представить зогаллинский двор без этих неординарно булькающих птиц.

А начинал Груша Исфандияр с двух пар индюшек, купленных им на алиабадском базаре. В лучшие годы, по его собственному признанию, количество этих птиц у него доходило до трехсот, иногда даже переваливало эту цифру. За десять лет работы с индюками Грушей Исфандияром был разработан собственный метод ухода за ними, начиная с птенцов и до взрослых птиц, которыми он охотно делился с односельчанами. Он не только бесплатно отдавал десяток-другой яиц всем желающим своим землякам, которые тоже намеревались заниматься разведением индюков у себя и обращались за помощью к нему, но и инструктировал о способах ухода за ними. Однако какими бы старательными ни были земляки, достичь уровня Груши Исфандияра в разведении индюков по сей день никому не удалось. Всем тонкостям искусства ухода за индюками Груша Исфандияр научил сперва дочь, позже и зятя, а те, в свою очередь, передали эстафету его внуку, младшему Исфандияру.

– От своих индюков я каждый год получаю денег на новые «Жигули», – как-то похвастался он среди земляков, – и несу и кладу на сберкнижку, собираю внуку. Пусть вырастет и потратит, на что сам захочет.

Уже в наши дни, рассказывая о дедушкином богатстве, младший Исфандияр как-то признался мне, что он так и не смог сполна воспользоваться собранными ему деньгами. В момент развала Страны Советов, по его словам, на сберкнижке накопилось около шестидесяти тысяч рублей, и в течение года эти деньги обесценились и превратились в копейки. Возможно, он воспользовался бы ими, но дело в том, что он

не смог снять их со счета, и они потерялись. Только в наши дни младшему Исфандияру была компенсирована какая-то сумма за утерянные сбережения.

– И за это спасибо, – часто повторяет младший Исфандияр, когда речь заходит об этих деньгах. – Хоть что-то вернули, могли и это не вернуть.

Вернемся к старшему Груше Исфандияру, который достиг невиданных высот в деле разведения индюков в домашнем хозяйстве, в чем ему активно помогала дочь, Санам.

Невезучесть отца в семейных делах в какой-то мере унаследовала и дочь, которая долго не могла выйти замуж. Дело в том, что большинство родившихся после войны в Зогаллы детей по злому стечению обстоятельств оказались девочками, и в деревне не нашелся жених для нее. А вышла она замуж, когда ей было двадцать пять лет, что по зогаллинским меркам в те годы считалось очень поздно. Через каких-то дальних знакомых для нее в мугальской деревне нашли жениха, намного старше нее. В день свадьбы жених вместо того, чтобы забрать невесту к себе, сам вошел в ее дом. Когда односельчане упрекали Грушу Исфандияра в том, что выдал дочь за мужика намного старше дочери, к тому же за мугала, и интересовались возрастом зятя, разницей в возрасте между зятем и дочерью, тот в свойственной ему манере отшучивался:

– Какая там разница? Зять довоенного выпуска, а моя дочь – послевоенного. Вот и вся разница, сейчас посчитайте, сколько получается.

Зять Груши Исфандияра в повседневной жизни оказался неспокойным и здоровым бугаем, редко выходил на улицу, целыми днями занимался домашним хозяйством. Почти каждый день со двора Груши Исфандияра доносился его громкий злой голос – он изощренно бранился, ругая невинных индюков: стало ясно, что в сквернословии с ним в Зогаллы мало кто сможет соревноваться. Поговаривали, что у него имеется справка, поэтому он такой злой и поэтому он в колхозе не работает. О какой справке шла речь, никто из зогаллинцев не знал и сегодня не знает. Действительно, зять Груши Исфандияра никогда не ходил на колхозные работы, целыми днями возился с «индюками тестя», как он выражался. При жизни Груши Исфандияра он считал индюков собственностью исключительно своего тестя.

– Я как наемный работник, целыми днями вожусь с его индюками, – в минуты отчаяния бывало соседям он жаловался. – С утра до позднего вечера кручусь-верчусь, голову почесать некогда.

Часто от зятя доставалось и Груше Исфандияру, но тот предпочитал молчать. Еще рассказывают, что с появлением мугальского зятя в Зогаллы Придурок Муса перестал выходить на источник для излияния души, добровольно уступив неблагодарное занятие сквернословия приезжему мугальскому зятю Груши Исфандияра.

– Даже слушать не хочу, – отвечал Придурок Муса некоторым зогаллинцам, которые в шутку предлагали ему наконец-то показать свое искусство и заткнуть рот зятю Груши Исфандияра. – Разве нормальный человек станет ругать индюков? У человека справка, нормальному человеку справку не дадут. Я, слава Аллаху, обхожусь без справки и никогда плохо в адрес животных не выражался.

Никто в Зогаллы долгое время не знал имени зятя Исфандияра, между собой зогаллинцы называли его Мугалом. А когда стало известно его настоящее имя, было уже поздно отучать зогаллинцев, до самой смерти продолжали его так и звать. Дети звали его «дядей Мугалом», он не обижался.

Мугал был достаточно тупым и архаичным человеком, долгие годы не разрешал Груше Исфандияру покупать домой телевизор.

– Я сыт кулдыканьем твоих индюков, – кричал он на Грушу Исфандияра, когда речь заходила о необходимости купить домой телевизор. – Я за целый день так от них устаю, что только твоего ящика не хватает, чтобы еще вечером мне оттуда голову морочили. Мне дневных песен твоих индюков достаточно.

Груша Исфандияр первым среди зогаллинцев освоил точную диагностику определения яйценоскости индюшек, применив собственный метод. Как всё гениальное, метод Груши Исфандияра был очень прост: по утрам, прежде чем выпускать индюшек в фундуковый сад для выпаса, он проверял их. В отличие от кур, начинающие нести яйца индюшки несут их не каждый день, а, как правило, через день. И что интересно, они любят нести яйца на природе, где-нибудь в кустах фундуковых деревьев. И найти конопатые яйца, снесенные огромной толпой индюшек в фундуковых кустах, становилось проблемой. А лишаться значительных денег, которые он зарабатывал от продажи яиц, не собирался.Вот тут-то и пригодился ему собственный метод.

День для Груши Исфандияра и его индюшек начинался с утреннего осмотра, который занимал больше двух часов. Груша Исфандияр сидел перед индюшатником на низком табурете, дочь и зять по одной подносили ему индюшек-несушек на осмотр. Вводя маленький палец в заднее отверстие индюшек, Груша Исфандияр со стопроцентной точностью определял, снесет сегодня яйцо та или иная индюшка или нет. Что, в свою очередь, естественно, резко ограничивало свободу самой индюшки в выборе мест для несения яйца. Отобранным Грушей Исфандияром для несения яиц индюшкам приходилось в тот день оставаться запертыми в индюшатнике, пока они не произведут на свет ожидаемые от них яйца. По словам близких, родных и соседей Груши Исфандияра, за всю долгую практику он ни разу не ошибся в определении яйценоскости индюшки. Поэтому крики, поднятые запертыми индюшками, требующими их немедленного освобождения, никогда не имели положительной перспективы, пока те не сносили ожидаемый от них продукт.

Мне в зрелые годы не раз приходилось наблюдать за поведением индюшек Груши Исфандияра после принесения им яиц, благо, его двор хорошо просматривался с нашего двора. Я уже как-то писал, что самым крупным наблюдателем за поведением птиц в Зогаллы в те годы являлся Кара-дайы, он же меня пристрастил к этому делу. По словам Кара-дайы, наблюдать за птицами он начал за год до призыва в армию. В первое время он наблюдал за поведением домашних кур, со временем переключился и на других пернатых. А в армии, по образному его выражению, он наблюдал и «за более интересными птицами», ехидно улыбаясь и давая понять, что его действия при этом не ограничивались только наблюдением.

Так вот, наблюдая за запертыми индюшками, выбранными Грушей Исфандияром, я быстро определил форму их поведения. В первые минуты пребывания за закрытыми дверьми они поднимали невиданный шум, на что Груша Исфандияр реагировал очень спокойно.

– Что вы кричите, – обращался он к индюшкам. – Чем быстрее снесете, тем быстрее и уйдете на свободу!

Со временем индюшки действительно притихали и недовольно пробирались в оборудованные из ящиков гнезда, где они должны были снести яйца. После того, как снесут яйца, индюшки второй раз поднимали крик, на этот раз законно требуя освобождения. Но прежде чем отпускать их на волю, Груша Исфандияр дополнительно проверял индюшек, выпуская только добросовестных и оставляя тех, которые под шумок собирались выйти на свободу, не произведя требуемые от них яйца. В последние годы своей жизни Груша Исфандияр потерял зрение, почти ослеп и видел слабо. Несмотря на это, он каждое утро продолжал заниматься любимым делом и без ошибки с первого раза втыкал маленький палец в задницы индюшек под недовольный их писк.

Однажды всё-таки ошибся в своем диагнозе Груша Исфандияр.

Кто-то из моих друзей во время нашего очередного наблюдения, что являлось результатом нашего безделья, предложил отдать ему на проверку молодого индюка, по размерам мало в чем отличающегося от индюшки.

Дурь всегда интересна увлекательностью, идея нам понравилась, и мы вошли к нему во двор. Указав маленькому Исфандияру, который в то утро подносил индюшек дедушке на проверку, чтобы тот промолчал, мы поймали в индюшатнике молодого индюка и отправили на проверку.

В отличие от индюшек, которые за годы проверок привыкли к ежедневным экзекуциям в виде проникновения в их задницы пальца Груши Исфандияра, молодой индюк сперва яро сопротивлялся, но, как вы уже догадались, безуспешно. Это со зрением у Груши Исфандияра были проблемы, а в остальном он действовал ловко, хотя с первого раза у него ничего не получилось.

– Она что, без задницы, что ли? – сказал громко Груша Исфандияр, взял за горло индюка левой рукой, засунул его крылья под левую же мышку и крепко зажал их, лишив его орудия сопротивления, и с третьего раза воткнул-таки палец в вожделенную дырку. Поковыряв пальцем в заднице птицы секунд пять, он вернул ее внуку, указав на индюшатник.

– Эту тоже оставлять, – сказал он внуку, возвращая индюка под наш веселый смех.

Неординарный и безошибочный метод определения яйценоскости индюшек, применяемый Грушей Исфандияром в своем домашнем хозяйстве, в те годы сильно заинтриговал Абид-муаллима. Он несколько раз по утрам приходил к Груше Исфандияру, участвовал в процессе определения яйценоскости индюшек и делал какие-то заметки в своем блокноте.

К концу осени в Зогаллы приехал фотограф из районной газеты и сфотографировал Грушу Исфандияра в окружении индюков. Не прошло и трех дней, как в районной газете вышла небольшая статья, но с большой фотографией, об умелом пенсионере из Зогаллы, написанная Абид-муаллимом. В день выхода газеты Абид-муаллим со свежим экземпляром газеты появился во дворе Груши Исфандияра и показал ему результат своего труда. Тот долго не мог оторваться от газеты, почему-то сильно удивлялся схожести фотографии, напечатанной в газете, с собой.

– Ну, надо же, а, – несколько раз повторил он. – Ну, Абид-муаллим, даже не знаю, как вас отблагодарить. Прославили меня на весь район!

Абид-муаллим тут же заявил, что это только начало. Не только район, но и вся республика должны знать об этом передовом методе, а позже надо будет известить всю страну.

Оставив газету Груше Исфандияру, он ушел, на выходе еще раз повторил:

– Это только начало!

На следующее утро Груша Исфандияр лично занес Абид-муаллиму домой первую тушу здорового индюка, таким образом отблагодарив его за статью в районной газете. Тот поначалу не хотел брать индюка.

– Считаю своим долгом писать о передовых людях Зогаллы! – торжественно заявил тогда Абид-муаллим, отталкивая сумку с тушкой индюка. – Если не я, то кто тогда?

Тут оба задумались. Действительно, кто-то должен известить мир о том, что Зогаллы – не забитый край. Если не вышли из Зогаллы знаменитости, ученые, профессора, это же не говорит о том, что тут живут глубоко отсталые люди? А когда Абид-муаллим сказал Груше Исфандияру, что на всю страну будем патентовать его метод определения яйценоскости индюшек, тому даже показалось, что надо было забить хотя бы пару индюков.

– Метод зогаллинского Исфандияра! Вот так и назовем твой метод! – завил Абид-муаллим.

После таких слов воодушевленный Груша Исфандияр, можно сказать, силой заставил Абид-муаллима взять сумку с тушкой индюка, хотя тот сам в конце начал было сомневаться, не сильно ли упорствует в отказе взять сумку.

Таким образом была заложена форма расчетов между Грушей Исфандияром и Абид-муаллимом за работу последнего в деле популяризации метода первого. Обращение к райкому с письмом Груша Исфандияр тоже оценил в одного индюка, принесенного им Абид-муаллиму.

Дальше пошли письма в республиканские инстанции, после каждого из них Абид-муаллим добросовестно отчитывался перед Грушей Исфандияром. А тот, в свою очередь, подносил ему очередную тушку индюка за проделанную работу. Что интересно, ни от одной инстанции ответов на отправленные письма и обращения не приходило. Районные и республиканские инстанции молчали.

Тогда Абид-муаллим решился на более отчаянный шаг.

– Будем писать в Москву, они-то уж нам точно ответят! – поднял ставки Абид-муаллим, известив о своем решении Грушу Исфандияра, и стало ясно, что на этот раз тому одним индюком не отделаться, обращения в Москву стоят дороже.

Абид-муаллим решил отправить Грушу Исфандияра на ВДНХ в Москву, чтобы тот на самой лучшей выставке страны показал свой метод и заодно поделился опытом разведения индюшек в домашнем хозяйстве. В своих письмах в Москву Абид-муаллим подробно описывал суть метода, не стесняясь, указывал, путем введения какого именно пальца и на какую глубину задницы птицы определяется, снесет сегодня она яйцо или нет.

Идея участия в выставке ВДНХ и перспектива поездки на старости лет в Москву так заинтриговали Грушу Исфандияра, что в ту зиму он подарил Абид-муаллиму еще четыре туши индюшек. Абид-муаллим, хотя и старался вовсю, но из большинства инстанций в Москве или вовсе не было ответов, или же писали о нецелесообразности данной поездки. Позже, анализируя ответы Москвы о нецелесообразности участия Груши Исфандияра в выставке ВДНХ, Абид-муаллим неожиданно для себя вычислил причину отказов:

– Не стоило, наверное, указывать, каким именно пальцем Груша Исфандияр определяет яйценоскость птицы, – как-то поздним зимним вечером, в момент очередного раздумья, тихо произнес он. – Москва всегда предпочитала и сегодня предпочитает работу с указательным пальцем.

Пока Москва молчала, весной неожиданно ответила столица Азербайджана. В одном полученном из Баку письме, где тоже отвергалась возможность поездки в Москву, указывалось на возможность участия Груши Исфандияра в намечаемой в мае месяце сельскохозяйственной выставке в Баку. В письме также указывалось, что для удостоверения новизны указанного метода в Зогаллы в ближайшее время прибудет небольшая комиссия из райцентра.

И действительно, через неделю после получения этого письма в Зогаллы прибыла комиссия для ознакомления с методом Груши Исфандияра и удостоверения правдивости его результатов на практике.

Комиссия тогда обошлась Груше Исфандияру еще в трех здоровых индюков, зарезанных с вечера. Кроме того, пришлось накрыть большой стол, за которым к обеду собрались не только члены комиссии, но и весь зогаллинский актив во главе с Абид-муаллимом.

Было начало апреля, погода в тот день с утра была изумительная. Но члены комиссии не стали любоваться весенней зогаллинской природой, они с утра занялись собственно тем, для чего прибыли в Зогаллы: приступили к фиксации правдивости описанного в письме метода.

Перед индюшатником поставили стол, и члены комиссии вместе с Абид-муаллимом разместились за ним. Груша Исфандияр сидел на привычном табурете, индюшек подносил на проверку зять Груши Исфандияра – Мугал. Дочь Санам вместе с еще одной соседкой и сестрой Груши Исфандияра были заняты подготовкой обеденного стола.

Для проверки отобрали двадцать индюшек. Поднос каждой индюшки сопровождался бурчанием и недовольством по поводу придуманной тестем затеи со стороны Мугала. Тому с самого начала не понравилась идея поездки тестя в Баку, поэтому в тот день он вел себя странно и агрессивно.

Из двадцати отобранных индюшек для снесения яиц Груша Исфандияр оставил двенадцать, остальных отпустил на выпас. Члены комиссии предварительно проверили гнезда в индюшатнике, убедились, что они пустые. После этого, закрыв на замок дверь индюшатника под недовольный гул индюшек, комиссия села на обед.

Обед был организован на славу, зогаллинское вино текло рекой, желающим наливались также более крепкие напитки. В первых тостах звучали пожелания в адрес виновника застолья и заодно хозяина двора Груши Исфандияра, чтобы способ определения яйценоскости индюшек сегодня сработал на все сто, и чтобы отобранные им индюшки не подвели его. Груша Исфандияр благодарил всех за пожелания, при этом твердо отвечал, показывая всем свой маленький палец:

– Я в нем уверен! Он меня не подведет!

Приезжие также интересовались у Груши Исфандияра, чем он свой палец обрабатывает после проверки яйценоскости птиц? Это раз. А во-вторых, обрабатывает ли свой палец после каждой индюшки? Как-никак, по словам одного из членов комиссии, палец не раз в течение проверки бывает в не очень гигиенически чистых местах. И тут ответ Груши Исфандияра был тверд:

– Ничем не обрабатываю! Проверяю их, а после проверки мою руки, заодно и рабочий палец обыкновенным хозяйственным мылом.

Для убедительности он послал своего внука к рукомойнику, чтобы тот принес находящееся там хозяйственное мыло и показал его членам комиссии. Тут же все члены комиссии возразили, что они ему верят, нет необходимости в демонстрации хозяйственного мыла. Но было поздно. Шустрый младший Исфандияр мигом помчался к рукомойнику, прибитому к старому грушевому дереву, и вернулся с хозяйственным мылом на мыльнице. Большой, коричневый кусок хозяйственного мыла почему-то не понравился председателю комиссии, опрокинув очередной стакан вина, он негромко произнес:

– В Баку с хозяйственным нельзя ехать! Если что, придется снарядить его туалетным мылом.

Все члены комиссии согласились с председателем, закивали головами. Абид-муаллим тоже согласился с ним, подчеркнул, что Груша Исфандияр – человек старой закалки, поэтому моет руки хозяйственным мылом. Хотя большинство зогаллинцев давно в быту наряду с хозяйственным пользуются и туалетным мылом. И если дело дойдет до поездки, он лично проконтролирует этот вопрос и снабдит Исфандияра несколькими кусками туалетного мыла и новой мыльницей.

Председатель районной комиссии чуть позже задал еще один вопрос, который Абид-муаллиму показался провокационным. Посмотрев с полминуты на крестьянские пальцы Груши Исфандияра, он неожиданно для всех присутствующих спросил у него:

– Почему именно маленьким пальцем вы работаете? Он что, особо чувствительный у вас? Или дело в привычке?

Присутствующие за столом зогаллинцы дружно захихикали, услышав столь безграмотный вопрос уважаемого гостя, ведь даже школьнику понятно, что работа с маленьким пальцем намного безболезненнее для птицы. Потому он и называется маленьким, что он по толщине уступает остальным пальцам на руке. Примерно так же ответил и Груша Исфандияр, но перед ответом он продемонстрировал всем членам комиссии свои грубые, покрытые трещинами пальцы:

– Да этим пальцем, – остановился он на указательном пальце и еще раз показал его гостям, – не то что в задницу индюшки, в задний проход коровы и то я не смог бы попасть, – утрировал он.

– Выбор маленького пальца продиктован исключительно соображениями безболезненного осуществления диагностики, – культурно резюмировал Абид-муаллим, и вроде все члены комиссии остались довольны ответом. – Нельзя наносить травму птице, мы исходим из того, что любой подход должен быть гуманным.

Часа через два запела первая индюшка, но, по условиям проверки, члены комиссии подождали еще час, и ровно через три часа подвыпившие и веселые члены комиссии в присутствии Абид-муаллима, Груши Исфандияра, а также заполнивших двор любопытных зогаллинцев открыли дверь индюшатника и выпустили индюшек на волю. Потом два члена комиссии вместе с Абид-муаллимом зашли в индюшатник и приступили к подсчету яиц. Груша Исфандияр, хотя внешне и выглядел спокойным, позже признался, что волновался порядком. Не прошло и трех минут, как члены комиссии, выйдя из индюшатника, громко объявили:

– Двенадцать! – и показали собранные в небольшое ведро яйца.

Тут же посыпались поздравления в адрес Груши Исфандияра. Не успел Груша Исфандияр нарадоваться поздравлениям, случился неожиданный конфуз. Всезнающий Абид-муаллим стал настаивать на составлении протокола, но председатель комиссии почему-то не хотел его составлять, убеждая Абид-муаллима, что в этом нет необходимости. Якобы им такая бумажка не нужна, им поверят и на слово.

– А нам такая бумажка нужна! – твердо подчеркнул Абид-муаллим, сел за стол и собственноручно стал составлять протокол. В члены комиссии он, кроме приезжих, включил себя, Грушу Исфандияра и двух его соседей. Приезжим членам комиссии неохотно, но пришлось поставить свои подписи под составленным Абид-муаллимом протоколом. Затем подписались и местные. Интересное случилось позже. Перед уходом недовольный составлением протокола председатель комиссии вернулся к двери индюшатника, к нему подтянулись другие члены комиссии. Подошли Груша Исфандияр и Абид-муаллим. Председатель комиссии задал якобы два уточняющих вопроса Груше Исфандияру. Сперва он спросил, проверял ли тот свой метод на соседских индюшках или метод отработан исключительно на своих. Груша Исфандияр честно признался, что он никуда со своего двора не выходит, работает только со своими индюшками. Никто из зогаллинцев никогда его и не просил, чтобы он проверял на яйценоскость их индюшек тоже.

Председатель комиссии неодобрительно покачал головой и тихо произнес:

– Метод требует дополнительной обработки.

Вторым вопросом он еще усугубил ситуацию.

– Сможете ли вы, – обратился председатель комиссии к Груше Исфандияру, – определить яйценоскость у мугальских или грузинских индюшек?

– Не думаю, что мугальские и грузинские индюшки чем-то отличаются от наших, но я не буду ковыряться в задницах ни мугальских, ни грузинских индюшек, – резко отверг Груша Исфандияр саму возможность такой проверки.

– Всё ясно, – произнес председатель комиссии, на выходе поблагодарил Грушу Исфандияра за хлеб-соль и, обратившись к Абид-муаллиму, сказал: – Доложим всё вышестоящему руководству и о результатах на днях сообщим! Метод, конечно же, требует дополнительной обработки.

Начались изнурительные дни ожидания решения комиссии. Не только Груша Исфандияр, но и большинство зогаллинцев были уверены в положительном ответе. В узких кругах обсуждалось количество индюшек, которых должен был взять с собой в Баку на выставку Груша Исфандияр. Большинство сходились на том, что для выставки достаточно десяти индюшек, в конце концов, дело же ведь не в количестве птиц, а в обработанности самого метода. Сам Груша Исфандияр, наоборот, расщедрился:

– В Баку поеду с индюшками, обратно вернусь без них. Подарю их там членам правительства, которые, несомненно, придут воочию убедиться в уникальности моего метода.

Скептики советовали для подарка взять с собой еще десяток индюков, потому как подарить выставочных индюшек-несушек будет выглядеть не по-хозяйски.

Большинство зогаллинцев считали обсуждение количества индюшек для вывоза на выставку без положительного ответа комиссии преждевременным, их взоры были обращены в сторону Абид-муаллима.Тот тоже ждал ответа комиссии.

Абид-муаллим терзался сомнениями, последние недовольные вопросы председателя комиссии тогда не очень понравились ему. «Может, не стоило затевать вопрос с протоколом», – укорял он себя, не найдя успокоения.

Через восемь дней председатель комиссии лично позвонил Абид-муаллиму и сообщил не приятный для всех зогаллинцев вердикт: на этот год участие Груши Исфандияра в республиканской выставке комиссия сочла преждевременным. Даст Аллах, будем живы, сообщил председатель, приедем в следующем году, еще раз проверим способности старика, и если он за год не потеряет навыков по определению яйценоскости индюшек, то в следующем году обязательно отправим его в Баку.

Абид-муаллим резко перебил председателя комиссии.

– Нет уж! – закричал он в трубку. – Больше вас кормить мы не намерены! Ни в следующем году, ни еще через год! Столько индюков для вас зарезали, такой стол накрыли, что еще вам нужно было? Зачем нужен был этот цирк? Нельзя было сразу сказать: «Вы туда не поедете»? Что сейчас я старику отвечу? Как я в глаза ему посмотрю? Индюков пустил в расход, накрыл такой стол – чтобы потом вы ему отказали?

– Нет так нет, – тихо ответил председатель комиссии, не выдавая своей радости, – как скажете. С другой стороны, Абид-муаллим, согласитесь, метод у вашего старика какой-то странноватый. Ковыряться в заднице птиц перед участниками выставки негоже уважаемому старику.

Одним словом, не поехал тогда Груша Исфандияр никуда со своими индюшками, страна так и не узнала о его передовом методе определения яйценоскости индюшек путем введения маленького пальца в заднее отверстие птицы.

Но метод быстро распространился среди зогаллинцев, благо, Груша Исфандияр никому из земляков не отказал в его применении на практике. Еще при жизни он научил свою дочь, со временем она научила младшего Исфандияра, внука Груши Исфандияра. Сегодня дети младшего Исфандияра с успехом применяют метод прадедушки, с честью продолжая семейные традиции в разведении индюшек в домашнем хозяйстве.

Только зять Груши Исфандияра не захотел освоить метод тестя, категорически отвергая саму попытку вхождения пальцем в задницу птицы. Еще при жизни ныне покойный Груша Исфандияр несколько раз попытался обучать зятя, когда тот подносил ему индюшек на проверку.

– Ничего трудного тут нет, – объяснял он зятю. – Берешь вот так индюшку, крылья под мышку, держишь рукой, а маленьким пальцем другой руки…

Каждый раз на этом месте Мугал перебивал тестя и кричал:

– Даже думать не хочу! Тебе нравится, ты и ковыряйся там! Не буду я это делать!

Когда в очередной раз Груша Исфандияр хотел объяснить зятю свой метод, показывая маленький палец, того заклинило:

– Да не буду я там ковыряться – ни маленьким пальцем, ни указательным! Может, еще членом проверить прикажешь?! Неужели не ясно?

После таких слов Груше Исфандияру стало ясно, что умрет он, так и не сумев убедить зятя в необходимости изучения метода определения яйценоскости индюшек.

А умер Груша Исфандияр в день открытия Московской Олимпиады, когда он по телевизору смотрел прямую трансляцию этого мероприятия. «Смотрел», конечно, громко сказано – почти ослепший Груша Исфандияр, скорее, слушал телевизор.

Телевизор был куплен за месяц до Олимпийских игр: после долгих уговоров зять дал «добро» на его приобретение. Говорят, Груша Исфандияр обожал телевизор, он сидел перед ним на полу и до последней передачи по вечерам не отходил от него, слушал всё подряд. Во время просмотра-прослушивания открытия Олимпиады у него не выдержало сердце, как шутили тогда зогаллинцы, от переполнения чувством гордости за страну, которая проводила Олимпиаду. Шутки шутками, позже многие зогаллинские злые языки, когда речь заходила о смерти Груши Исфандияра, еще и добавляли:

– Жить бы Груше Исфандияру еще и жить, не будь Московской Олимпиады!

Через месяц после того, как Груша Исфандияр начал обитать на небесах, его мугальский зять у изголовья могилы тестя посадил грушевое дерево, как бы увековечивая его память. Сегодня это огромное, каждый год обильно плодоносящее дерево высотой больше пятнадцати метров. Проживающие поблизости от кладбища зогаллинцы осенью собирают его урожай и гонят крепкую грушовку. Первым тостом обязательно вспоминают Грушу Исфандияра. Говорят, однажды они угостили Придурка Мусу грушовкой, полученной с грушевого дерева у могилы Груши Исфандияра, напиток так ему понравился, что тот посоветовал посадить еще и огурцы вокруг его могилы.

Между прочим, на похоронах Груши Исфандияра речь в очередной раз зашла и о его длинном прозвище, и Байрам-муаллим в очередной раз разочаровал своих земляков. Он указал, что длинное прозвище сегодняшнего покойника, несмотря на то, что в последние годы он носил его в укороченном виде, не идет ни в какое сравнение с длинными прозвищами американских индейцев. И в литературном значении, и в смысловом значении оно якобы сильно уступает длинным прозвищам американских индейцев. Возможно, поэтому зогаллинцы и сократили прозвище Исфандияра. И для примера он тогда привел несколько прозвищ вождей индейских племен:

– Вот, например, какие красивые прозвища у них: «Стоящий, Как Медведь», или, скажем, «Далеко Достигающий Солнечный свет», или же «Облако Громовой Птицы». Не то что прозвище покойного Исфандияра, да ниспошлет Аллах ему милости: «Мечтавший о моченой груше в конце мая». Оскорбительное прозвище за невинную просьбу тяжелобольного человека, в минуты, когда тот температурил и, возможно, бредил.

Большинство зогаллинцев согласились с Байрам-муаллимом в той части, что с самого начала не стоило называть Исфандияра длинным прозвищем, но укорачивать его до Груши тоже не стоило, логичнее было бы называть его в окончательном варианте «Моченой Грушей», и всё! На похоронах Груши Исфандияра Кара-дайы то ли в шутку, то ли всерьез произнес крамольное предположение.

– Если бы в свое время не присвоили Исфандияру прозвище, связанное с грушей, со временем его обязательно прозвали бы индюком. Как по мне, – сказал он, – груша лучше индюка. Да простит Аллах все грехи Груше Исфандияру, сколько индюшек он замучил своим маленьким пальцем при жизни. Аминь!

– Аминь! – произнесли все присутствующие и, улыбаясь, разошлись.

***

Рассказ о прозвище Груши Исфандияра для занимательности хочется дополнить одной историей, случившейся с его внуком, носящим не только имя дедушки, но и его прозвище.

Младший Исфандияр в противовес своему отцу с раннего детства был общительным мальчиком и сегодня таковым остается. В детские годы внешне он выглядел старше своих сверстников, поэтому нередко его можно было видеть в компании ребят, на несколько лет старше него. Высокий, толстенький мальчик в каждый мой приезд в Зогаллы, когда я учился в институте, приходил к нам здороваться со мной

и часами пропадал у нас, задавая от любопытства вопросы. А уходя, делал серьезный вид, каждый раз обязательно приглашал меня в гости.

– Родители в курсе, – просил он так убедительно, что я никогда ему не отказывал. – Завтра в обед, хорошо?

– Индюка зарежешь? – шутил я.

– Сколько хотите, – серьезно отвечал он, – вы только приходите.

Тяга к всевозможным застольям у меня скорее наследственная, в этом я однозначно пошел в Кара-дайы, с которым именно в годы учебы в институте начал интенсивно общаться. Поэтому отказать ребенку в его просьбе я никогда не позволял себе, наоборот, каждый раз с удовольствием соглашался, зная, какой обильный стол ждет меня. Однажды я попросил младшего Исфандияра пригласить еще и Кара-дайы. «С ним намного интереснее будет», – сказал я ему. Дело в том, что отец младшего Исфандияра был непьющим, каждый раз для составления мне компании им приходилось приглашать кого-то из своей родни. Застолье с плохо знакомыми людьми всегда сковывает начинающего оттачивать свое мастерство в этом деле человека, каковым я в те годы являлся. Сегодня, переворачивая страницы истории нашего знакомства с Кара-дайы, я с уверенностью могу сказать, что первый раз спиртное с ним я выпил именно в гостях у внука Исфандияра. А у себя дома Кара-дайы стал угощать меня продуктами собственного изготовления только после моей службы в армии.

Отец младшего Исфандияра никогда не сидел с нами за столом, – просидев несколько минут в самом начале застолья, он покидал нас под предлогом ухода то ли за индюками, то ли за коровой. Но при встречах со мной обязательно подчеркивал, что единственной его мечтой является встреча того дня, когда младший Исфандияр поступит в институт.

– Если что, – добавлял он, понижая голос, – ты нам не чужой, так что буду откровенен: деньги у нас есть! И дедушка оставил, и сейчас на индюках кое-что имеем. Лишь бы он учился.

Младший Исфандияр не подвел родителей, учился он хорошо, по окончании школы поступил в Баку в институт. Всезнающие зогаллинцы утверждали, что поступил он сам, даже не воспользовался при этом дедушкиными деньгами.

В свой очередной отпуск, узнав о поступлении младшего Исфандияра, я решил поздравить его родителей и пришел к ним. Те, как всегда, были заняты во дворе своими индюками. Мое неожиданное появление сильно обрадовало обоих родителей младшего Исфандияра: поздравив их, я не стал засиживаться, несмотря на уговоры.

– Вот приедет Исфандияр на каникулы, тогда и сядем, – сказал я и стал уходить. – Мальчик он умный, так что не волнуйтесь, будет учиться. Не переживайте, – успокоил я их.

Провожая меня, отец Исфандияра успел доложить, что он лично не захотел, чтобы сын в Баку жил в студенческом общежитии:

– Вы же лучше меня знаете, что такое общежитие. Общежитие, образно говоря, это наш индюшатник. – Я не сразу понял, к чему такое сравнение. – И больные индюки есть, и здоровые, и спокойные, и крикливые. Более здоровые и шустрые индюки на ночь взбираются на верхние шесты, а слабым приходится размещаться на нижних. Так вот, каждое утро, выпуская индюков на волю, я вижу, как за ночь верхние индюки обгадили нижних. Я уверен, что в общежитии то же самое происходит! Лучшие места обязательно достаются сильным и шустрым. А мой мальчик с деревенской простотой и добротой будет страдать. Поэтому спасибо моей родне, проживающей в Баку. Подобрали они Исфандияру отдельную квартиру с хозяйкой, хотя предлагали даже в первое время остановиться у них. Я не захотел, зачем быть обузой, если они даже твои близкие. Так вот, хозяйка ему и кушать готовит, и стирает, и убирает. Я, естественно, за всё это плачу ей. Лишь бы наш Исфандияр не отвлекался и учился. И каждую субботу бакинским автобусом передаю ему сумки с едой.

С первой недели как начал передавать, по сей день передаю. И буду передавать. Не голодать же ребенку, когда всего у нас полно. Со всеми водителями бакинских автобусов уже познакомился. Увидев меня, сами останавливают на трассе. За сумку пять рублей берут. А Исфандияр в Баку выходит и забирает.

– Индюшек, наверное, передаете? – пошутил я.

– Обязательно! Как же без индюшек! Вот сколько их во дворе. А для кого работаем? По одной-две тушки каждую неделю. Всё отправляем: и орехи, и фасоль, хлеб свежий из тандыра, сыр в Гахе на базаре покупаю. И масло домашнее. Не в магазин же ему ходить, когда у нас всё есть. Тем более, в магазинах ничего нет.

– Ну, и правильно, – поддержал я его и стал прощаться с ними. Тетя Санам стояла чуть дальше и молчала, кивая головой и поддерживая мужа.

Вдруг этот здоровый Мугал взял меня за руку и неожиданно для меня, умоляюще попросил:

– Оставайся, очень прошу, сейчас зарежу двух индюков, шашлыков сделаем! Хочешь, побегу и Кара-дайы приглашу? Я знаю, тебе нравятся его рассказы. Узнает Исфандияр, что мы не угостили тебя даже чаем, что он нам скажет?

– Оставайтесь, – тихо произнесла и тетя Санам, добрый свет в ее глазах говорил об искренности ее просьбы.

Мне стоило больших трудов убедить их, что сегодня я точно не могу, в следующий раз, с Исфандияром, обязательно сядем и шашлыки сделаем.

– Весь двор ваш, режьте и делайте! Мне не жалко, на здоровье!

– Еще раз я вас поздравляю! – на прощанье сказал я и ушел.

К концу дня, когда уже стемнело, мы сидели дома и пили чай. Я рассказывал домашним, как сегодня отец младшего Исфандияра настаивал, чтобы я оставался на обед у них.

– Грозился зарезать двух индюков и сделать шашлыки, – как бы меж слов отметил я.

Отец сперва слушал меня без особого энтузиазма, ему никогда не нравились мои похождения по гостям во время пребывания в отпусках. Тут он прибодрился и спокойно сказал:

– И зарезал бы! Мугал – твердый мужик и к тому же не жадный!

Вдруг залаяла собака, с улицы окликали нас. Младший брат пошел узнать, кто же к нам пробивается. Через пять минут он вернулся с большой торбой.

– Угадайте, что тут? – улыбаясь, спросил он у нас.

– Нечего гадать, – моментально ответил отец, – там индюки. Когда с улицы звали, я по голосу сразу узнал, что это Мугал.

Действительно, из торбы брат достал и положил на стол две очищенные, выпотрошенные и опаленные тушки индюков.

– Знаешь, – обратился брат ко мне, – он попросил, чтобы обязательно нажарили шашлыков!

– А ты что ответил? – строго спросил отец.

– «Обязательно так и сделаем», – ответил я ему.

– Спасибо ты хоть ему сказал?

– Ничего не сказал. Отдал он торбу и ушел.

***

Еще через год мой отпуск, как всегда, выпал на сентябрь месяц. На самом деле время отпуска выбирал я сам. Сентябрь – идеальный месяц для отдыха в Зогаллы. В сентябре начинается сбор фундука и орехов, в сентябре массово созревают всевозможные фрукты. И самое главное, в сентябре начинается сбор винограда и изготовление нового вина.

Одним словом, в первый же день прибытия в Зогаллы я созвонился с Кара-дайы, и он пригласил меня на следующий день в обед к себе.

Но в тот же день к вечеру брат рассказал мне, что младший Исфандияр тоже в Зогаллы. Летом он в составе студенческого отряда поработал в России, и осенью в сентябре им дали возможность отдыхать дома. При этом брат как-то загадочно добавил, что якобы тот в России то ли какую-то болезнь подхватил, то ли заразился какой-то болезнью, он эти подробности не знает. Но знает, что каждый день отец нанимает легковую машину и возит его в Гах к доктору Рзе на уколы.

О докторе Рзе, работающем в то время в Гахской больнице, я тогда знал немного. Но знал, что на самом деле он не доктор Рза, его так зовут зогаллинцы. На самом деле он молодой грузин, хороший доктор по имени Резо. Для удобства с первого дня его работы зогаллинцы стали обращаться к нему как «Доктор Рза». Благо, и тот был не против, к тому же он хорошо говорил на азербайджанском. Поэтому доктор Резо для зогаллинцев числился как доктор Рза.

В тот вечер я не придал словам брата особого значения, мало ли, чем может заболеть студент в России. Анекдотические подробности я узнал на следующий день.

***

В обед, в назначенное время я был у Кара-дайы. Погода в тот день в Зогаллы стояла солнечная, было время года, когда осенняя дневная жара переносится легко, а о вечерней прохладе днем никто не думает.

Небольшой кухонный стол мы вдвоем перенесли под знаменитое грушевое дерево во дворе Кара-дайы и установили его хотя и в тени, но через начинающие желтеть листья просачивались солнечные лучи.

В те годы наши с Кара-дайы беседы, как правило, начинались с полезности полученного мною в институте образования, точнее, насколько оно оказалось нужным мне. Кара-дайы называл это «полезностью диплома». Под «полезностью диплома» он подразумевал, настолько мой диплом позволяет мне иметь левый заработок.

– Одной заработной платой семью не прокормишь, – утверждал Кара-дайы, и что-то противопоставить его утверждению я тогда на самом деле не имел оснований.

– Пока да, – отвечал я ему, но чтобы сильно его не разочаровать, добавлял: – Пока на одной заработной плате, может, со временем что-то появится.

– Ага, появится! Сиди и жди. Принесут и в лапу положат. Самому надо действовать, – призывал он меня к решительным действиям.

Тут же он приводил пример, скажем, сына того же Гусейна, который работал на приемке табака.

– Два года как закончил сельхозинститут – и машину купил себе, и вот начал новый дом строить. Заочно учился, между прочим, и не в Русете, как некоторые!

Обычно приводилось несколько примеров, где молодые зогаллинские специалисты, собственники новых дипломов, неплохо зарабатывали на жизнь.

Сегодня Кара-дайы решил пойти дальше, в надежде, видимо, таким способом показать ничтожность моего диплома.

– Зачем далеко ходить? – на самом деле издалека начал он. – Тот же Мугал, зять покойного Груши Исфандияра, на индюках имеет в сотню раз больше, чем ты со своим институтским дипломом! Деньги, говорят, уже не знает, куда сложить! Зачем диплом, спрашивается, зачем учеба, когда можно вырастить индюков, поковыряться по утрам в их задницах, и живи себе, как арабский султан!

Мне ничего не оставалось, как соглашаться с Кара-дайы:

– Да, при правильном уходе на индюках хорошие деньги можно поднять.

– Так вернись и поднимай, чего сидишь там? – закричал он на меня и тут же сменил тему: – Завтра мне в Шеки надо ехать по делам, не знаю, кого попросить,

чтобы меня отвезли на машине. Был бы ты у меня толковым внуком, сегодня с твоим дипломом имел бы две машины: одну тут, другую у себя в Русете! И отвозил бы меня, куда надо, при надобности. А так приходится чужих просить, еще и платить.

Я молчал, терпел, знал, что еще осталось немножко, как только мы начнем трапезу, мы перейдем к основной теме наших бесед, и Кара-дайы начнет рассказывать очередную историю из своей героической жизни и оставит в покое меня, недотепу.

Стол был готов, можно было и начинать есть, но не хватало главного.

Из всех качеств Кара-дайы я больше всего не переношу именно это – как он до последней минуты тянет с подносом спиртного на стол. Когда на стол подано всё горячее, остается только начинать есть, а он медлит и медлит. Может, в его возрасте так и надо готовиться к употреблению пищи, но когда за столом молодой, к тому же проголодавшийся человек, приглашенный тобой к определенному времени, думается, в подвал можно было и сходить предварительно. Но Кара-дайы всё это не скажешь, не намерен он менять свою годами отработанную привычку. Вот и сегодня, когда можно было и начинать есть, он медленно встал со стула и неторопливо полез в подвал. А ты сиди, пускай слюни и жди, когда вернется Кара-дайы. Еще и, бывает, хвастается иногда, что, мол, в моем лице он якобы готовит себе замену. Кто-то должен, мол, в роду, после него, так же, как он, организовывать и участвовать в застольях. Я должен признаться, ничего против этого не имею, сегодня, по истечении стольких лет, даже признаюсь: он добился своего! Моя любовь к всевозможным застольям – не только временное увлечение, но часть образа жизни, за что я, конечно же, благодарен именно ему, моему Кара-дайы.

Наконец-то показывается его голова из подвала, к двери которого устремлены мои взоры. Потом он наблюдается по пояс, и картина задерживается. Я знаю, что задержался он, чтобы закрыть дверь в подвал. Задержка с закрытием двери в подвал – самая утомительная, пока он повесит небольшой навесной замок, проходит не одна минута. То он не попадает в проушину на створке двери, то ключ в замке почему-то у него не проворачивается. Даже после закрытия двери он несколько раз дергает замок, будто не подвал с продуктами запирает, а ядерный склад. И что самое обидное, больше полулитра он никогда с первого раза не выносит. Сколько у нас было случаев, когда к нашему столу присоединялись то ли соседи, то ли кто-то из нашей с ним родни, и спиртного, естественно, не хватало. На моей памяти был случай, когда народу набралось достаточно много, и он четыре раза спускался в подвал. Может быть, бывали случаи, когда он и больше ходил, но я не помню. После четырех раз ничего не запоминается. С другой стороны, как всё это запоминать, когда твоя обязанность за столом – сидеть и пить то, что он наливает, и соглашаться со всем, что он говорит.

Наконец-то он показался во весь рост и стал медленно идти к столу. «Давайте же быстрее», – хочется поторопить его, но это не тот случай. Единственным утешением является то обстоятельство, что он сейчас поставит на стол прохладный и крепкий напиток, сам же нальет его в толстые стопочки, и начнется очередная наша беседа.

На этот раз получилось немного иначе. Не дойдя до стола, он громко спросил у меня:

– Что за болезнь такая, триппер?

Хорошо, что мы не ели, а то я точно подавился бы едой. Но я успел взять себя в руки, преодолел наступающий, неминуемый в таких случаях смех и спросил у Кара-дайы:

– Что вы спросили? – я хотел убедиться, правильно ли я в первый раз услышал вопрос.

Кара-дайы уже сел за стол, внимательно посмотрел мне в глаза и повторил свой вопрос:

– Что такое триппер?

– А что это такое? – сделал я удивленный вид, хотя начал догадываться, о чем может идти речь.

– Вот я у тебя и спрашиваю, – грозно ответил мне Кара-дайы. – Мне откуда знать, что такое триппер? Ты у нас в институтах учился в Русете, ты должен знать.

Я продолжал сопротивляться:

– Вы можете объяснить, в чем дело? От кого вы услышали это слово?

Кара-дайы к тому времени уже наливал по стопкам, не дождавшись моего ответа на свой вопрос, поздравил меня с прибытием в Зогаллы, и мы выпили.

Как можно не любить зогаллинскую тутовку, когда даже пятьдесят граммов этой божественной жидкости делает тебя уверенным: пропадает твоя скованность, и наконец-то начинается полноценное общение! Этот немного маслянистый жгучий напиток наполнен ароматом плодов тутовых ягод и каких-то не известных никому горных трав, вкус которых лучше всего воспринимается с первой стопкой. Не знакомому с тонкостями принятия этого напитка покажется, что ничего необычного в этой жидкости нет, водка как водка, но когда через полчаса у него вытянутся губы в широкой улыбке, станет ясно: процесс пошел, уважаемый, не злоупотребляй! Только истинный ценитель может оценить достоинства тутовки и попасть в приятную зависимость от этой жидкости. Около минуты, а может, и больше, ушло на то, чтобы слабую кислинку жесткой тутовки смягчить горячим супом и брынзой: действовали мы с Кара-дайы одинаково и слаженно. Я решил сыграть на опережение и спросил, не дожидаясь повторения его вопроса.

– Так о каком триппере идет речь? – ко мне пришла уверенность.

Кара-дайы положил ложку в тарелку с супом, но продолжал жевать брынзу.

– Откуда я знаю, о каком триппере. Вчера поздно вечером на улице случайно наткнулся на зятя покойного Груши Исфандияра, на Мугала. Темно было, может, я его не узнал бы, но он узнал меня и подошел поздороваться. Я интересовался его сыном, учебой. Он махнул рукой и сердито сказал:

– Ой, не спрашивайте, Кара-дайы…

– А что случилось-то? Учебу не тянет? – спросил я.

Он призадумался, но ненадолго.

– С учебой как раз у него всё в порядке. Летом, когда все студенты отдыхали, ему захотелось поработать в Сибири. Я не хотел давать ему разрешения, но он настаивал, сказал, что все товарищи его едут работать, а в сентябре они будут отдыхать. Вернулся в конце августа, какие-то деньги заработал. Но вижу, что-то с ним не в порядке. И жена заметила. Сколько ни спрашиваем, всё молчит. Потом уже сам не выдержал, подошел ко мне и сказал, что надо ехать к врачу. К какому врачу, что у него болит – ничего не говорил. На следующий день с утра сели в автобус и в Гах. У ворот больницы я не выдержал и спросил у него:

– Ты хоть скажешь, что у тебя болит? Я твой отец, ты мой единственный сын. Мама всю ночь не спала. Ты что, хочешь нас живыми похоронить?

Только тогда он сказал, что ничего страшного, зайдем к доктору Рзе, он все объяснит. Оказывается, к какому доктору надо, он и без меня знал. Ну, и пришли мы к доктору Рзе, к счастью, никого у него не было на приеме. Доктор сам сидел на стульчике, подняв ноги на стол, читал газету. Дверь в кабинет была открыта, он нас не видел, лицо было прикрыто газетой. Тук-тук, постучал я два раза, только тогда он убрал газету и рукой учтиво пригласил нас, будто генерала приглашает.

– Пожалуйста, заходите. Что у вас?

Мы зашли, стоим, вижу, Исфандияр стесняется. А доктор повторяет:

– Слушаю я вас, кто из вас больной.

Я показал на сына, рассказал всё. Как он летом работал в Сибири и как вернулся, ходит, как ужаленный, не дай Аллах. Тут Исфандияр мне и говорит:

– Папа, можно, чтобы дальше я сам все объяснил доктору. А ты подожди, пожалуйста, в коридоре.

Что мне оставалось делать? Вышел в коридор, а сам себе места не нахожу. А они, хлоп, и закрыли за мной дверь. Пять минут, десять минут, ходил по коридору, что только в голову не приходило. Потом сам доктор открыл дверь и пригласил меня:

– Заходите, аксакал!

Захожу, Исфандияр сидит в углу, а доктор Рза не спеша прошел к своему столу и пригласил меня сесть напротив себя.

– Ничего страшного, – говорил он, – не волнуйтесь, аксакал. Мы вылечим вашего сына быстро.

– Вы можете сказать, – ответил я ему, – чем он болеет, что за болезнь у него?

– Ничего страшного, – повторил мне доктор Рза, – главное, вы не волнуйтесь!

– Ну как же мне не волноваться, когда он у меня единственный сын! И почему вы меня успокаиваете? – сорвался я и перешел на крик.

Посмеялся доктор Рза, встал и подошел ко мне.

– У вашего сына такая молодежная болезнь, – сказал он мне, – парень здоровый, видать, погулял немножко в Сибири, дело молодое, с кем не бывает.

Я вижу, что-то недоговаривает доктор Рза, убаюкивает меня.

Опять сорвался и закричал ему:

– У этой болезни мама-папа есть? Как называется эта болезнь, хоть не страшна она? – и встал.

А он мне на плечи надавил – садитесь, мол. А сам продолжает смеяться.

– И мама есть, и папа, – говорит. – Название болезни вам всё равно ничего не скажет.

Но я еще тот мугал, из упертых, говорю доктору:

– Если не скажете, как она называется, сейчас же заберу сына и поеду в Баку к профессору. А на вас нажалуюсь потом.

Только тогда он понял, что я не из простых, хотя на вид чабан чабаном. Но, видно, его задела моя настырность, перестал улыбаться, стал серьезным.

– Раз так настаиваете, – сказал он после некоторого раздумья, – называется болезнь вашего сына «триппер». – Потом еще два раза и по частям: – Трип-пер! Триппер! Понятно? Успокоились? – видимо, испугался, что на самом деле могу пожаловаться.

А Исфандияр, как мышь, сидел в углу и молчал. Я не растерялся.

– Да, сейчас всё понятно, – ответил я доктору Рзе. – И что будем делать?

Он опять начал смеяться:

– Интересный вы человек, аксакал, – сказал он. – Если вам всё ясно, и название болезни знаете, так зачем я вам нужен? Езжайте домой и начинайте лечиться дома сами.

После этих слов доктора Рзы я понял, что не стоило мне так себя вести. С другой стороны, я привел к нему единственного сына, волнуюсь, пусть объясняет мне, что к чему, и всё!

Одним словом, извинился я, сказал, что характер у меня такой. А лечить будет он, потому как государство ему дало образование и его посадило за этот стол, а не меня. А если потребуются расходы, пусть не стесняется.

– Расходы потребуются, – тут же преобразился он. – Вы же знаете, в какое время мы живем, ничего не найти, за всё приходится платить. К тому же лечение это не из дешевых. А что касается самого лечения, не волнуйтесь, за неделю мы его вылечим!

Справедливости ради, сколько я ни просил сказать, во что мне лечение сына обойдется, он не назвал сумму.

– Что дадите, и на этом спасибо! – ответил доктор Рза. – Сегодня же начнем

лечить вашего сына, будем уколы делать. Вы не против? – спросил он у меня, будто я ему коллега, и опять посмеялся.

Отвел сына за ширмочку, уколол его и велел каждый день к десяти часам утра быть у него для укола. Я хотел за первый укол сразу же заплатить ему. Он убрал мою руку и сказал:

– Закончим лечение, потом!

– Доктор Рза, – сказал я ему, – вы не думайте, что мы ничего не понимаем! Вы только лечите моего сына. Завтра я привезу две тушки индюка вашим детям, а в конце заплачу, сколько скажете, деньгами!

Обнял он меня, понял, что человек я не скупой, еще раз успокоил меня, и мы вернулись домой...

Кара-дайы тем временем еще раз налил по стопкам. Но я по глазам его видел, что старик охвачен любопытством, ему не терпится узнать, что за болезнь такая, этот триппер, от которого лечится младший Исфандияр. Прежде чем пить по второй, я невзначай проговорил:

– Надо было спросить у отца Исфандияра, что это за болезнь такая?

– Я и спросил, – моментально ответил Кара-дайы.

– А он что?

– А он, видимо, сам не знает, что это за болезнь такая. Но волнуется. К тому же, доктор Рза ему сказал, что если вовремя не лечить парня, потом у него после свадьбы могут быть проблемы. Мол, если запустить болезнь, парень не сможет иметь детей. Напугал грузин Мугала, видимо, побольше индюков с него за лечение решил запросить.

Мне, если честно, было всё ясно, но тем-то я и отличаюсь от остальных собеседников и слушателей Кара-дайы, что я, как правило, предпочитаю молчать и слушать, всегда и во всем отдаю инициативу ему – Кара-дайы. Он сам задает мне вопросы, сам и отвечает со временем на них, высмеивая мое институтское образование. Мы выпили, молча продолжали закусывать. Но я догадывался, что продолжение следует, не зря он затеял эту беседу. Поэтому возвратил Кара-дайы к разговору:

– Так вылечил Исфандияра доктор Рза или нет?

– Вроде, вылечил, по словам отца. Он ему, как и обещал, и индюшек дал пару, и деньгами заплатил. Но я понял, что Мугал всё равно чем-то недоволен. Не спокоен он, волнуется.

– И чем же он недоволен?

– Доктор Рза сказал ему, что, вроде, было бы лучше, если после лечения анализ взять у парня и проверить, вылечился он полностью или нет. А у него, у доктора Рзы, нет возможности делать этот анализ. Но он может их направить к своему другу, другому доктору, в Мингечаур, для сдачи анализа, чтобы окончательно убедиться в выздоровлении парня. Дал им номер телефона своего друга, объяснил, как его найти в Мингечауре.

– Съездили они уже в Мингечаур? – спросил я.

– В том-то и дело, что пока нет. Они только позавчера закончили лечение. А врач тот, что в Мингечауре, якобы только на русском говорит.

– Съездили бы с парнем, Кара-дайы, – посмеялся я. – Заодно и на русском поговорили бы.

– Я бы с удовольствием, – посмеялся и Кара-дайы, – но отец хочет, чтобы ты съездил.

– Я? – вырвалось у меня.

– Да-да. Именно ты. Вчера ему сказали, что ты приехал, так он, говорят, так обрадовался! И у меня спросил, приехал ты или нет? Я ему ответил, что да, приехал! Завтра в обед ты будешь у меня. Он к тебе еще не приходил?

– Нет, – ответил я.

– Значит, сюда придет, – довольно ответил Кара-дайы. – И это очень хорошо.

– И что тут хорошего? – я понял, что Кара-дайы какой-то каверзный план придумал.

– Давай выпьем, – налил он по стопкам, – сам потом всё поймешь. Только соглашайся на все его просьбы. Надо Мугалу помочь. К тому же Исфандияр – твой друг.

Мы выпили, настроение уже было более чем приподнятое, обычно после третьей стопки Кара-дайы в те годы рассказывал очередную героическую историю из своей военной жизни. Сегодня, видимо, обойдемся без нового рассказа Кара-дайы, но его блестящие маленькие карие глаза выдавали ожидание не менее интересной истории.

– Соглашайся, и всё! Остальное за мной! Наконец-то и от тебя, если повезет, будет польза. А то привык даром пить и есть…

Прошел час, второй, Мугала всё еще не было. Я уже не помню, о чем мы с Кара-дайы в тот день беседовали, но он больше не наливал.

Мы почти протрезвели. К пяти часам солнце медленно ушло за высокий скотный сарай Кара-дайы, и вечерняя осенняя прохлада ускорила процесс выветривания выпитого. Тут как раз не помешало бы еще грамм пятьдесят тутовки, но Кара-дайы упорно не наливал.

– Неужели Мугал передумал? – тихо произнес он после продолжительной паузы. – Или другого нашел?

– Всё может быть, – усугубил я своим ответом его переживания.

– Хоть раз в жизни хотел воспользоваться твоими знаниями, и то не получилось. Видать, твоя бесполезность и наверху известна, – пальцем он указал на небеса.

Потом он приказал жене принести чай, заодно покричал, чтобы халву подсолнечную не забыла.

– А этому дармоеду принеси варенье, – он меня имел в виду.

Я посмеялся, жена Кара-дайы погладила меня по голове:

– Не обращай, сынок, внимания на него! Сам он дармоед, только и умеет целыми днями есть и пить. Пригласить ребенка в гости и такое наговорить! Сдурел!

Что интересно, на этот раз Кара-дайы не ответил жене.

Надежда на то, что придет отец Исфандияра, иссякала, я готовился уходить. И тут, на радость Кара-дайы, залаяла собака.

– Наконец-то, твою мугальскую мать! – грязно выругался Кара-дайы и, подняв голову, приказал мне:

– Иди, веди его! Я ему сейчас покажу! – направил он меня, как конвоира, будто предстоял допрос немецкого военнопленного.

Мугал тепло обнял меня, не дал мне ничего сказать, только войдя во двор, начал жаловаться:

– Ты, видать, не в курсе, что натворил твой друг? – он имел в виду своего сына.

– Только вчера приехал, – тихо произнес я. – Хороший у вас сын, что же он натворил?

– Ага, хороший, – повторил отец Исфандияра мои слова на ходу, – очень даже хороший!

Мы прошли скотный двор, открыв деревянную калитку, я пропустил первым отца Исфандияра. Потом прошел сам и закрыл калитку на крючок. До обеденного стола, за которым сидел и ждал нас Кара-дайы, оставалось еще не менее тридцати метров. Мы стали медленно приближаться к обеденному столу, где всё еще ничего не было убрано. Кара-дайы привстал со своего места, чтобы поздороваться с гостем. Мугал шел впереди меня, вдруг он резко остановился, повернувшись, тихо сказал, покачивая головой:

– Опозорил меня на всю деревню! Я его отправил за дипломом, а он триппер привез!

Я догадался, что кто-то из зогаллинских доброжелателей из числа «знатоков медицины», и, скорее всего, не бесплатно, и именно сегодня раскрыл отцу Исфандияра сущность болезни под названием «триппер» и ее происхождение. Что, оказывается, позже привело его в ярость, и он в обед устроил дома сыну невиданный нагоняй, чуть до порки дело не дошло. Поэтому так поздно пришел он к Кара-дайы.

– Вы уж извините меня, Кара-дайы, и вас, наверное, заставил я ждать, – сразу начал оправдываться Мугал, как только поздоровался с Кара-дайы.

Кара-дайы будто только и ждал его оправдания, моментально вошел в роль, сценарий который скорее всего был выдуман им еще со вчерашнего вечера.

– Да ты присядь, присядь! В ногах правды нет.

Сел отец Исфандияра напротив Кара-дайы и с ходу хотел было начать говорить, но плохо он знал хозяина стола. Кара-дайы не дал даже ему слова сказать.

– Со вчерашнего вечера думаю, какой же ты всё-таки молодец, раз хочешь везти сына в Мингечаур для анализа! Вот что значит, когда человек с умом подходит к делу. Молодец! – похвалил Кара-дайы для профилактики отца Исфандияра. Тот аж засиял от счастья, он впервые слышал похвалу в свой адрес за все годы нахождения в Зогаллы. – А наши никогда не повезли бы, успокоились бы после Гаха, и всё! Какой анализ, какой манализ? – пожурил заодно Кара-дайы своих земляков-зогаллинцев. – Поверили бы доктору Рзе на слово, и всё! А ты молодец, он у тебя единственный, надо проверять, а как же!

Позже, после ухода отца Исфандияра, я поинтересовался у Кара-дайы, на самом ли деле он поддерживает того в стремлении везти сына в Мингечаур к другому врачу, или его похвала связана была с необходимостью, суть которой стала ясна чуть позже. Кара-дайы еще раз похвалил Мугала, развеяв имеющиеся у меня сомнения в искренности своих слов.

– Поздно уже думать, раз дело дошло до лечения, надо лечиться до конца. Опозорил он меня, Кара-дайы, как опозорил! Я его за дипломом отправил, а он триппер привез! – повторился Мугал.

– Да, ты вчера говорил, – ответил ему Кара-дайы. – Не с пустыми же руками возвращаться домой из Русета. Хоть что-то привез, – пошутил он. – Ну, ничего, с кем в молодости не случаются приключения? Слава Аллаху, доктор Рза, говорят, грамотный доктор. Что касается поездки в Мингечаур, я внука попрошу, Исфандияр к нему как к старшему брату относится, поедет он с ним обязательно. Если надо, я сам тоже съезжу.

Мугал тут же достал из внутреннего кармана пиджака небольшую бумажку и протянул мне. Там были написаны номер телефона и имя доктора: «Роман Ибрагимович».

– Доктор Рза сказал, что это его домашний телефон, позвонить лучше вечером, когда он будет дома. Днем он на работе. Он будет ждать нашего звонка.

– Сегодня же позвоним, – моментально отреагировал Кара-дайы. – Вот, телефон на подоконнике. И если надо, завтра же выедем. А чего тянуть-то.

Отец Исфандияра не ждал столь оперативной реакции Кара-дайы на его просьбу, попросил перенести поездку на послезавтра. Они с сыном в принципе готовы, сказал он, хоть сейчас могут выезжать, но надо еще машину найти. На послезавтра обещал ему машину кто-то из его мугальской родни.

– Да, да, не будем же автобусом ехать, чтобы все глазели на нас и спрашивали, зачем мы едем в Мингечаур? И тут ты молодец, и тут правильно решил.

Отец Исфандияра не стал ни пить, ни есть. Жена Кара-дайы сколько ни настаивала, не смогла уговорить его даже на чашку чая. Видно было, что он куда-то спешил, поэтому поднялся и собрался уходить.

– Доктору мы сегодня же позвоним, вечером. Наберем Мингечаур по междугородке, всё ему объясним. Расходы я беру на себя. Но в Мингечаур с пустыми руками

не поедешь, – сказал Кара-дайы и стал пристально смотреть на реакцию Мугала. Тот опять сел. Мне было очень интересно, к чему его склоняет Кара-дайы. Мугал задумался, потом показал три пальца и спросил у Кара-дайы:

– Три хватит? Вы как думаете, Кара-дайы?

– Думаю, хватит, – после некоторого раздумья ответил Кара-дайы. – Добавишь несколько килограммов очищенного фундука из нового урожая, фасоли килограмма три. Спиртное у меня есть, не проси ни у кого! Канистру вина я добавлю. Пять литров. А доктору сегодня же позвоним.

– Не знаю даже, как вас благодарить, Кара-дайы! Спасибо вам большое. И тебе спасибо, сынок, – повернулся он ко мне. – И вправду, Исфандияр к тебе как к старшему брату относится. Вовремя ты приехал.

– Всё оттуда управляется, – сказал Кара-дайы и поднял голову к небу. – Всё оттуда. И болезни он дает, и лечение он ниспосылает.

Мугал встал, поднялся и я, чтобы провести его до двери.

– А ты сиди, сиди, сынок! Соскучился, небось, по Кара-дайы, я перебил вас. Извините уж меня. К кому же мне, сироте, обращаться, если не к вам? Я чужой в Зогаллы, ни брата, ни сестры. Жена и единственный сын. Радовался, что поступил в институт, поучится, думал, и вернется с дипломом. А он мне, пожалуйста, триппер привез!

Махнул рукой Мугал и двинулся, не попрощавшись с нами, в сторону скотного сарая. Неожиданно для меня Кара-дайы окрикнул его и остановил:

– Давай всё-таки четыре сделаем! Три доктору, а один – лаборанту! Чтобы нормальный анализ дал.

Даже для такого щедрого отца, каким действительно являлся Мугал, четвертый индюк показался верхом расточительства, но перечить Кара-дайы было уже поздно. Он не ответил, только движением правой руки описал дугу, похожую на ту, которую описывает украинский казак, полностью смирившись с неизбежностью после пожара, в котором у него сгорел сарай, тихо приговаривая: «Сгорел сарай, гори и хата». «Если уж уходят индюки, пусть все уходят, где три, там и четыре», – означало движение руки Мугала, которому тоже пришлось смириться с неизбежностью потери четырех индюков.

Тут же довольный Кара-дайы налил по стопкам, я понял, что разговор с Мугалом вполне его удовлетворил и мы начнем с нуля. Но надо было подождать, пока Мугал покинет двор. Тот, дойдя до калитки скотного двора, отделяющей его от остального двора Кара-дайы, что-то вспомнил и двинулся назад.

– Что ему еще? Анассыны! – тихо произнес Кара-дайы, недовольный его возвращением.

– Совсем голову потерял, – метров за пятнадцать начал Мугал и, дойдя до нас, продолжил: – Даст Аллах, вернетесь с добротным анализом, Кара-дайы, хороший шашлык с меня! Обещаю! Как раз и внук ваш приехал. Захотите – посидите у меня, а если нет, всё притащу сюда, сам лично сделаю шашлык, сам лично обслужу вас! Я знаю, вашему внуку нравится посидеть у вас.

– Еще бы, – тут же вставил Кара-дайы, – даром его пою и кормлю, конечно, нравится!

Я промолчал, Мугал не понял, всерьез говорит Кара-дайы или шутит.

Тем временем лицо Кара-дайы изменилось, и на нем появилось выражение восторга, который он старался не выдавать. Я для себя решил, что, каким бы дальновидным ни был Кара-дайы, видимо, на застолье после поездки в Мингечаур он не рассчитывал. Появившийся блеск в его карих глазах выдавал дополнительную порцию удовольствия, полученную Кара-дайы после последних слов Мугала.

– Это даже не обсуждается, – после некоторого замешательства ответил Кара-дайы, как бы давая понять Мугалу, что застолье после возвращения из Мингечаура

рассматривалось им обязательной и само собой разумеющейся частью всего этого мероприятия. – Всё, о чем мы договорились, завтра к вечеру принесешь сюда! Четыре тушки индюка и остальное. Я тут сам запакую их в картонные коробки, как положено, и вино добавлю. Чтобы все выглядело прилично. Доктору чуть позже позвоним, вот телефон, на подоконнике, только трубку поднимай…

Мугал молча слушал Кара-дайы и кивал головой.

– Завтра к вечеру всё принесу к вам, Кара-дайы. А на послезавтра закажу машину. С утра выедете, дорога-то не маленькая.

И ушел Мугал: я молча следовал за ним, закрыв калитку на улицу, вернулся к столу.

– Четвертый был лишний, – посмеялся я.

– Мугал аж потемнел, – посмеялся и Кара-дайы, приказал жене подогреть еду, и сидели мы с ним допоздна.

Позже еще и позвонили в Мингечаур Роману Ибрагимовичу. Тот, видимо, ждал звонка, притом с нетерпением, но когда я начал говорить с ним на русском, на том конце провода повисла тишина.

– А ты кем больному приходишься? – спросил Роман Ибрагимович. – Мне сказали, что отец с сыном приедут.

Я представился, сказал, что я их сосед, приехал из Украины, нахожусь в отпуске в деревне. «Отец больного попросил меня съездить с сыном к вам. А в остальном, всё будет в порядке, приедем подготовленными!» – твердо покричал я в трубку и успокоил доктора.

– Ну, что ж, приезжайте тогда, – весело ответил Роман Ибрагимович.

***

Я с младшим Исфандияром сел на заднее сиденье желтого «Москвича» у них во дворе. Отец Исфандияра не хотел, чтобы нас видели на улице. Потом мы подъехали к дому Кара-дайы, я вышел из машины и пошел за коробками, об этом он меня предупреждал еще с вечера. Три картонные коробки были ожидаемо тяжелыми. Подозрительными оказались подсказки Кара-дайы, как и за что брать их, как нести и как положить в багажник. Тогда этому я не придал особого значения, но когда водитель закрыл дверь багажника, Кара-дайы отвел меня в сторону и тихо предупредил:

– Как сюда вынес, так и занесешь их в кабинет доктора! Открывать не надо!

Я улыбнулся, покивал головой. Я понял, что четвертого индюка в передаче нет, но только через несколько дней после возвращения из Мингечаура стало ясно, что я ошибался.

***

Водитель по дороге категорически отказался заехать в Шеки, где надо было высадить Кара-дайы. Мы только выехали из Зогаллы на трассу, как Кара-дайы учтиво предупредил его, что надо будет его завезти в Шеки, потом только ехать дальше. Реакция водителя оказалась бешеной, он, будто ужаленный гюрзой, вскрикнул громко и сказал, что знать не знает об этом и не хочет знать. Тогда Кара-дайы начал просить его, уговаривал шутками, но это не помогло, тот был упертый, как годовалый осел. Позже Кара-дайы решил пристыдить водителя, не имеющего ни капли уважения к старику, ветерану войны. Но было бесполезно.

– Никаких Шеки! – ультимативно заявил водитель. – Выставлю на развилке, доберетесь сами! Я так не договаривался. Или же разворачиваю назад! – грозил он.

Сценарий Кара-дайы не предусматривал возвращения с полдороги назад, и я заметил, что после последних слов водителя он немножко растерялся. Но быстро взял себя в руки, повернулся ко мне и приказал:

– Заплатишь этому голодранцу пять рублей! А то заплачет сейчас.

Я закивал головой, водитель тут же успокоился, будто орущему ребенку в рот дали соску. Он добился своего, к чему, собственно, и стремился, – что за отклонение от графика движения ему заплатят дополнительно. Высадили Кара-дайы мы возле шекинского автовокзала. В тени старинных чинар там его ждал старик примерно его же возраста, который за руку держал маленького мальчика. Договорились, что в четыре часа дня после обеда на обратном пути заберем его отсюда же.

***

Если в Зогаллы вовсю ощущалось приближение осени, но в Мингечауре еще бушевало лето: к одиннадцати часам дня температура в городе воздуха держалась на отметке тридцать градусов. А расстояние между Зогаллы и Мингечауром, между прочим, всего сто десять километров. При въезде в город инспектор ГАИ оштрафовал нашего хамоватого водителя, мне даже показалось, что он отделался небольшой суммой. Потому как после десятиминутной беседы с инспектором он вернулся к машине, засунул голову в кабину, где мы с младшим Исфандияром всё это время сидели и пеклись, чуть ли не приказал мне:

– Давай сюда пятерку за старика!

Тут же младший Исфандияр с заднего сиденья протянул ему синеватую купюру, не заметив моего мнимого возражения.

Еще через десять минут мы стояли перед поликлиникой, где работал Роман Ибрагимович. Наш водитель загнал машину в тень чинары, поднял капот, чтобы мотор остыл, сел рядом с машиной на зеленую траву. Мы с младшим Исфандияром пошли искать Романа Ибрагимовича, коробки с гостинцами пока оставили в машине.

Нам повезло: первым врачом, с кем столкнулись в коридоре, оказался Роман Ибрагимович. Это был высокий, крепкого телосложения метис, белый молодой человек со спортивной стрижкой. Лет ему было около тридцати. Он сам узнал нас, остановился, оглядел обоих, увидев, что мы с пустыми руками, недовольно поморщился и высокомерно на несовершенном азербайджанском языке спросил:

– Вы не от доктора Резо будете из Зогаллы?

– Те самые, – сухо ответил и я.

Указав рукой на скамейку в конце коридора, он пробурчал:

– Сидите там и ждите, сейчас подойду.

Мы просидели на скамейке и ждали его не меньше двадцати минут. Он не появлялся. Я злился, начал обдумывать варианты, в какой форме при его появлении выкажу свое недовольство. Младший Исфандияр молчал.

Наконец-то в конце коридора появился Роман Ибрагимович, но пока дошел до своего кабинета, по дороге несколько раз остановился и о чем-то поговорил с персоналом больницы. Дойдя до своего кабинета, он, не замечая нас, открыл его ключом, только после этого пригласил к себе. Я решил высказаться, рукой указал младшему Исфандияру оставаться в коридоре, сам зашел за доктором в кабинет и закрыл дверь.

Кабинет всегда сковывает посетителя, не каждый в состоянии произнести в кабинете то, что задумал в коридоре. Я тоже не исключение, но, с другой стороны, в тот день терпеть такое неуважительное отношение к себе я не был намерен. Роман Ибрагимович рылся в бумагах, не обращая на меня внимания, я злился еще больше, ждал, когда он наконец освободится и повернется ко мне лицом, и я выскажу всё, что о нем думаю. Вдруг, неожиданно для меня, громким голосом Роман Ибрагимович на русском языке приказал:

– Спускаем штаны, показываем член! – и только после этого, завершив поиск какой-то бумаги и не найдя ее, повернулся ко мне и увидел мое, мягко говоря, недовольное лицо.

– Во-первых, член сидит в коридоре, – непроизвольно на русском ответил я, собираясь перейти к той части ответа, где намеревался поставить его на место.

Но мой ответ так развеселил Романа Ибрагимовича, что он начал громко смеяться. Смеялся он с упоением, откинув голову назад, будто комедийный фильм смотрел. Моя обида и злость исчезли моментально – нравятся мне такие люди с необычным заразительным смехом, умеют они наслаждаться жизнью. Я всегда осторожничал общаться с людьми, которые только и делают, что загадочно улыбаются, приподнимая правый угол рта. Хитростью и авантюризмом несет от них.

Пока я поражался смеху Романа Ибрагимовича, он оказался рядом со мной, приобняв, посадил меня на стул и сам перешел на другую сторону стола и сел напротив меня.

– Не злись, старик, – сказал он мне, – я знаю, вы с дороги, жарко, утомились. Еще я заставил вас ждать. Издержки производства, – произнес он и опять зарядил свой смех во весь голос. Я молча наблюдал за ним.

– Член в коридоре, говоришь, да? – уточнил у меня и пластом лег на стол. Смех его был громким и артистичным, я сам начал смеяться и только сейчас догадался, что смеется он над моими словами.

Позже мы с ним беседовали минут пятнадцать, не меньше, младший Исфандияр ждал в коридоре.

– Раз речь зашла о члене, о нем я знаю всё, – без стеснения рассказал мне Роман Ибрагимович о специфике своей работы, будто меня знал сто лет. – С одной стороны, это хорошо, – объяснял он мне, – но, с другой стороны, это скучно и утомительно.

Даже сегодня, по истечении двадцати лет, я не знаю, с какой стороны знания о члене хорошо, а с какой стороны скучно и утомительно. Но тогда он мне рассказывал всё это так, будто я без его подсказок должен был всё это знать.

– Так что с ним? – наконец-то спросил он у меня.

Я коротко рассказал ему о болезни младшего Исфандияра.

– Как говорит его отец, поехал за дипломом, но привез триппер, – весело добавил я, поддержав приподнятое настроение Романа Ибрагимовича. Но лучше бы не поддерживал. Услышав мои последние слова, Роман Ибрагимович в очередной раз разразился громким смехом и затянул его минуты на три.

– Ну, что, тогда позовем члена в кабинет, – успокоившись, сказал он. – Хотя после Резо можно и не смотреть. Резо – мой друг, вместе учились, хороший он врач. Раз направил, проверим.

Тут я вспомнил о коробках, которые лежали в багажнике старого «Москвича».

– В багажнике нашей машины коробки для вас, с гостинцами. Отец его собрал. Жарко на улице, а то испортится еще.

– Вот с этого и надо было начинать, – полушутя, полусерьезно сказал Роман Ибрагимович. – Пошли, заберем, а член пусть еще подождет.

Ему я нагрузил две коробки, последние взял сам, и занесли мы их в его кабинет, поставили в самый угол. Только после этого я позвал младшего Исфандияра, а когда он зашел, сам я хотел выйти. Роман Ибрагимович движением руки усадил меня:

– Сиди, ты не мешаешь.

Надев перчатки, Роман Ибрагимович сделал хмурый вид и, став напротив младшего Исфандияра, просто-таки издевался над его повисшим членом, напевая под нос азербайджанскую народную песню «Nə baxırsan yetim-yetim» (Что ты смотришь, как сиротка?!).

– А чего он у тебя такой вялый, как страдающий от отсутствия влаги огурец? – спросил он у младшего Исфандияра.

Тот покраснел, поднял плечи и тихо произнес:

– Какой есть…

– По утрам он у тебя тоже такой или по утрам бодрее? – Роман Ибрагимович насмехался над младшим Исфандияром.

Я еле удерживал себя от громкого смеха. Покрасневший младший Исфандияр стоял посреди кабинета со спущенными штанами и выглядел жалко.

– По утрам бодрее, – к моему удивлению, всё-таки ответил он.

– Это уже хорошо, вот это уже хорошо, – продолжал представление Роман Ибрагимович. – Красивая хоть была? – неожиданно спросил он у младшего Исфандияра. На этот раз тот не ответил, скорее, не понял, о ком идет речь.

– Раз не хочешь отвечать, сейчас я сам проверю, – продолжая напевать, Роман Ибрагимович тонкой спицей взял образцы для анализа у младшего Исфандияра. Тот едва слышимым голосом пискнул, но тут же затих. – Я побежал в лабораторию. Ты подтяни штаны и в коридор, – указал он младшему Исфандияру за дверь. – А ты жди меня здесь, – приказал мне.

Потом мы еще около часа беседовали с Романом Ибрагимовичем в его кабинете. Он шутил, балагурил, рассказывал анекдоты. Я старался поддерживать его. Через час в его кабинет без стука зашла женщина средних лет в белом халате и спокойно доложила:

– Чисто, как у новорожденного, – и тут же удалилась. Я догадался, что она из лаборатории, докладывала результаты анализа.

– Позови его, пожалуйста, – попросил меня Роман Ибрагимович. Я завел младшего Исфандияра в кабинет. Он стоял перед Романом Ибрагимовичем, как провинившийся солдат перед прапорщиком.

– Значит, так, – Роман Ибрагимович перешел на азербайджанский язык, стал объяснять младшему Исфандияру, как ему дальше жить. – Всё у тебя хорошо! Отдельное спасибо скажешь доктору Резо! Это раз! Во-вторых, с сегодняшнего дня и до конца жизни, если хочешь, чтобы он у тебя больше не болел, каждый вечер, перед сном, заворачиваешь его в теплое полотенце и только потом ложишься спать. Понял?

– Понял, – тихо ответил младший Исфандияр.

– Дальше. Мало ли что, вдруг под рукой не окажется полотенца, скажем, тебе придется ночевать где-то в гостях. Тогда обязательно заворачивай свое сокровище в носовой платочек. Никогда не спи абсолютно голым. Понял?

– Понял, – еще тише ответил младший Исфандияр.

– Ну, и хорошо, что ты всё понял! С тебя тридцать рублей, и ты свободен!

Тот достал из кармана деньги, отсчитал три червонца и положил на стол.

– Жди в коридоре. Сейчас помоем руки и пойдем обедать. Я вас угощаю.

Когда Роман Ибрагимович мыл руки, я ненароком спросил у него:

– Насчет полотенца-то? Это серьезно?

– Хуже не будет, – посмеялся Роман Ибрагимович.

Потом Роман Ибрагимович повел нас в кафе, которое находилось недалеко от поликлиники. Водитель наш категорически отказался оставлять свою машину без присмотра и не пошел с нами.

– Это даже хорошо, мне дешевле обойдетесь, – пошутил Роман Ибрагимович.

Когда мы сели за стол, он позвал официанта и заказал столько еды, что всё, позже принесенное, еле поместилось на столе. Мне стало неудобно, хотел возразить, Роман Ибрагимович даже не дал высказаться:

– Вы мои гости, тем более, мы с вами почти земляки. Я из Шеки родом.

Принесли и бутылку водки.

– В такую жару? – неубедительно возражал я, хотя на такое количество еды бутылка сама напрашивалась.

Пили мы вдвоем с ним, младшему Исфандияру он даже не предложил.

– Держи в тепле! – после каждой рюмки он предупреждал младшего Исфандияра и смеялся.

Каждый раз тот виновато отвечал:

– Хорошо, обязательно.

Позже мы обменялись телефонами, он заверил меня, что когда приедет в Украину, найдет меня. А я заверил его, что в каждый приезд на Родину обязательно буду приезжать к нему в гости.

***

Через год в большой стране начались процессы, которые в итоге привели к ее развалу. Позже началась война в Карабахе, и людям стало не до встреч.

Больше мы с Романом Ибрагимовичем не виделись.

Уже в наши дни, посещая могилу своего студенческого друга в Шеки, на старинном городском кладбище, которое находится на кругу, где начинается новая дорога в Гах, я случайно наткнулся на почти заброшенную могилу, где на надгробном камне были высечены слова из азербайджанской песни «Nə baxırsan yetim-yetim»». Я замер, узнал его не сразу по небольшому фото в военной форме. Но это был он, балагур и весельчак Роман Ибрагимович, номер городского телефона которого до сих пор хранился в моем старом дневнике. По обе стороны могилы были похоронены его родители – отец азербайджанец, мать русская. По надгробным данным получалось, что родители Романа Ибрагимовича умерли в течение года после его смерти. Сперва мать, потом отец.

Я поискал старика, блюстителя кладбища, и, найдя его на другом конце кладбища, попросил почитать молитву за упокой души на могилах Романа Ибрагимовича и его родителей. Старик сразу узнал, о ком идет речь, и рассказал трагическую и героическую историю жизни Романа Ибрагимовича. Оказывается, с началом войны в Карабахе Роман Ибрагимович, единственный и еще не женатый сын своих родителей, втайне от них отправился добровольцем на фронт и погиб на второй день после прибытия. Его вместе с другими бойцами накрыло шальным артиллерийским снарядом.

Пока он читал молитву, я, как мог, почистил от давно заросшей и высохшей травы все три могилы, вытер пыльное лицо на фото Романа Ибрагимовича и надпись «Nə baxırsan yetim-yetim»».

***

Когда мы возвращались домой, в машине я рассказал хорошо подвыпившему в Шеки Кара-дайы, как долго Роман Ибрагимович заставил нас ждать в коридоре. И как он преобразился и повел себя после того, как я ему сообщил о привезенном для него гостинце.

О том, что Роман Ибрагимович позже повел нас в кафе и угостил обедом, промолчал. Потому что, как только мы выехали из Мингечаура, водитель наш начал нудить о своем голоде, норовил остановить машину где-нибудь возле первого же придорожного кафе.

Кара-дайы, прищурив глаза, в уме полистал годами созданную им же картотеку поведения служащих всевозможных рангов и, видимо, наконец-то нашел страницу поведения медицинских работников. Пока Кара-дайы думал, наш водитель хотел подключиться к разговору, но Кара-дайы не дал ему высказаться.

– Сейчас такого народу много стало, – тихо и с каким-то лишь ему понятным смыслом произнес Кара-дайы. – Раньше их было мало.

И стал Кара-дайы рассказывать, к какому типу относятся такие люди. Сначала он грязно выругал Романа Ибрагимовича на его же любимом русском языке. Ругань на русском сильно развеселила нашего водителя, тот всю дорогу повторял эти слова и ржал, забыв о голоде.

Кара-дайы очень сожалел, что ему пришлось по делам оставаться в Шеки. А то он с удовольствием поехал бы с нами в Мингечаур и там бы показал этому выскочке, так он назвал Романа Ибрагимовича, как должен вести уважающий себя доктор перед приезжими из Зогаллы гостями.

– Я бы ему дал бы там, ох, как дал бы!

Кара-дайы определил, что по натуре Роман Ибрагимович скорее натуральный зануда. Так, как он себя вел, по-иному его и не назовешь.

– Судя по твоему рассказу, за время, которое вы сидели напротив его кабинета и ждали его, никто к нему не обращался, значит, большую часть дня на работе он простаивает. Увидев пациентов, то есть вас, он должен был преобразиться. Но ему, как любому зануде, нужен благодарный народ. Но так как ваша благодарность лежала в багажнике, а вы вошли в больницу с пустыми руками, ваши пустые руки показались ему оскорбляющими его врачебное искусство. Зануда всегда рядом с народом, но только при условии, если народ щедр и благодарен, – продолжал философствовать Кара-дайы на радость водителю. – Именно поэтому он не спешил возвращаться в свой кабинет, где он иногда занимается своим искусством, и где он всегда ждет от народа благодарности!

На время мы все замолчали, только водитель неуклюже произносил ругательство, сказанное Кара-дайы, и смеялся.

– А вы, оказывается, еще тот старик! Ого! – восхищенно наградил он Кара-дайы комплиментом. Но Кара-дайы его не слушал, я понимал, что он хочет на мажорной ноте завершить характеристику Романа Ибрагимовича. Но Кара-дайы возобновил свой рассказ издалека.

– За свою длинную жизнь я выявил одну закономерность, – сказал Кара-дайы и повернулся ко мне. – Спроси, какую?

Я тут же спросил:

– И какую?

– А вот такую, – ответил Кара-дайы. – Городские врачи в больницах от приезжих больных из сельской местности ждут благодарностей больше, нежели от своих, от городских.

Водитель тут же поддержал его:

– Ай, спасибо, аксакал! К какому врачу ни приедешь, первым делом тебе на руки смотрят! Ты сперва выслушай человека, лечи его, потом уже жди благодарности.

Кара-дайы не нуждался в поддержке водителя, он был зол на него с утра, поэтому никак не замечал его. А я ждал его заключительных выводов о Романе Ибрагимовиче.

– Никогда ни с одним врачом ругаться нельзя! – как-то очень резко и неожиданно он начал учить меня. – Никогда, запомни! Каким бы занудой тот ни был! В самые трудные моменты мы обращаемся к ним! Особенно, если этот врач специалист по членам, – грубо, на азербайджанском он назвал специализацию Романа Ибрагимовича, вызвав дополнительный всплеск эмоций у водителя. Тот стучал двумя руками о руль и угорал. – Правильно я говорю, Исфандияр?

Исфандияр покраснел и молчал. Позже, вспоминая нашу поездку в Мингечаур, я так и не смог вспомнить хоть одно слово, произнесенное Исфандияром в машине. Он всю дорогу молчал.

– Не нравится врач, собирай вещи и уходи! А еще лучше, не ходи к нему. Раз уже пошел, доверься ему полностью! Ругаться с врачом нельзя! Может, знаешь, как наш Монгол Ширван, лежа на операционном столе, ругался с хирургом Отаришвили?

Я знал эту историю, но тут сам Аллах велел – Кара-дайы собирался привести пример, как не надо себя вести с врачами.

– Расскажите, буду знать, – ответил я.

– Как-то наш покойный Монгол Ширван, когда лежал на операционном столе по пустяковой болезни, перед самой операцией, перед самым наркозом то ли поругался, то ли грубо пошутил с хирургом Отаришвили в присутствии операционных сестер. Отаришвили это не понравилось, но он промолчал. Дали тогда Монголу Ширвану такой наркоз, что промолчал и он, но навсегда! Вот так вот! К тому же рассказывают, что Отаришвили, когда зашивал его, оставил у него в животе ножницы, хорошие, медицинские, нержавеющие. Так и похоронили Ширвана с медицинскими ножницами в животе.

Кара-дайы отчасти был прав. Когда умер Монгол Ширван (во время войны он служил в Монголии, по возвращении с войны столько рассказывал про Монголию, что заработал себе такое прозвище), ходили слухи, что перед операцией он неудачно пошутил с хирургом Отаришвили, и тот якобы оставил у него в животе операционные ножницы. Насколько правдивы были эти слухи, никто не знает. Но операция, оказывается, была плановой, Монгол Ширван, здоровый мужик, своими ногами залез на операционный стол, рассказывали зогаллинцы, но оттуда не спустился.

– Отаришвили не понравилась его шутка, поэтому он проучил Монгола, чтобы остальным было неповадно, – и сегодня рассказывают зогаллинцы. Как можно проучить покойника, чтобы он больше не повторял подобных ошибок, одному Аллаху известно.

Сосед, который омывал Монгола Ширвана перед похоронами, позже рассказывал, что, когда омывал живот покойного, почувствовал что-то твердое внутри живота. Если не ножницы, что тогда, спрашивал он. Тем более Монголу Ширвану перед операцией трижды клизму ставили, почистив весь желудок от твердых и мягких отходов.

Родственникам как-то надо было реагировать на слухи, весть о забытых в животе медицинских ножницах быстро распространилась. Через неделю после похорон, ошарашенный рассказами об оставлении операционных ножниц в животе покойного, один из близких родственников съездил в Гах и рассказал хирургу Отаришвили о своих подозрениях и попросил показать ему операционные ножницы, если это неправда. Рассказывают, что Отаришвили показал дремучему родственнику Монгола Ширвана обычные канцелярские ножницы и провел его из больницы словами:

– Не верьте слухам, мы очень бережно относимся к своим инструментам!

Жаловаться родня в милицию не стала, и лежит Монгол Ширван в могиле с операционными ножницами. И шутят иногда зогаллинцы черным юмором:

– Хорошо, что операционные ножницы делают из нержавеющей стали, ржаветь в могиле не будут, если понадобятся, в любой момент можно их достать.

Вернемся к Кара-дайы, который на мажорной ноте завершил свое заключение о Романе Ибрагимовиче.

– Ваш Роман Ибрагимович – настоящий зануда! – повернулся он к нам, ко мне и младшему Исфандияру. – Легче лечить запущенный геморрой, чем избавиться от такого зануды, анассыны! – под еще более громкий смех водителя Кара-дайы завершил характеристику мингечаурского доктора.

И когда водитель наконец-то замолк, Кара-дайы спросил у него:

– А ты чего ржешь, как моя лошадь в пятидесятых годах после утреннего кормления? Понравилось, да?

Сравнение с лошадью не испортило настроения водителя:

– Еще как понравилось, – сказал он. – Ну, вы, аксакал, даете!

– Верни тогда пятерку, раз понравилось! – сурово приказал Кара-дайы ему.

Лучезарное лицо водителя моментально скисло, и тот замолк аж до самого Зогаллы.

А пятерку он так и не вернул.

***

Мугал сдержал свое слово: на следующий день во дворе Кара-дайы он организовал для нас хорошее застолье. Принес много нарезанной для шашлыков индюшатины, зелени, свежих овощей, сыра, свежевыпеченного в тандире хлеба. Правда, как всегда, он сам не стал сидеть с нами, не появился и младший Исфандияр – наверное, стыдился.

Кара-дайы позвал своего соседа Сулеймана, как «большого специалиста по изготовлению шашлыков». Тот пришел вместе с женой, и она помогла жене Кара-дайы накрыть такой стол, что позже к нам присоединились и другие соседи Кара-дайы. Между прочим, в отличие от баранины, мясо индюшатины легко усваивается и хорошо переваривается, пожилые Кара-дайы и его жена в тот вечер, как я заметил, ели с двойным аппетитом. Сулейман на самом деле оказался «большим специалистом по шашлыкам» – таких сочных, мягких, вкусных шашлыков я давно не ел. И с выпивкой в тот вечер Кара-дайы угадал, пили мы красное вино из больших стаканов и часто благодарили Мугала за прекрасно организованный стол.

Поздно вечером, провожая меня домой, Кара-дайы, ехидно улыбаясь, спросил:

– Понравились тебе шашлыки из индюшатины?

– Еще как понравились! – восхищенно ответил я ему.

– Заглянешь тогда перед отъездом, еще раз попрошу Сулеймана, две тушки мугальской индюшки в запасе у меня имеются. В холодильнике держу.

– Откуда? – машинально вырвался у меня вопрос.

– Как откуда? – удивился Кара-дайы моей недогадливости. – Всё оттуда же! Сказал же, мугальские!

И тут на мою почти пьяную голову снизошло озарение, я громко засмеялся.

– Ну, Кара-дайы, я от вас такого не ожидал, – пошутил я.

Он не обиделся, продолжал ехидно улыбаться:

– Твоему Роману Ибрагимовичу и две тушки было много! Если бы я знал, что он так холодно встретит вас, положил бы тогда в коробку одну тушку, и всё! Хватило бы ему, анассыны! Так что, приходи перед отъездом!

***

В тот день во дворе Кара-дайы я последний раз видел Мугала, мужчину широкой души, оставившего после себя в разговорном зогаллинском языке знаменитое выражение: «Поехал за дипломом, а привез триппер». С его сыном, младшим Исфандияром, мы тоже перестали общаться, точнее, он перестал приглашать меня к себе в гости, когда я появлялся в Зогаллы. В первые годы после совместной поездки к Роману Ибрагимовичу мы, как правило, не стыковались. Когда я приезжал в отпуска, он находился в Баку на учебе.

Позже наступили тяжелые девяностые годы: как сговорившись, родители младшего Исфандияра умерли в течение года. Мугал умер через год после окончания сыном университета. Рассказывают, что диплом сына, когда тот с ним вернулся домой после окончания учебы, он долго держал в руках, потом целовал и плакал. Еще через год умерла мать младшего Исфандияра, добрая, мягкая женщина, покорно во всем подчиняющаяся намного старшему себя мужу. Да простит им обоим Аллах все их грехи.

К моему огромному стыду, я, будучи в Зогаллы, так и не пришел к младшему Исфандияру по соседству и не выразил ему своего сочувствия в связи со смертью его родителей. Эти и другие грехи, я знаю, рано или поздно аукнутся мне, но видит Аллах, в те годы я даже в родительском доме находился мало, большую часть своих отпусков проводил у Кара-дайы, в его хлебосольном доме и дворе.

Младший Исфандияр по окончании учебы устроился на хорошую работу, продолжает работать там же на руководящей должности. Родители успели женить сына сразу по окончании института на девушке «из очень хорошей, порядочной, чисто зогаллинской семьи», любит подчеркивать Кара-дайы, когда речь заходит о женитьбе младшего Исфандияра.

Традицию разведения индюков в домашнем хозяйстве младший Исфандияр продолжает, притом, с еще большим размахом. Судя по общему булькающему хору птиц, который доносится с их двора по утрам, у себя в хозяйстве он создал целую ферму по выращиванию этих домашних птиц. Трое взрослых, «очень воспитанных» (опять-таки, выражение Кара-дайы) сыновей младшего Исфандияра мастерски управляют этой фермой.

***

Возможно, я никогда не решился бы написать об истории семьи Груши Исфандияра, обладателя самого длинного прозвища за всю историю Зогаллы. Тем более, тема присвоения прозвищ мужчинам в Зогаллы с каждым годом теряет свою актуальность, и новое поколение зогаллинцев в наши дни не придерживается этого обычая. Сегодня в разговорном языке зогаллинцев почти не употребляются прозвища, начинают забываться потомственные прозвища, когда-то являвшиеся отличительными знаками целых семейств.

К тому же, чувство неловкости и стыда за невыражение до сих пор сочувствия в связи со смертью родителей младшего Исфандияра никогда не покидало меня – поэтому, каждый раз проходя мимо двора Груши Исфандияра, я ускорял шаги во избежание случайной встречи с ним. Но видит Всевышний, каждый раз, посещая могилы своих близких на зогаллинском кладбище, я обязательно останавливался и возле могил родителей младшего Исфандияра, которые лежали рядом с могилой старшего Исфандияра в тени грушевого дерева, и просил Аллаха ниспослать их душам покой.

С другой стороны, меня, выросшего в среде, когда у каждого зогаллинского мужчины было свое неповторимое прозвище, вживую общавшегося с обладателем самого длинного, так и тянуло написать о нем, о Груше Исфандияре. К тому же я боялся, что, если я не расскажу миру об истинно зогаллинском методе определения яйценоскости у индюшек, завтра какой-нибудь мугал своим грязным пальцем поковыряется в заднице этой прекрасной домашней птицы, случайно определив ее яйценоскость, и побежит патентовать метод как свой.

Поэтому при написании этого рассказа я, как всегда, руководствовался только благими намерениями, старался сохранить всё то, что по праву считается истинно зогаллинским.

Но ведь не зря говорят, что благими намерениями вымощена дорога в ад, куда, наверное, еще мне предстоит когда-то заступить, и где, скорее всего, я встречусь со многими своими героями, уже закончившими земную жизнь.

Всё предопределила наша случайная встреча на улице с младшим Исфандияром. Случилась она года три назад: он сидел на улице на скамейке напротив своего дома, вытянув вперед свою поломанную ногу. Рядом стояли костыли, с помощью которых, видимо, он двигался. Я был в курсе, что он недавно сломал ногу, неудачно упав с чердака.

Встретились мы не только как соседи, но и как старые добрые знакомые. Увидев меня, младший Исфандияр поднялся, опершись на костыли, хотел пойти мне навстречу. Я остановил его, посадил на скамейку, присел рядом с ним, и минут пятнадцать мы поговорили обо всем, вспомнив в том числе поездку в Мингечаур. Я постучал по его больной ноге; вместо ожидаемого твердого гипса она оказалась мягкой.

– Гипс сняли неделю назад, – тут же ответил младший Исфандияр, – но наступать по полной всё равно еще боюсь. Поэтому жена каждое утро перевязывает больную ногу для устойчивости, – посмеялся он.

– Тебе к перевязкам не привыкать, – пошутил и я, напомнив ему давнюю установку доктора Романа Ибрагимовича.

Прощаясь, я пожелал ему скорейшего выздоровления и впредь быть осторожным, слезая с чердака. Младший Исфандияр долго держал мою руку, думая о чем-то, не хотел отпускать ее. Вдруг он неуверенно спросил:

– Какие планы у вас на вечер?

Как можно мне задавать такие вопросы, дорогой мой Исфандияр? Какие у меня могут быть планы, когда я приехал отдыхать в родную деревню? Когда я за год своего отсутствия успел заскучать по традиционному зогаллинскому застолью?

Да не было никаких у меня планов, только вот сегодня проведаю Кара-дайы, и все! И все, свободен я! Так и сказал я младшему Исфандияру.

– Ну, да, – произнес он, – Кара-дайы для вас священный! Давайте тогда так, сегодня проведайте его, а завтра в обед я жду вас у себя. Не отказывайте, пожалуйста, сколько не виделись.

Конечно, я завтра в обед буду у него, отказать на приглашение в гости не в моих правилах, поэтому я сразу согласился с его приглашением, для убедительности подчеркнув, что завтрашний день как раз у меня свободный, никому ничего обещать не стану и никуда не пойду! Как бы предварительно обязывал его, чтобы он тоже не передумал.

– Тем более ваш дом для меня не чужой, тем более ты такой открытый, гостеприимный хозяин. Обязательно буду, не переживай, – ответил я ему. – Как я могу тебе отказать? Сколько шашлыков индюшатины съедено в вашем доме, когда живы были твои родители. Да ниспошлет Аллах их душам покоя, да простит им он все грехи, если они были у них при жизни, – наконец-то я выразил младшему Исфандияру свое сочувствие по умершим его родителям.

– Мы все грешные, – тихо согласился он со мной. – Завтра в обед встречаемся? – на этот раз уверенно повторил он свой вопрос, стало понятно, что не передумает.

– По рукам, у вас так у вас! Шашлыки так шашлыки! – пошутил я и свойственным только наглым гостям посылом, сам того не желая, обозначил основное блюдо завтрашнего обеденного меню.

***

Чего греха таить, люблю я ходить в гости к проверенным людям.

Описывать, какой был стол, не вижу надобности. На столе было всё, какой-то дальний родственник младшего Исфандияра жарил шашлыки и подавал нам, и каждый раз, когда подносил их нам на стол, по нескольку раз извинялся, что мешает нам обедать. Сколько я его ни просил, он так и не присел к нам, потом и вовсе ушел.

Зато с нами с самого начала до конца за столом сидела жена младшего Исфандияра, позже я посчитал, что в общей сложности мы втроем сидели около пяти часов за столом. Иногда жена младшего Исфандияра вставала подать чего-то недостающего, несколько раз она подогревала нам еду и приносила чай, что в зогаллинских застольях очень даже практикуется в перерывах при употреблении спиртного. Несколько раз она вспоминала сыновей, один из которых проходил службу в армии после университета, а двое еще учились в Баку.

Пили мы с младшим Исфандияром водку, с самого начала я заметил, что пьет он со знанием дела. Жена младшего Исфандияра несколько раз сделала ему замечание, чтобы тот пил поменьше, но они оказались неубедительными.

– Может, хватит, а? – говорила она ему. – У тебя же нога сломана.

После каждого такого замечания мы с младшим Исфандияром громко смеялись, не находя ничего губительного в водке для сломанной ноги. Когда мы смеялись, она присоединялась к нам, сама смеялась над своими словами не меньше нас, добавляя:

– Ночью будет вставать в туалет, сломает и другую ногу, – оправдывала она себя, но через некоторое время опять просила мужа, чтобы он пил поменьше.

Мое уверенное распитие, как я понимал, принималось ею само собой разумеющимся занятием:

– Столько лет вы дружите с Кара-дайы, он-то уж точно знает, как и сколько пить. И вас приучил к этому делу хорошо! Сам-то он, вон сколько лет ему, говорят, и сейчас пьет, – ответила она мне вполне серьезно, когда я интересовался у нее, почему ее мужу нельзя много пить, а мне можно? «Убедительный аргумент», – подумал я, но в шутку ответил, что Кара-дайы уже не пьет, только наливает.

Позже, когда я уже был достаточно выпившим, я имел неосторожность и рассказал младшему Исфандияру о погибшем в войне Романе Ибрагимовиче. О том, как я случайно увидел его могилу на старом Шекинском кладбище, узнал его по надписям на надмогильном памятнике. Жена младшего Исфандияра покраснела, моментально встала и ушла.

– Не переживайте, – продолжая есть, спокойно ответил младший Исфандияр. – Она знает эту историю, но с другой стороны.

Минут через десять она вернулась и, как ни чем не бывало, присоединилась к нам.

Когда я уходил, начинало темнеть, индюки, загнанные женой младшего Исфандияра на ночлег в индюшатник, перестали булькать. Провожать меня до улицы хотел выйти младший Исфандияр, но жена командирским голосом не дала ему даже подняться с места.

– Сиди уж, – сказала она ему, – я сама проведу. Споткнешься еще, не дай Аллах. Я сама проведу. Вернусь, сниму бинт, и будешь спать.

На выходе со двора я поинтересовался у нее, сколько ее муж еще должен ходить с забинтованной ногой? Что врачи говорят?

– Гипс сняли неделю назад, но он еще боится. Поэтому каждое утро бинтую, пока боязнь не пройдет, а вечером снимаю. Всё делаю сама, по дому он ничего не умеет делать.

Дальше было то, при одном вспоминании о чём я и сегодня краснею. Стыд и срам на мою голову, сколько же надо было мне выпить, чтобы решиться задать этой гостеприимной, добродушной женщине такой невоспитанный вопрос. Это сегодня я краснею и заливаюсь жаром, а в тот вечер спокойно спросил у нее:

– А свое хозяйство хоть Исфандияр сам обворачивает полотенцем?

Хорошо, что было темно, хорошо, что я не разглядел покрасневшее от смущения лицо жены младшего Исфандияра. Она опустила голову и тихо ответила:

– Сам, – но прежде чем уйти, добавила. – Хорошего вам вечера.

– И вам хорошего вечера! До свидания!

Железная калитка захлопнулась за мной; от растерянности она несколько раз не могла попасть щеколдой в засов. Я стоял на улице и ждал, когда же она зафиксирует закрытие двери. Через минуту щеколда со скрипом вошла в засов, дверь намертво закрылась на ночь.

Чудны твои дела, о, Аллах! Дай разума всем своим временным гостям на этом свете – и детям, и взрослым, и молодым, и старикам, в том числе и мне, и моим землякам-зогаллинцам! Достучись в сердце каждому, разум потерявшему! Аминь!

СОДЕРЖАНИЕ 2022

НЕТ ВОЙНЕ В УКРАИНЕ! №4

Проза

Абдуллах М. Алагез. Повесть. Пер. Кадырзаде Л. №1; Рассказы. Пер. Кадырзаде Л; Маммед Т. №4; Счастье, закованное в камни. Рассказ. №11
Айдын Х. Воробушек. Рассказ. Пер. Мамедова Н. №3
Агамамедова Г. Рассказы. №2; Птицы. Притча. №9; Война. Свидание с Президентом. №11
Азер А. Новеллы. №4
Азери А. Огъел. Рассказ. №3; Рассказы. №10
Андреева Е. Рассказы. № 12
Аран С. Рассказы. №1; Надгробие. Роман. №11
Ассаяс М. Золото, призраки и новобрачные. Новелла. Пер. Агамамедовой Г. №5
Атагам. Рассказы. №8; Два глупца в океане. Рассказ. №11
Багирова Л. Новеллы. №№3, 9
Берколайко М. Прыжки. Рассказ. №3; Седер на Искровской. №7. Вперед, на Азизбекова, 17! Повесть 12
Верховский М. Иудейка из Кюрдамира. Юмореска. №5
Геллерт У. Тафиаркан. Horror. №5
Гийом Жан. SARILAR. Одиссея. Новелла. Пер. Агамамедовой Г. №1
Джумазаде В. Рассказы. №2; Рассказы. №8
Димидов А. Рассказы. №9
Дурсунов М. Лудильщик Гриша. Рассказ. №5; Груша Исфандияр. Рассказ.№ 12
Ильин Н. Поворот налево. Юмореска. №6
Кулатаев М. Усыновленный. Рассказ. №10
Мираламов М. Медальон. Рассказ. №2
Мовсум Р. Армянский вандализм в советские времена. Пер. Султан С. №2; Взгляды через кровавую призму, или вторая жизнь Габиля Алиева. Обжоры. Пер. Аббасовой С. №11
Мустафазаде Р. Рассказы. №1
Наджафзаде Г. Смерть осталась в том мире. Пьеса. Пер. Мустафаевой Е. №5
Назирли К. Рассказ. №1 Пер. Ахундовой П. №1
Пересада И. Рассказы. №3
Пириев Г. Рассказы. Пер. Мамедова Н. №10
Расулзаде Н. Артуркина любовь. Рассказ. №2; Молния на юбке. Рассказ. №4; Рассказы. №№5,6; Двое. Рассказ. № 9
Ревва И. Великое ковидное вымирание. №9
Сарыторпаг З. Будь мужиком! Рассказ. Пер. Ахундовой П. №10
Сафаров А. Путешествие в Испанию. №8
Свистунов А. Кукольный театр. Рассказ. №4.
Смирнов М. Рассказы. №1
Таир Али. Мишоппа. Роман. № 6, 7
Тофикгызы Г. Рассказы. №3
Третьяков И. Превыше всего. Эссе. Из цикла «Пахари двадцатого века». № 12
Устименко А. Полонез в туркестанском халате; Акведук через красный проспект… Рассказ. №4

Шаулов С. Селфи с Дантесом. Современная притча. №3; Модуль поднебесный. Душа откликается. №9
Эльдарова М. Миниатюры. №11
Эмин М. Пять шагов. №10; Театр на Малой Вишневой. Драма. № 12
Эмрах В. Рассказы. Пер. Мамедова Н. №5
Эфенди А. Рассказ. №5

Поэзия

Алиева А. Стихи. №9
Багирова Л. День надежды. №1
Воронина Н. Стихи. №5
Галеев С. Стихи. №10
Гахраман И. Стихи. № 12
Гладков А. Рассказы. №9
Гусейнов В. Стихи. №2
Касумова Е. Стихи. №11
Керимов Р. Стихи. №2
Керимова К. Стихи. №5, 11
Лукомников Г. Стихи. №10
Мамедов Р. Стихи. №11
Расул Рза. Стихи. Пер. Павловой М.; Тарковского А. №6
Рафаилова Т. Стихи. № 12
Родионов А. Стихи. №11
Сарван С. Стихи. Пер. Мамедова Н. №3
Смирнова Л. Стихи. №7
Степанов Е. Свет- и- судьба. Поэма. №3
Субхи С. Стихи. №5
Сулейманова Ш. Стихи. Пер. Шафиева М. №2, 11
Таисоглу Т. Стихи. Пер. Тарасевич И. №8
Талыбова А. «Расслышать друг друга…» Переводы из словацкой поэзии. №4
Тасалова И. Стихи. №8
Тасалов А. Стихи. №10
Фархади Р. Стихи. №4
Хамедова С. Стихи. №11
Шаулов С. Стихи. №3
Шафиев М. Наивный манифест. №4
Шеуджен И. Стихи. №8
Шефает Г. Стихи. Пер. Мамедзаде С. №11
Шигин Б. Стихи. № 12
Эфенди Азер. Ум – известно, не водица – он и в камень просочится. №6
Эфенди Адиля. Стихи. №10
Ягубов А. Планета любви. Стихи. №3, 11
Яшар А. Стихи. Пер. Мамедова Н. №1

Публицистика

Аббасова Р. Надо верить в себя и в свое будущее. №4
Абдуллабекова Г. Карабах в творческих инспирациях польских кавказских поэтов XIX века. №4; Низами Гянджеви в польской энциклопедии XIX века. №10, Несколько слов о творчестве Ольги Токарчук. №12
Агакеримов И. Художник в зеркале собственных творений. №2

Агамамедова Г. Публичная персона. №1; Базис и надстройка. №2; Аусвайс. №3; Страх. Ангел и бес. Что в нас от ангела, а что от беса. №5; Коллективная ответственность. №7; Осажденная крепость. №8; Устрашение. №10

Багиров А. Мухаммед Физули и канонический жанр газели в азербайджанской литературе: предшественники и последователи. №9

Багирова Л. О чем помнит осень? Эссе. №1; Урок географии. Эссе. №5

Бакуменко А. «Метаязык» литературоведения Агатангела Крымского. №1, Поэт из страны поэтов. №6, Мыслители национального Возрождения. №12.

Балаев Н. «Катастрофист на пенсии…» или страсти по Чеславу Милошу. №3

Васильев А. Ордубадские лимоны, кенгерлийские всадники и хыналыгские небожители. №2

Верховский М. Интервью с известным скрипачом из США Азером Дамировым. №2; Интервью с известным дизайнером Сан-Франциско. №3; Интервью с сотрудником ООН Нарминой Гулиевой. №8; Три Эссе. №11

Гасанбей Ю. Заступнические строки Галиба Шефаета. №11

Гарагёзова Э. Деконструкция архетипов и канонических текстов в постмодернистской азербайджанской прозе № 12

Габиббейли И. Великая опора азербайджанской литературы Народный писатель Мирза Ибрагимов. №5

Гурбансой Г. Герой сатиры М.А. Сабира Мохаммед Али-шах. Пер. Халиловой Н. №7

Гулиев В. Джемиль Александрович – исследователь мавзолея Низами Гянджеви. №2

Дамиров А. Harmony. №8

Мамедов Н. Эвристическая ценность идей Низами Гянджеви. №4; Книжные рекомендации. №5

Мамедов М. Эвристическая ценность идей Низами Гянджеви. №4

Манафов Ш. Азыхская история. №5

Меликли Т. От революционной романтики к суровой действительности. №3

Мустафаев Н. Украинский бакинец. №1; Гражданский и научный подвиг Титанов. №10

Мустафа Ф. Эссе. Пер. Касумовой Ш. Гамарли Г. №2

Рустамли Т. Вспоминая Мансура. №1

Тагисой Н. Писатель планетарного масштаба. №5

Сафаров М.А. Крит. Путевые заметки. №3

Семяшкин Р. Памяти Муслима Магомаева. №10

Устименко А. Дервиш, делающий чудеса. Эссе. №6; Какой-то пьяный звездочет… Очерк. №9

Хакимов А. Добрый друг, милый дом… №4; Жить среди чудовищ, или человек минус… №5; За горизонт событий. №9; Дима-солнце. №11

Халыгова С. Мультикультурализм. №8

Ханджанбекова Ф. Четыре награды и вся жизнь. №9

Чеменли М. Литературная судьба Хуршудбану Натаван. Пер. Азизовой Э. №11

Шафиев М. Краткая история бакинской русскоязычной поэзии. №2, 3, 10; Два этюда. №5; Запоздалое. №9; Низами «Сокровищница тайн…» №10

Шариф Г. История одного подарка. Пер. Азизовой Э. №11

Шукюров А. Творчество Абая Кунанбаева в Азербайджане. №10

Эминов А. Творчество без фальши. № 12

Эфендиева И. Лирическая поэма о Шуше. №1